Н. ВИРТА

В ОДНОЙ СТРАНЕ

ПЬЕСЫ

·ИСКУССТВО·

Н. ВИРТА В ОДНОЙ СТРАНЕ

Н. ВИРТА

В ОДНОЙ СТРАНЕ

ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ

•

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
· ИСКУССТВО ·
МОСКВА · 1952

ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ

ДРАМА

В 4-Х ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ганна Лйхта — заместитель премьер-министра, член Бюро Центрального Комитета коммунистической партии, 45 лет.

Баст — ее секретарь

Макс Вѐнта — редактор центрального органа компартии, 36 лет.

Коста Варра — земледелец, депутат парламента, 46 лет.

Мина — его жена, 45 лет.

Магда Форсгольм — работница танкового завода, коммунистка, 22 лет.

Кум Стѐбан — земледелец, сосед Варра, 50 лет.

Иоаким Пйно — министр общественной безопасности, лидер социал-демократической партии, 60 лет.

Марк Пино — его сын, мастер танкового завода, член Центрального секретариата профсоюзов, 30 лет.

Файн — секретарь Иоакима Пино, 62 лет.

Христина Пáдера — министр продовольствия, один из руководителей партии Национального единства, 44 лет.

Куртов — ее помощник по министерству, 46 лет.

Кардинал Бирнч — глава католической церкви, 58 лет.

Яков Ясса — монах, его секретарь.

Гуго Вастис — крупный промышленник, лидер католической партии, 49 лет.

Герц — его секретарь.

Кира Рейчел — журналистка из Чикаго, 33 лет.

Генри Мак-Хилл, из Нью-Йорка — представитель Уолл-стрита, большой финансовый туз, 57 лет.

Фимус — земледелец.

Полицейский.

Капитан войск общественной безопасности.

Слуга во дворце Народного фронта.

Стенографистки, корреспонденты на заседании Совета Народного фронта, члены делегаций.

Действие происходит в 1948 году в одной из западных стран.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ферма Косты Варра. Дом увит плющом, вокруг растут плодовые деревья. На переднем плане — открытая терраса с дверью в дом. На заднем плане — старинный замок; он венчает вершину величественного холма, спускающегося к слиянию двух рек. Медленно угасает теплый день.

Явление 1

На террасе — Коста, Мина, Марк Пино, кум Стебан и Магда. Они пьют вино. Неторопливо течет их беседа.

Мина (*прислушиваясь к звону колоколов*). Сегодня в замковой церкви торжественное богослужение. Его совершает сам кардинал Бирнч. Час назад он проехал в замок. У него лицо пророка, он плакал, — так мне показалось.

Коста (*хохочет*). Крокодилы, Мина, тоже плачут при виде своих жертв!

Мина. Хотя бы ради праздника вознесения господа нашего Иисуса ты придержал свой язык, Коста! (*Извиняющимся тоном.*) Он чистый безбожник, господа, чистый безбожник!

Коста (*подмигивая*). Это не мешает ему, Мина, быть хорошим хозяином на своей ферме и хорошим мужчиной, а? Шестеро детей, хо-хо!

Мина. Много ли от того толка, что ты ходишь в штанах? То ты в парламенте, то бог знает где еще. Молчи, молчи, знаю я тебя, говорун! Мало тебе трезвона дома — тебе надо поточить язык в парламенте.

Марк. Что ж, Мина, Коста Варра храбро воевал с немцами, а теперь с трибуны парламента воюет за народные права. (*Последние слова говорит снисходительно.*)

Мина. А что же такое он отвоевал для народа? Земли у нас стало больше? Налогов меньше?

Коста. Ничего, жена, клыки у нас еще целы! Да, повоевали мы с вами, мастер Марк! Не глядите, что он молод! Хо-хо! Хотел бы я видеть командира танковой дивизии дельнее Марка Пино! Нас и парило, и жарило, и вымачивало... Два года из окопа в окоп, а потом из танка в танк. Наши шкуры так продублены, что им теперь ничего не страшно.

Мина. Опять о войне!

Кум Стебан. Да, то были страшные времена!

Мина. Да-да, кум Стебан. Иной раз кажется, будто за все шесть лет оккупации мы не видели ни единого светлого дня.

Марк. Выпьем за то, чтобы те мрачные дни не повторились.

Коста. Вы сказали то, что я думал, мастер Марк. Принеси-ка, жена, еще вина!

Мина (*ворчливо*). Тебе не привыкать накачивать доверху свою бочку, Коста Варра! (*Уходит.*)

Коста. Хо-хо! У каждого есть жена, и у каждой жены своя музыка. Выпить за свое здоровье — да разве это грех? А я хочу быть всегда здоровым и с туго набитым барабаном.

Марк. Мне, пожалуй, пора на завод.

Магда. Вам скучно с нами?

Коста. До утренней смены много времени, успеете выспаться.

Магда (*любовно*). Ну, нет, Варра, Марк Пино спать не любит. Уж если он был хорошим подполковником танковых войск, так теперь он лучший мастер на нашем заводе. Он много читает: в наш век техника бежит бегом...

Коста. Хо-хо! Пойди догони ее!

Кум Стебан. Вам бы генералом быть, мастер Марк, или заняться политикой, как ваш отец, и блистать в высшем свете... (*Помолчав.*) Бог мой, время несется сломя голову! Я помню Иоакима Пино молодым, с черной копной волос. Теперь он совсем седой.

Марк. Седым он стал в немецком концлагере.

Коста. Помнишь, кум Стебан, как тридцать лет назад мы, прячась в поле, читали статьи Иоакима Пино? Он писал их в эмиграции. «Только сам народ добудет себе свободу», — писал он.

Марк (*со снисходительностью молодости*). Да, когда-то он писал правильные вещи...

Коста (*загадочно улыбаясь*). А я так и не могу сообразить: отвоевали мы свободу или нет?

Магда. Как же, Варра, мы свободны... и голы!

Кум Стебан (*раздраженно*). Молчи, Магда! Охо-хо!

Моя Анна тоже уверяет, что я отстал от жизни. Было время, когда она ползала на моих коленях и, изображая собачку, тявкала на меня. Теперь молодежь готова тявкать на нас взаправду.

Коста. Ах, кум Стебан, стало быть, молодость лучше нас понимает, что нужно миру. Жизнь, сосед, не стоит на месте, и очень хорошо.

Марк. Верно, Коста, верно!

Коста. Иоаким Пино — давнишний борец за независимость нашей страны, лидер старейшей в стране партии социал-демократов, министр общественной безопасности... А вот его сын плюет на блистательную военную карьеру, идет на завод и становится мастером... Как будто и непонятно, но если вникнуть глубже...

Магда (*говорит очень горячо*). Чтобы стать политиком в наши дни, надо знать, чего хочет народ. А это можно узнать только от самого народа. Вот он и пошел на завод.

Кум Стебан (*с тоской*). Чего хочет народ! Народ хочет хлеба, земли и мира — вот он чего хочет, Магда!

Магда. Мы и делаем мир, делая танки.

Коста (*хохочет*). Правильно, Магда! Землю нам, заводы рабочим, а? И мир всем?

Магда. А все это в наших руках, Варра, вот в этих мозолистых руках.

Входит Мина с кувшином вина.

Явление 2

Коста (*разливая вино*). Прошу, друзья, очищайте место для следующего урожая.

Кум Стебан (*с тоской*). Не дай бог, чтобы он был такой же, как в прошлом году!

Магда. Э, Стебан, что горевать! Выпейте: через стакан вина, сказано, жизнь кажется розовой.

Мина. Ах, вы разбередили мое сердце вашими разговорами о временах аккупации! Помню, в сорок втором это было, когда убили наместника Мюллера, — пусть ад будет вечным жильем этому фашисту,— вот в такой же вечер Ганна Лихта пробралась сюда... Босая, в драной одежде, едва живая... «Женщина, — сказала она, — я отдаюсь вашей совести. За мной гонятся гестапаки, спрячьте меня».

Коста (*восхищенный Миной и желая ей польстить*). Эге! А я и не знал об этом!

Мина. Я не сорока, вроде тебя, чтобы трещать обо всем, что знаю. Тогда так же, как сейчас, гудели колокола в замковой церкви...

Магда. ...и кардинал Бирнч молился о здоровье фюрера... помните, соседка?

Мина (*не обращая внимания*). ...вечер был тихий, я сидела у окна, уложив детей, и думала, где же теперь мой Коста?.. Пусть Иисус простит его чревоугодие, еретичество и злоязычие!..

Коста (*добродушно посмеиваясь*). Пой, жена, пой: пение хорошо действует на пищеварение.

Мина. ...Я узнала ее, прежде чем она назвала себя.

Магда. Кто не знает у нас Ганну Лихта!

Коста (*с гордостью*). А ведь Магда Форсгольм, мастер Марк, была рядом с Ганной Лихта в партизанской борьбе. (*Треплет Магду по плечу.*) О-о, она молодец!

Мина. Коста, ради бога, не мешай мне... Так вот: слава богу, палачи потеряли след Ганны Лихта, и она прожила у меня неделю... Как она любила играть с детьми! Да и то сказать, как не любить их, когда потеряешь своих... А она потеряла всех-всех... (*Вытирает слезы.*) Я проводила до границы Юга ее и Магду...

Коста. Магда тогда и ушла с Ганной Лихта.

Мина. ...а потом мы услышали, что Ганна подняла на Юге восстание, была комиссаром партизан...

Магда. ...и первой из тех, кто подал на нашей земле руку советскому солдату. Вот это женщина! Везде, где боролись за свободу, Ганна Лихта была там. В Вене, в Испании...

Марк. Да, велик ее путь!

Магда. А как ее любили партизаны!

Коста. Так выпьем эту чашу за Ганну Лихта, за «Совесть народа», как ее прозвали люди.

Пьют. Пауза.

Кум Стебан. Что-то давно ее не слышно.

Марк (*тоном человека, осведомленного в политике*). Она послана на Юг чрезвычайным комиссаром.

Коста. Да-да! Говорят, будто реакция готовила там восстание.

Мина. Спаси нас, мадонна, от междоусобицы!

Кум Стебан. Эхе-хе! Беды бегут к нам бегом, а от нас ползком.

Коста (*в ярости*). Беру быка за хвост и скажу, кто крутит на Юге. Это дело жирных попов кардинала Бирнча.

Мина (*трагически*). Вот бог и наказал нас засухой за твое безбожие, Коста Варра!

Коста (*нравоучительным тоном*). Жена, в России сто миллионов безбожников и урожай, какого не было много лет!

Кум Стебан. Да, плохо дело! Последние крохи съедаем, а до урожая еще целый месяц...

Марк. У нас есть друзья, они еще есть у нас. (*Воспитанный отцом в традиционном духе «демократизма», он тщательно избегает крайних выражений и пытается срезать острые углы.*)

Коста. Хо-хо! У нас есть миллионы друзей на западе, только они сами щелкают зубами от голода.

Марк. Что-то невеселая у нас получилась беседа!

Коста. Полно, мастер Марк! Земля вертится — и слава богу. Не все хорошо, но будет лучше. Наливай, жена!

Марк. И себе, и себе, Мина!

Кум Стебан. Еще трех сыновей тебе, соседка!

Мина. Вы уж скажете!

Коста. Твое здоровье, пила, будь еще острее. Люблю зубастых. Верно, сосед! Больше детей — больше радостей.

Кум Стебан. И больше нужно хлеба... А земли столько же, и дает она все, что может... Да-да, и она имеет свои пределы.

Магда. А вон у русских нет пределов ничему... Я видела их на войне, а в прошлом году была в России с делегацией. Да, это люди! Что воевать, что работать, что веселиться!

Мина. Слушай, Магда, наш священник говорил нам, будто в Советах коммунисты могут иметь по пяти жен. Неужто они отбирают их у живых мужей?

Магда. Ваш поп врет, Мина, врет, как свинья.

Кум Стебан (*в ужасе*). Магда, да ты не коммунистка ли?

Марк (*насмешливо*). Да еще какая! Разве вы не знали?

Кум Стебан (*покачивая головой*). Тогда мне все понятно.

Магда. Мне одно понятно, Стебан: у русских вся земля, все заводы и вся власть принадлежат народу. А у нас?

Марк. Все это они отобрали силой. А у нас все, что принадлежит народу, мирно перейдет к нему.

Магда. Через сто лет, а?

Коста. Нет, если нам, земледельцам, держаться вместе, как в Советах, это может случиться, и очень скоро.

Кум Стебан. От твоих слов недалеко и до колхозов, Коста!

К о с т а (*ударив кулаком по столу*). Я разобью голову всякому, кто внесет в парламент закон о колхозах.

М и н а (*подбоченившись*). Ну и что? У русских колхозы, но не они у нас, а мы у них просим хлеб!

К о с т а (*почесав затылок*). А ведь в этом есть правда. Хо-хо, ну и жена у меня!

Выстрелы вдали.

К у м С т е б а н. Слышали?

М и н а. Господа балуются охотой.

М а г д а (*зло*). Да-да, они охотятся, они разъезжают в американских авто, они владеют своими латифундиями и заводами.

К о с т а. Так, Магда! Мы часто видим толпы этих бездельников в ресторане у замка. Их содержанки увешаны бриллиантами и мехами, сами они швыряются деньгами направо и налево...

М а г д а. ...высосанными из народной крови...

К о с т а. И что им голод? Что им разорение земледельцев? Они-то будут сыты! Шесть миллиардов карлов нужно, чтобы покрыть убытки фермеров, пострадавших от засухи, а где их взять?

М а г д а (*горячо*). Варра, они лежат в карманах богачей. Мы жертвовали во время войны кровью и пóтом. Почему бы богачам не пожертвовать своими деньгами?

К о с т а. Ах, Магда, я уже слышал об этом в парламенте. Коммунисты говорили: «Заплатить должны миллионеры». Но у вас в парламенте только сорок процентов голосов.

М и н а. Отчего бы им не иметь больше, если они думают, как мы?

М а г д а. Задай этот вопрос своим соседям, Мина...

М а р к. Да-да! Скоро, мол, выборы, отдайте нам свои голоса, и все будет, как вы хотите. А вы тотчас введете диктатуру, знаем. А мы за мирный социализм.

Насмешливость сменилась у Марка явным раздражением. Он понимает, что находится среди людей, не умеющих достаточно ясно выражать мысли, но глубоко убежденных в своей правоте. С такими он еще не совсем привык иметь дело. Его раздражение поэтому скорее результат растерянности. А Коста сейчас в добродушном настроении: хороший весенний вечер, вино, ощущение душевного покоя... Если бы было по-другому, он бы показал этому молодому человеку, на что способен Коста, когда его задевают за живое.

К о с т а (*мрачно*). Мы за землю для народа, за то, чтобы

Германия не поднялась снова на погибель нам, — вот за что мы. Разве это несправедливо, мастер Марк?

Марк (*примирительно*). Не так-то все просто, Коста, не так просто!

Входит Гуго Вастис.

Явление 3

Вастис. Эй, хозяин, чья машина у ворот? (*Он привык повелевать, и слово «хозяин» в его устах лишено всякого уважения, оно звучит оскорбительно.*)

Марк (*скрывая враждебность к Вастису*). Здравствуйте, господин Вастис!

Вастис. А-а! Марк Пино, блудный сын блуждающего отца. Мой прохвост шофер просчитался или продал бензин, сто дьяволов ему на ночь! Выручайте...

Марк. Сейчас сделаем. (*Уходит.*)

Коста (*торжественно*). Мина, это лидер партии католиков, господин Гуго Вастис. Это моя жена, Мина Варра.

Мина (*польщенная таким знакомством*). Садитесь с нами за стол, господин Вастис.

Вастис (*принимая гостеприимство как должное*). А-а, вот куда меня занесло! Спасибо. Здравствуй, Коста Варра, здравствуйте, господа.

Мина. Куда путешествовали, ваша честь?

Вастис. Ездил на свои заводы...

Магда (*очень вежливо*). На заводы, которые отобраны у вас? Не пора ли вам забыть о них?

Вастис. Мое — это мое, я об этом не забываю.

Магда (*с ненавистью*). Уж не думаете ли вы вернуть их?

Вастис. Я затем и езжу на заводы, чтобы знать, в каком виде они вернутся ко мне.

Магда. Нет уж, господин Вастис: что с возу упало, то пропало! Я пойду помогу мастеру Марку. (*Уходит.*)

Вастис (*вслед ей*). Я строил эти заводы, проклятые экспроприаторы!

Кум Стебан (*внезапно осмелев*). А ну, покажите свои ручки, ваша честь! Что-то я не вижу на них мозолей!

Коста. Верно! Ни черта вы не построили за свою жизнь, господин Вастис! Ничего нет такого, что принадлежало бы вам здесь!

События последних лет отняли у Вастиса уравновешенность, которой он когда-то хвастался. Припадки бешенства все чаще овладевают им. Он выхватывает из кармана толстую пачку ассигнаций и швыряет на стол.

Вастис. Берите все, и да здравствует справедливость! В цивилизованном обществе ее зовут грабежом.

Мина. Спрячьте свои деньги, ваша честь, да покрепче присматривайте за ними!

Вастис убирает деньги.

(*Понимая, что взяла верх над этим надутым гусаком, бросает ему в лицо.*) Народ говорит: недурно бы, мол, взять капиталы у таких, как вы, да помочь земледельцам, пострадавшим от засухи.

Кум Стебан (*расхрабрившись*). Так, Мина! Мы все равны перед господом!

Вастис (*вне себя*). Мои капиталы не будут вашими!

Коста. А не мы ли делали их вам? Кто сорит деньгами, вроде вас, тот не знает, с каким трудом они выращиваются!

Вастис. Ну и наглецы вы, господа!

Мина. Не обессудьте! Чем богаты, тем и рады!

Входят Магда и Марк.

Явление 4

Магда. Готово.

Вастис. Спасибо. (*Уходит.*)

Магда. Ну и тип!

Марк. Я позвоню на завод, можно?

Коста. Конечно.

Марк уходит в дом.

Кум Стебан. Что-то долго вы наливали бензин, хе-хе!

Магда (*вспыхнув*). Вы уж скажете, сосед!

Входит Кира Рейчел.

Явление 5

Рейчел. Добрый день, почтенные господа! Не здесь ли сегодня празднуют день вознесения? Мне сказали, что после богослужения будут народные танцы.

Мина. А зачем вам наши сельские танцы?

Рейчел. Я журналистка из Чикаго, миссис. Кира Рейчел, миссис. Изучаю ваши народные танцы. За последний год я видела, как танцуют люди в долине Нила, как черноокие девушки Андалузии пляшут са́мбру в апельсиновых рощах на берегу Гвадалквивира и разные танцы в десятке стран — у чорта на куличках и еще дальше!

Коста. Хо-хо! Кому весело, тот попляшет. Вина, мисс?

Кум Стебан (*мрачно*). Благо, у нас его больше, чем хлеба.

Рейчел. Мы дадим вам хлеба, доллары — что пожелаете!

Магда. Мисс, пошли вы к дьяволу со своей пропагандой! Тут сидят люди с мозгами, вам не обвести их вокруг пальца.

Рейчел. Милочка, зачем нервничать? За ваш народ, леди и джентльмены! У вас хорошо танцуют, а где хорошо танцуют, там хорошо живут.

Магда. И в Испании хорошо живут, мисс?

Рейчел. Политика — не моя сфера, детка! Я интересуюсь только танцами. Я пишу о них, я фотографирую их...

Выстрелы вдали.

Магда (*встревоженно*). Это стреляют на границе!

Коста (*прислушиваясь*). И не из охотничьих ружей... Нет-нет, это автоматы, чорт побери!

Магда. Я пойду заведу машину Марка. (*Уходит.*)

Коста. Жена, ружье мне и куму Стебану. Скажи Марку, пусть звонит в полицию — на границе идет стрельба. Мы едем туда!

Мина уходит в дом, затем выносит ружья. Коста и Стебан уходят за Магдой.

Рейчел. В чем дело?

Мина. Ах, мисс, это не иначе бандиты охотятся за кем-нибудь едущим с Юга... Вы уж простите меня, я пойду разыщу бинты и вату, вдруг там раненый. (*Уходит в дом.*)

Из дома выходит Марк.

Явление 6

Рейчел. Марк! Вы здесь? Я сбилась с ног, разыскивая вас... Мне сказали, что вы поступили на завод. Что за фантазия?

Марк (*глухо*). Я ушел от отца.

Рейчел. Ха! В чем дело?

Марк. Он назвал меня предателем.

Рейчел. Боже мой, как драматично! Сенсация: сын министра общественной безопасности уходит из дому, разойдясь с отцом на политической почве... Но я верю вам: вы сделаете свой бизнес, Марк!

Марк. Это не бизнес, а убеждения.

Рейчел. В этом мире все бизнес, даже убеждения. Послушайте, танцы побоку, я еду с вами...

Марк. К сожалению, Кира, я уезжаю на рассвете.

Рейчел. Извольте сказать, куда?

Марк. На маневры.

Рейчел. Ха! Разве так зовут ту рыжую девчонку, которую я видела здесь минуту назад?

Марк. Я еду на испытания нового танка. Видите, я выдал вам секрет.

Рейчел. Ах, вот как! Вы набиты секретами — политическими и техническими, а я, как дура, должна верить, что ваши секреты — не очередные ваши увлечения. Счастливого пути, привет вашей Маневре или Минерве, чорт бы ее подрал!

Шум подъехавшей машины. Коста и кум Стебан ведут Ганну Лихта. Из дома выходит Мина.

Явление 7

Коста. Магда, гони в замок, тащи сюда доктора!

Мина. Ганна Лихта! Что с вами?

Ганна. Спокойно, Мина... Все в порядке.

Мина. Бог мой, бог мой! Что же вы стоите?

Коста. Тихо, Мина! Марк, звоните в министерство общественной безопасности, скажите — на границе Юга бандиты покушались на жизнь Ганны Лихта. Кум Стебан, стой у фермы и никого сюда не пускай! Мина, тащи кресло — в доме душно.

Мина. Сейчас, сейчас! (*Уходит.*)

Вспыхивает свет, щелкает фотоаппарат.

Рейчел. Простите, сударыня, моя профессия — мой бизнес. Хотя я занимаюсь только фольклором, но мне не приходится брезговать сенсациями вроде этой.

Коста. Мисс, брысь отсюда!

Рейчел. О'кэй, сэр, вы правы, мне надо спешить, пока об этом происшествии не пронюхали мои коллеги. Доллар за каждое слово, сударыня, доллар за слово, потому что в вашей республике не каждый день стреляют в вождей компартии... Гуд бай, сударыня, желаю вам здоровья! (*Уходит.*)

Коста. Проклятые твари! Стрелять из-за угла!

Ганна (*превозмогая боль*). Ты думаешь, Варра, мне было бы легче, если бы они стреляли в упор?

Коста. Как же это все вышло?

Ганна. Они охотились за мной по всей территории Юга. Засада на повороте. Первыми выстрелами был убит шофер. Я успела выбежать из машины, пуля догнала меня — левая рука перебита... Вот бедняга — не везет ей: третья рана, и всё в одно место!

Мина выносит кресло, одеяло.

Явление 8

Мина. Бог мой, что делается! Какое несчастье! Садитесь в кресло! Коста, помоги... Осторожнее, осторожнее...

Ганна (*глубоко взволнованная участием этих людей*). Спасибо, Мина... Вот снова ваш дом дает мне приют и помощь. Как мне благодарить вас!

Мина. Ах, что за счеты! Вина, Коста! Выпейте, сударыня, это полезно. Где же эта старая развалина доктор? Коста, скачи в замок.

Коста уходит.

Ганна. Как ваши дети, Мина? Как поживает мой любимец Петер?

Мина. Ах, они растут, и я не успеваю чинить им штаны.

Из дома выходит Марк.

Явление 9

Марк. Я звонил в канцелярию премьера. Он в горах, у президента, рано утром он улетает в Москву для переговоров. В министерстве общественной безопасности мне сказали, что отец, Христина Падера и Макс Вента на собрании кооператоров. Я позвонил в Пухнеле, они уже едут сюда.

Ганна. Зачем такой шум?

Марк. Нет-нет, это уж чорт знает что! Стреляют в Тольятти, стреляют в Токуду, арестовывают Фостера и Денниса, стреляют в вас... Это заговор, товарищ Лихта. Это заговор не против компартий и их вождей, это заговор против всей демократии... И пусть я не буду Марком Пино, если завтра же не потребую от секретариата профсоюзов устройства массовой демонстрации протеста...

Ганна. Тихо, Марк, спокойно...

Мина. Мастер Марк, госпоже Лихта нельзя волноваться... Я пойду готовить ужин... Первый раз моя ферма увидит

такое общество. Мастер Марк, если я буду нужна, позовите меня. (*Уходит.*)

Ганна (*помолчав*). До меня дошли слухи, Марк, что ты порвал с отцом?

Марк. Да. И возвратился на завод, к старой профессии.

Ганна. Плохой способ выбрал ты, Марк, для борьбы со взглядами отца. Плохой, прости за откровенность. В воздухе пахнет порохом, поджигатели войны действуют открыто. Они есть и в твоей партии. Кому бороться с ними, как не тебе?

Марк. Заговорщики могут быть где угодно, только не в моей партии, товарищ Лихта.

Ганна (*смеется*). Дитя ты, Марк!

Марк. А-а, я знаю, вам давно не терпится сделать из меня коммуниста... Не выйдет!

Ганна (*с ласковой усмешкой*). Ничего! Для того человек и болеет, чтобы выздороветь.

Марк (*в запальчивости*). Мой отец всю жизнь болел этой болезнью!

Иоаким Пино, незамеченный, подходит к террасе и слушает разговор.

Явление 10

Ганна. И к чему он пришел? К тому, что родной сын уходит из его дома... Конечно, твой путь к коммунизму сложный, но и ты придешь к нему, Марк. Все дороги ведут к нему...

Марк. Только не через нашу страну. Пусть русские делают у себя, что хотят, но здесь мы не позволим вам экспериментировать! Мы верим в демократический социализм.

Ганна. Шумахера, Сарагата и Блюма, не так ли?

Марк. При чем здесь они? Мы за социализм созидания, а вы за социализм разрушения и террора. Я за единство двух наших партий в вопросах внутренней политики, но никогда я не буду сторонником коммунизма.

Ганна. Жизнь заставит тебя, Марк, жизнь и логика борьбы.

Марк. Вряд ли, товарищ Лихта.

Пино. Не верьте ему, Ганна. Он почти коммунист. Он ведет раскольническую политику в партии и в профсоюзах.

Марк (*с порывом*). Я за единство двух партий, отец! Только политические мерзавцы могут вбивать клин между нами!

Пино (*пренебрежительно*). Мы видим, к чему привело

это единство в других странах, замолчи! Товарищ Лихта, я не верю своим глазам... Покушение на жизнь заместителя премьера...

Г а н н а. Не столько на мою жизнь, Пино, сколько на демократию, — прав Марк.

М а р к. Да-да, третий выстрел за эти месяцы!

П и н о. Бог мой! Где наши идеалы? Где все, к чему я призывал народ сорок лет подряд, ради чего я жил, боролся, страдал?..

Г а н н а (*раздраженная этим кудахтаньем*). Все в порядке, Пино!

П и н о. Все истинные социал-демократы будут возмущены, узнав об этом отвратительном происшествии... Я произведу самое суровое расследование... Агенты полиции уже направлены мною к месту покушения. Как вы себя чувствуете?

Г а н н а. Я немного ослабела из-за потери крови...

П и н о. Был доктор?

М а р к. Сейчас будет.

П и н о. Бог знает что, бог знает что! (*Он старомоден во всем: в одежде, в привычках, в убеждениях. Ему тяжело сознавать, что стать иным никак невозможно. Но он еще не сдается, он еще верит во что-то неопределенное, в какую-то силу, которая успокоит эти бушующие страсти.*)

Г а н н а. Спокойно, Пино, спокойно!

П и н о. Я не могу быть спокойным. Такого не бывало в нашей стране.

Г а н н а. Мало ли чего не бывало в нашей стране, товарищ Пино!

Входит М а г д а.

Явление 11

М а г д а. Доктор в доме, товарищ Лихта... Напился ради праздника, и мне пришлось дважды сполоснуть его в реке, прежде чем он пришел в себя.

Г а н н а. Спасибо, Магда, спасибо, милая...

М а р к. Отец, познакомься с Магдой Форсгольм...

П и н о. Очень рад.

Г а н н а. Вот, Пино, эта девушка была начальником разведки одного из партизанских отрядов.

П и н о (*потрясенный*). Гм... гм...

М а г д а (*с вызовом*). Ну, что скажете, господин Пино?

Г а н н а. Магда!

Магда. Господин Пино, эти выстрелы — плоды политики правых социалистов. Да-да! Вашей политики, Пино!

Пино (*в ярости*). Что она говорит? Что она говорит?!

Ганна. Сущую правду, Пино.

Из дома выходят Коста и Мина.

Явление 12

Мина. Доктор готов. Здравствуйте, ваша честь!

Коста. Это министр общественной безопасности Иоаким Пино, жена.

Мина. Ах, в недобрую минуту приехали вы к нам в гости, господин министр!..

Коста. А ну, мужчины, возьмем кресло.

Марк, Коста и Пино несут Ганну в дом. Мина идет за ними. Потом Марк и Пино возвращаются.

Явление 13

Марк. Все будет в порядке. Ну, Магда, мне пора.

Магда. Я провожу вас немного. Я заведу машину и выведу ее на шоссе, хорошо? До свидания, господин Пино. (*Уходит.*)

Пино. Ты все еще сердишься на меня, Марк?

Марк. Не я начал эту ссору...

Пино. Жестокие времена, жестокие дети!

Марк. Отец, лишние разговоры — лишние страдания... Мы окончательно разошлись в наших взглядах, это надо понять...

Пино. Двадцать лет провести в изгнании, бороться, бороться ради вас, и вот награда за все...

Марк. Прости, отец, я не могу быть с тобой... Магда Форсгольм права: когда стреляют в коммунистов, стреляют в народ... Всей своей политикой ты готовил эти выстрелы.

Пино. Нет, мы были лучше в ваши годы, мы были человечнее, мы понимали нечто высшее... Обвинять отца! И в чем? Бог мой, весь век мне казалось, что я сею семена добра... Что выросло из этих семян? Раздор... И где? В моем собственном доме!

Марк. Если бы только в твоем доме... Во всем мире! Пойми, отец, во всем мире... Мюнхен — ваше дело, Гитлер — ваше дело, план Маршалла — ваше дело, новая война — тоже ваше дело, ваших блюмов и шумахеров, ваших даллесов и прочей нечисти с Уолл-стрита.

Пино. Что я слышу! Тому ли я учил тебя?

Шум машины. Входят Макс Вента и Христина Падера.

Явление 14

Вента. Что с ней?

Марк. Здравствуйте... Там доктор. Рана не опасна. До свидания. (*Уходит.*)

Христина. Слава богу! Я пойду к ней! (*Уходит.*)

Вента. Ужасное злодейство, Пино!

Пино. И в кого стреляли! В Ганну Лихта, всю жизнь отдавшую народу... Пусть она коммунистка, фанатик, как все вы, но ведь ею движет добро, только добро...

Вента (*он устал и не очень хочет спорить с этим стариком, он знает — переубедить его невозможно. Но он знает также, что спорить с Пино надо, спорить до хрипоты, безжалостно*). Не делайте из Ганны Лихта добродетельную самаритянку, Пино. Верно: мы хотим добра, но далеко не всем. Народу — да. С врагами его Ганна была всегда беспощадна.

Пино. Вы не можете прощать людям их слабости, потому что не любите людей.

Вента. Нет, я беспрестанно могу повторять слова чеха Юлиуса Фучика: «Я любил вас, люди, и был счастлив, когда вы отвечали мне тем же, и страдал, когда вы не понимали меня».

Пино (*отеческим тоном*). Людям, жившим иными идеалами, вроде меня, невозможно понять вас... Вы создаете анархию в умах людей. (*С отвращением.*) Газета, которую вы редактируете, распространяет безумие. Вы называете это любовью к людям? Ужасно! Вы разделили мир на две половины, вы только того и хотите, чтобы эти половины вцепились в глотку друг другу...

Вента (*терпеливо*). Я слишком уважаю ваши седые волосы, чтобы сказать все, что я думаю о вас.

Пино. Мы были всегда честны, редактор Вента.

Вента. Э, люди познаются на крутых поворотах, Пино, а они еще впереди.

Пино. Да-да! Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, и вы стращаете им людей...

Вента. Ах, Пино, коммунизм давно перестал быть призраком! Да ведь и то сказать: для кого он страшилище, а для многих, для очень многих он сама жизнь... У него есть своя родина, свои армии, Пино...

Пино. И тюрьмы!

Вента. Да, потому что он окружен врагами. И даже здесь я вижу их — это вы!

Пино (*оскорбленный до предела*). Замолчите! Я строю и охраняю социализм, работая рука об руку с вами не за страх, а за совесть!

Вента (*не скрывая насмешки*). Вот об этом предмете вы бы помолчали... Кто на Антверпенской конференции социалистов сидел рядом с Куртом Шумахером, фюрером германских социал-предателей, ставленником Уолл-стрита? Не вы ли, Пино?

Пино (*с достоинством*). Я голосовал против принятия партии Шумахера в социалистическое объединение...

Вента (*безжалостно*). Те-те-те! Но когда социал-предатели приняли шумахеровскую партию в объединение, разве вы не остались сидеть рядом с предателями рабочего класса и рядом с Куртом Шумахером?

Пино (*теряя самообладание*). А вы... вы присоединились к новоявленному Коминтерну, к этому центру международных заговоров. (*Почти кричит, кричит с ненавистью, злобно.*) Им руководят Советы! У них свои цели здесь, в Европе!

Вента. Пино, вспомните стихи поэта, которого вы так любите:

О человечество! Сон твой столетний,
Сон о рассвете, сон о свободе,
Близок к свершению; сумрак рассветный
Брезжит с востока -- ночь на исходе.

Пино (*совсем вне себя*). Этот поэт был гуманист, редактор Вента! Он бы перевернулся в гробу, услышь, что его цитируют коммунисты, толкуя на свой лад... Свет с востока! Знаем мы, что это за свет!

Вента. Я никак не могу взять в толк, Пино, чего же, собственно, вы хотите?

Пино. Свободы и справедливости. Того, что было у нас в республике до войны.

Вента. Ах, вот чего! Чтобы снова были миллионы безработных? Чтобы изобилие было для тех, кто не работает, но жрет за троих? Второго Мюнхена вы хотите? Чтобы, как в Греции, тишину и безмолвность наших долин, наших поднимающихся к небу гор, мирную жизнь наших селений и городов нарушили выстрелы и разрывы бомб? Ну нет, Пино! Мы и народ — железный кулак, который разобьет все подлости врагов родины! А если вы будете одним из них, мы обрушим этот кулак и на вас...

Пино (*горько*). Что ж, хороните нас, Вента, хороните!

Вента. Зачем? Мы лишь просим вас понять все, что

происходит, и сделать вывод... Слушайте, Пино... Сколько раз мы предлагали вашей партии единство... Поймите, этого хотят все честные люди в вашей партии, и этого не хотите вы. Почему вы идете против жизни?

Пино (*сварливо*). Ну, вот что — у меня есть свои представления о жизни... Довольно, я устал от этого глупого спора, редактор Вента...

Пауза. Шум подъезжающей машины. Входят кардинал Бирнч и Яков Ясса

Явление 15

Кардинал. Иисус и мадонна с вами!

Ясса (*как эхо*). ...и мадонна с вами! (*Становится за спиной кардинала, похожий в своей одежде на черную зловещую птицу.*)

Пино. И с вами, монсиньор Бирнч.

Кардинал. Во время богослужения в замке мне сказали о несчастье с Ганной Лихта... Так ли это?

Вента. К сожалению... Стреляли в Италии, стреляли в Японии, теперь у нас... В открытую пошло...

Кардинал. Боже мой, боже мой! Мрачные дни, дети мои! Мрачные дни! Надвигается нечто, что не имеет названия, и оно ужасно... Человек видит бездну, но он беспомощен, потому что потерял свою волю, растворившись в безликой массе... Утеряна вера в высшую благость. Отсюда эти ужасы...

Ясса (*как эхо*). ...эти ужасы...

Вента (*бесцеремонно*). Кардинал, все это вы просто-напросто содрали у Сартра и Ясперса — философов экзистенца. А оба они просто-напросто выкормыши Гитлера.

Кардинал. За каждым словом вы слышите фашизм, редактор Вента, за каждым человеком вам чудится Гитлер. Его нет, и бог с ним...

Вента (*наступая на него*). Дьявол с ним, хотели вы сказать?

Кардинал (*смиренно*). Пусть будет так...

Вента. А вы знаете, монсиньор, я прочитал вашу последнюю книгу. Любопытное, очень любопытное сочинение! Отдельный человек — центр вселенной, власть масс ведет к гибели цивилизации, и все прочее в том же духе. Библия Уолл-стрита, монсиньор, ей-богу!

Кардинал (*вздыхая*). Распните, распните меня, редактор Вента!

Вента (*со смехом*). Придется, монсиньор, придется!

Ясса. Ты еретик! За монсиньором Иоанном Бирнчем — святейший папа, вся великая католическая церковь и народ, верующий в господа нашего Иисуса! Они не потерпят посрамления имени святого отца!

Вента. Ой, напугал!

Кардинал (*кротко*). Молчи, Яков! Господь завещал нам прощать оскорбляющих нас!

Из дома выходит Христина Падера.

Явление 16

Христина. Все в порядке, кость не задета!

Кардинал. Слава Иисусу! (*Пауза.*) А вы с каждым днем становитесь все более прекрасной, Христина. Каким секретом вечной молодости обладаете вы?

Христина (*весело*). Спорт, монсиньор, спорт. Я умею находить время и для работы и для спорта.

Ясса. Дщерь вавилонская!

Пино (*покачивая головой — современных женщин он тоже не понимает*). Да-да, мы все поражаемся, как вы можете так много работать в министерстве, быть одним из лидеров партии Национального единства и жить так широко.

Христина. Жить широко — не значит ли хорошо мыслить?

Вента (*ему не терпится сразиться и с ней*). Широко мыслить, госпожа Падера, — значит ли правильно мыслить?

Христина (*чопорно*). Ах, Вента, зачем вам казаться старше своих лет? Надеюсь, вы не давали монашеского обета?

Вента. Избави бог!

Мина (*в дверях*). Господа, прошу вас помочь вынести сюда Ганну Лихта. Доктор сказал, что ей нужно побыть на воздухе.

Вента и Пино уходят в дом.

Кардинал. Я рад видеть вас, Христина: мне нужно сказать вам кое-что важное...

Христина. Монсиньор, я ведь знаю, чтó вы хотите сообщить мне. Лидер партии католиков Гуго Вастис давно ищет союза с моей партией. Теперь он послал ко мне вас. Но мы противники сговора за спиной масс.

Кардинал (*вполголоса*). Поймите же, это не сговор, а призыв к единству аристократов духа.

Христина (*с презрением*). Монсиньор, от вашей философии очень густо несет фашизмом.

Кардинал (*не понимая ее*). Вы повторяете пошлости коммунистических писак, дитя мое. Католики и националисты едины в своих целях, что же мешает им договориться?

Христина (*резко*). Монсиньор, повторяю, я не занимаюсь политическими сделками.

Мина, Коста, Вента и Пино выносят кресло, в котором полулежит Ганна.

Явление 17

Ганна. Спасибо, мне хорошо. Спасибо, милая Мина... Боже мой, сколько хлопот я наделала всем вам!

Кардинал (*елейно*). Дочь моя, примите от меня возмущение по поводу этого происшествия. Я надеюсь, что преступники будут найдены...

Вента. Да уж мы постараемся...

Ганна. Я просто не знаю, куда мне девать ваши сочувствия. (*Смеется.*)

Коста. Жена, зови гостей ужинать.

Мина. Прошу вас, прошу. Святой отец, сделайте честь нашему дому. Стол накрыт.

Вента. Как говорится, мы не морщимся перед накрытым столом. Идем, Яков, выпьем, а? Ведь его и монахи приемлют!

Ясса. Ты выпьешь до дна уготованное тебе в аду, еретик!

Вента. Согласен! Рай — слишком скучное место для меня.

Христина. Я посижу с Ганной, мне не хочется есть.

Все уходят в дом.

Ганна. А вы все цветете, Христина.

Христина. Последняя игра солнечного луча. Скоро и он померкнет. Все проходит, как дым. Бегу за жизнью, а она бежит от меня! (*Смеется.*) Боже мой, давно ли мы были с вами в Испании!.. Помните Гвадалахару, Карабанчель?..

Ганна. Да-да... Только дело-то в том, что каждый из нас искал в Испании свое.

Христина. Такова уж моя натура — искать в жизни неизведанного.

Ганна (*помолчав*). Да, по-разному мы смотрим на жизнь, Христина. Для нас, коммунистов, и Испания, и под-

полье, и всякая борьба, где б она ни шла, — борьба за идею, которую ничто не остановит и не сломит. Для нас жизнь — борьба за лучшую жизнь для всех. А для вас? Риск, поиски неизведанного! Нет, право, не стоит жить ради того, чтобы сверкнуть мотыльком.

Христина. Самое страшное в жизни, Ганна, — скука!

Ганна. Это авантюризмом называется, Христина.

Христина. Нет, Ганна! Жить каждым биением сердца, жить каждую секунду, жить и ощущать жизнь во всем ее разнообразии, во всей увлекательной игре впечатлений и переживаний, жить, что бы там ни было, — разве это уж так преступно? Я так много делаю для других, что могу пожить и для себя.

Ганна. Может быть... Может быть... А вот я никак не могу выбрать время, чтобы пожить для себя.

Христина. Я бы сошла с ума от жизни, которую ведете вы. Правда, и я работаю в партии и в министерстве... Положение с продовольствием отчаянное, и я тружусь, как лошадь... Но даже и теперь я умею вырываться из кабинета на несколько часов, чтобы заняться портнихами, массажистками, тренерами... Честное слово, я чувствую себя глубоко несчастной, если мне не удается убежать от работы хотя бы на три часа! А вас я не понимаю, Ганна.

Ганна (*задумчиво*). Нет, я счастлива, Христина. Лишь иногда бывает одиноко... Одиноко, когда вспомнишь тех, кто уже не вернется ко мне... (*Вытерла слезу.*)

Христина. Это чувство знакомо и мне. Я глушу его. Жизнь так коротка, а неизведанного еще так много... Нет, каждый день должен быть игрой...

Ганна. Ради чего, Христина?

Христина. Чтобы победить...

Ганна. Что победить?

Христина. Все, что стоит на пути к совершению желаний. (*Шутливо.*) А они беспредельны. (*Помолчав.*) Что на Юге, Ганна?

Ганна. Сложное там положение, Христина. Нечистую игру ведут там и люди вашей партии. Они сговариваются с католиками — да-да, они хотят расколоть Народный фронт.

Христина. Полно, у страха глаза велики. Вам чудится заговор даже там, где едва теплится здоровая оппозиция к политике коммунистов.

Ганна. Коммунисты — глаза и уши народа.

Христина. Бывают глаза, плохо видящие, и уши, плохо слышащие. Право, вы, коммунисты, надоедливо много кричите о реакции. Не кажется ли вам, Ганна, что громче

всех кричат о реакции те, кто забрал слишком много власти и боится ее потерять?

Ганна. Кто опирается в своей политике на народ, тот ничего не боится, Христина.

Христина. Ну, знаете, ведь мою партию тоже поддерживает народ.

Ганна. Полно, какой там народ! Буржуев и золотую молодежь вы зовете народом? Не будьте смешной! И помните: я вас предупредила, Христина Падера!

Из дома выходят Иоаким Пино и Коста.

Явление 18

Коста. Госпожа Падера, я и моя жена просим хотя бы отведать нашего вина.

Ганна. Идите, идите, Христина. Министр продовольствия должен знать качество деревенского вина.

Коста и Христина уходят в дом.

Пино. Я разыскал по телефону премьера, он выехал сюда.

Ганна. Спасибо. (*Помолчав.*) Плохие вести привезла я с Юга, Пино. Дело в том, что там зреет заговор, он широк и глубок, а цель его — отторгнуть Юг страны от республики, превратить в самостоятельное государство с реакционным правительством. Кое-кому за рубежом не терпится ослабить нашу страну: архиепископ Юга в сговоре с ними и с террористическим подпольем Юга,— вот оно как, Пино.

Пино (*в смятении*). Архиепископ Юга — заговорщик? Он глубокий старец, что ему до мирской суеты?

Ганна (*жестко*). Слушайте, Пино, если вы не обрубите корни заговора одним ударом, он превратится в восстание реакции... Знаете ли вы, что кардинал Бирнч служит богу и дьяволу? Нити заговора, я выяснила это, ведут в столицу, в его замок...

Пино (*в смятении*). Что вы говорите, одумайтесь! Он глава церкви...

Ганна. И вдохновитель заговора.

Пино. Но это еще надо доказать! Да-да! У нас демократия! Слава богу, она еще существует у нас...

Ганна. Демократия! (*С горечью.*) Демократия, где поджигатели новой войны могут вслух призывать к ней, где заговорщики могут спать спокойно, где все свободно, кроме самой свободы, не так ли?

П и н о (*твердо*). Мы с вами — члены парламента, но не правители. Вы сообщите мне документы, изобличающие заговорщиков, и я решу, что делать.

Г а н н а. Хорошо. Но какой вы слепец, Иоаким Пино! Вы давно ослепли и бродите впотьмах!

П и н о (*надменно*). Ганна Лихта, вы были еще младенцем, когда я начал борьбу за свободу родины.

Г а н н а. Да-да, оставшись младенцем до сих пор.

Из тьмы выходит М а г д а.

Явление 19

М а г д а. Прошу прощения, товарищ Лихта. Народ собрался к воротам... Рабочие с нашего завода, земледельцы с окрестных ферм... Они хотят видеть вас, но их не пускает сосед Стебан. Я пообещала им сказать вам...

Г а н н а (*живо*). Зови их, Магда, зови добрых моих друзей, я тоже хочу видеть их.

М а г д а уходит.

(*Сурово.*) Иоаким Пино, если заговорщики успеют обрезать нити, ведущие в столицу, я предъявлю вам обвинение в сговоре с изменниками. Мы добьемся замены вас другим человеком. Вы знаете меня, я не бросаю слов на ветер, запомните это.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Холл — приемная перед кабинетом Ганны Лихта. Овальный стол с газетами и журналами, несколько кресел. Параллельно второму плану идет стена лакированного дерева. Эта стена при нажатии невидимой кнопки раздвигается, открывая кабинет. Соединяясь, холл и кабинет образуют обширную комнату, где можно устраивать заседания с большим количеством людей. Сейчас стена сдвинута. В холле сидит, читая книгу, Макс Вента. Входит Кира Рейчел.

Явление 1

Рейчел. Хэлло, коллега! Вы тоже к Ганне Лихта?

Вента (*не отрываясь от книги*). Да, мисс.

Рейчел. Что за чепуху сказал мне секретарь: будто она ушла на перевязку в амбулаторию! Разве она не могла вызвать профессора к себе?

Вента (*ему явно противна эта мисс и ее болтовня*). Ганна Лихта не делает для себя исключений.

Рейчел. Она фанатик!

Вента (*строго*). Она Ганна Лихта.

Рейчел. Как ее здоровье? Наши газеты сошли с ума после этого покушения.

Вента. Разве ваши газеты сошли с ума только теперь?

Рейчел. Шутник! Преступники еще не пойманы?

Вента. Вы должны их знать, мисс...

Рейчел. Что за глупые намеки, сэр! (*Помолчав.*) Нельзя ли мне посмотреть кабинет Ганны Лихта?

Вента (*очень сухо*). А вы обратитесь к секретарю.

Рейчел (*изо всех сил старается обратить на себя внимание Венты. Он ей нравится*). Ах, наша публика так интересуется деловой и интимной стороной жизни больших людей! Дурные вкусы, да, но моя работа — мой бизнес, и я

должна угождать любым вкусам. У нас думают, что министры стран новой демократии работают в пещерах. (*Делая глазки.*) Не правда ли, какое чудовищное невежество?

Вента. К сожалению, мы еще далеки от новой демократии.

Рейчел (*заглядывая через плечо Венты в книгу*). Что вы читаете, сэр?

Вента. Книгу кардинала Бирнча.

Рейчел. А... У нас эта книга наделала много шуму. Кардинал заработал на ней кучу долларов. Это учение так модно!

Вента. Это все, что вы знаете о философии кардинала?

Рейчел. Сэр, я интересуюсь только танцами.

Вента. Как раз в этой книге кардинал Бирнч танцует под музыку Уолл-стрита.

Рейчел. Скучно, сэр.

Вента (*с предельной неприязнью*). Мисс, признаться, я и не хочу веселить вас.

Рейчел (*покровительственно*). Вы откровенны, это хорошо. Знаете, что-то мне импонирует в коммунистах, сэр, ей-богу!

Вента. Что именно, мисс?

Рейчел. Ах, это долгий рассказ! Ба! А что если нам поехать к реке, к развалинам замка, пока нет Ганны Лихта? Мы погуляем, я расскажу вам, что я думаю о коммунизме...

Вента. Мисс, я влюблен в одну девушку, но она ревнива, как десяток Отелло.

Рейчел (*играя глазками*). Скажите, неужели любовь признается коммунистами? Вот уж не знала!

Вента. Мисс, вы говорите просто чепуху.

Рейчел. Но ведь вы так заняты политикой! Когда вы находите время для любви?

Вента. Мисс, любовь сама находит время для себя.

Рейчел (*кокетливо*). Ах, это так верно! Если бы вы знали, коллега, как я хочу любви и спокойной семейной жизни!

Вента. Очень хорошо, мисс, похвальное желание, мисс.

Рейчел. Честное слово, мне ужасно надоело гоняться за сенсациями, а что касается танцев — я их просто ненавижу! (*Помолчав.*) Говорят, вы пишете книгу — ответ на книгу кардинала? Прошу вас — два-три куска из нее, две-три тысячи слов.

Вента (*смеется*). Минуту назад вы сказали, что вам противны сенсации, и вот вы уже набрасываетесь на меня.

Рейчел (*комически*). Что делать, сэр! Если я не могу получить вашей любви, дайте мне хотя бы небольшую сенсацию!

Вента хохочет. Входит Баст.

Явление 2

Баст. Товарищ Вента, секретарь Центрального Комитета партии просит вас срочно к нему.

Вента. Скажите, Баст, Ганне Лихта — я буду у нее позже.

Баст. Хорошо.

Вента уходит.

Рейчел. Нельзя ли мне посмотреть кабинет вашего шефа, товарищ Баст?

Баст (*строго*). Прежде всего я вам не товарищ. (*Еще более строго.*) А кабинет заместителя премьер-министра — не музей.

Входит Марк Пино.

Явление 3

Марк. Здравствуйте, мисс Рейчел! Здравствуйте, Баст! Ганны Лихта еще нет?

Баст. Она будет через полчаса.

Марк. В таком случае я еще успею побывать в секретариате профсоюзов.

Рейчел. Сэр Пино, прошу одну минуту вашего внимания.

Баст уходит, бросив на Рейчел недоверчивый взгляд.

(*В бешенстве.*) Марк, где вы были вчера?

Марк (*делая вид, что робеет*). Я прямо с маневров заехал в ресторан...

Рейчел. Сэр, я была там... Я видела, как вы танцовали все с той же рыжей, которую я видела на ферме неделю назад. Уж не она ли та Минерва или Маневра? Может быть, вы были все это время у нее?

Марк (*смиренным тоном*). Я уже вам говорил, Кира, я был на испытании нового оружия.

Рейчел (*приходя в ярость*). Оно тонкое или толстое? Оно стреляет глазами или чем еще?

Марк (*очень смиренно*). Кира, это новый танк, и я ничего не могу сказать вам больше, вы понимаете...

Рейчел. Сэр, если вы не доверяете своей невесте, значит не доверяете будущей жене. Ха-ха! Красивая меня ждет жизнь, если я не буду в курсе дел моего мужа!

Марк. Моя работа такова, Кира, что...

Рейчел (*перебивая*). Я человек принципа, Марк Пино. Я не интересуюсь вашей работой. В данном случае речь идет о взаимном доверии.

Марк. Не надо сердиться, Кира... (*Берет ее за локоть, жалобно.*) Вы делаете меня несчастным, когда говорите со мной таким тоном, ей-богу...

Рейчел (*поверив ему*). Бедный мальчик! Вечером мы встретимся, не так ли?

Марк. Да-да, я так стосковался по вас!

Рейчел. Почему вы в городе, а не на заводе?

Марк. Сегодня Центральный совет профсоюзов обсуждает продовольственное положение в стране. Вы проводите меня?

Рейчел. Не могу, мальчик. Я должна поймать Ганну Лихта здесь, иначе она не примет меня. Я восхищена вами! Эта демонстрация протеста против покушений на вождей коммунизма была устроена великолепно! Вы молодчина. Ха-ха, собрать такие грандиозные толпы и заставить их кричать эти лозунги...

Марк. Их никто не заставлял, Кира...

Рейчел. Да-да, я понимаю... Все равно, вы гениальный организатор! До вечера, милый, да? В ресторане «У старого моста» в девять ноль-ноль, как говорят военные.

Марк. Слушаюсь. (*Уходит.*)

Входит Гуго Вастис.

Явление 4

Рейчел. Ба! Мне так везет сегодня! Здравствуйте, сэр!

Вастис (*с грубоватой вежливостью*). Я не имею чести...

Рейчел. Кира Рейчел, изучаю танцы вашей страны.

Вастис (*небрежно*). Я не танцор, мисс... э-э... как вас там... Впрочем, когда у меня отберут мои капиталы, я станцую жигу на пеньковой веревке... Можете сфотографировать эту картинку, если она доставит вам удовольствие, ха-ха!

Рейчел. Но, сэр, ведь в свое время вы написали монографию о танцах... Ее-то я и хотела просить у вас.

Вастис (*рассмотрев ее с головы до ног и снисходя к смазливой физиономии*). Недоразумение, мисс. Книгу написал мой брат. Теперь и книга и имя брата забыты. (*Вздохнув.*) Он уехал из нашей страны...

Рейчел. Ба! Ваш брат! Ну, конечно! Он больше не занимается танцами, он живет в Нью-Йорке, как же, как же! Большой банковский туз и связующее звено между вами и деловыми кругами Уолл-стрита.

Вастис. Тсс, мисс!

Рейчел. В чем дело? А-а, вы встревожены... Вас не устраивает это место для нашего разговора? Но, сэр, разве кабинет Ганны Лихта — не самое безопасное место для заговорщиков?

Вастис. Мисс!

Рейчел. И кто может подумать, что мы обсуждаем дела, связанные с заговором против коммунизма, находясь в кабинете одного из руководителей коммунизма? Ах, как говорят русские, им еще недостатет бдительности! Ну и отлично!

Вастис. Мисс, что я слышу! Какие слова? Какой заговор?

Рейчел. Спокойно, сэр, всему свое время... Так вот я и говорю: вы вождь католической партии, и естественно, что вы нуждаетесь в международных связях, не так ли?

Вастис (*холодно*). Надеюсь, это не шантаж?

Рейчел. Что за мысли, сэр! Вы большой человек, я послана людьми не маленькими. Они пристально наблюдают за вашей деятельностью, они довольны ею, она устраивает их. Ваши интересы — их интересы.

Вастис (*осторожно*). Вы говорите любопытные вещи, мисс.

Рейчел. Они партнеры в вашем бизнесе, сэр. Они тоже собирают силы подлинной, я разумею, деловой демократии. Ваша и их цель одна и та же — освободить рынки для сбыта идеологии и материальных ценностей от влияния большевизма. А это влияние, сэр,— подумать только!— распространяется на страны с населением в полтора миллиарда человек!

Вастис. Так! (*Собравшись с мыслями.*) Я не могу говорить с вами доверительно, пока вы не представите...

Рейчел. Ах, я и забыла! Пароль и прочее... Позывные рации вашего брата «Х-5-Х».

Вастис (*быстро*). Что надо пославшим вас?

Рейчел. Сэр, ваш премьер ведет переговоры в Москве. Они договорятся — это ясно. Премьер — вождь ваших ком-

мунистов. Сталин — вождь коммунизма вообще. Они понимают друг друга с полуслова. До возвращения премьера надо убедить ваше правительство присоединиться к программе восстановления Европы, и только.

Вастис. Ха! И только! Какая плата?

Рейчел. Торговля с Западом и Америкой.

Вастис (*поучительным тоном*). Мы взрослые люди, мисс. Ваши монополисты задушат нашу промышленность. Это не в моих интересах, нет!

Рейчел. Я говорю лишь то, что мне сказано. Стоит также вопрос об объединении всех вооруженных сил стран, примкнувших к программе восстановления...

Вастис. Ха-ха! И чтобы эти объединенные вооруженные силы распевали «Янки-Дудль» под командой дельцов с Уолл-стрита, вроде сэра Мак-Хилла?

Рейчел (*рассердясь*). Уолл-стрит готовится управлять миром, сэр, — не забывайте этого и не ссорьтесь с Мак-Хиллом.

Вастис (*поджимая губы*). Да, нам-таки пришлось поработать для того, чтобы миссии Мак-Хилла было разрешено приехать сюда. Народ не хотел видеть его здесь. (*Пауза.*) Народ, мисс, и без того противится американской помощи... Если он узнает об объединении вооруженных сил — пропащее дело! Коммунисты поднимут такой шум, упаси бог!

Рейчел (*твердо*). Надо подавить коммунистов, если они мешают вам.

Вастис (*мрачно*). У нас их полтора миллиона.

Рейчел. Вы хотите, чтобы их было три миллиона? Компартия будет полным хозяином страны после выборов. Все должно произойти до выборов — сказано мне.

Вастис. Ага, вот мы и добрались до желтка! От нас требуют государственного переворота, не так ли? К сожалению, это вам не Греция. У нас тут нет иностранных войск.

Рейчел (*как бы между прочим*). О, за этим дело, вероятно, не станет!

Вастис. Мисс, к сожалению, любое правительство, которое призовет сюда интервентов, не продержится и часа.

Рейчел (*идет ва-банк*). А не подумать ли вам, сэр, о том, сколько времени вы можете продержаться с вашей игрой? Вы канатный плясун, сэр. Вы танцуете на тонкой проволоке и рискуете сломать шею, если не поспешите пройти до конца каната.

Вастис (*не очень обижен, она забавляет его*). О, мисс, какой решительный тон! Очень сложное положение в стране, трудная работа...

Р е й ч е л (*поучительно*). Каждая честная работа трудна, сэр!

В а с т и с (*хохочет*). Честная работа?

Р е й ч е л. Вы же не получаете за нее доллары... Впрочем, если вы нуждаетесь... Одно ваше слово — и...

В а с т и с. Мисс, вы забыли, кто перед вами?

Р е й ч е л. В чем дело? Мои деньги — моя дипломатия, так говорят у нас. Но, повторяю, я лишь посредник. Лично я занимаюсь только танцами...

В а с т и с. И заговорами, мисс?

Р е й ч е л. Попутно, сэр, попутно! На танцах много не заработаешь, публика хочет сенсаций, а где они? Слушайте, дайте мне честное слово, что я первая узнаю о перевороте!

В а с т и с (*хохочет*). Честное слово?

Р е й ч е л (*строго*). Психология побоку, сэр.

В а с т и с (*с улыбкой*). Вы читаете мне лекцию, мисс?

Р е й ч е л (*упрямо*). Сэр, перевернув здесь все вверх дном, вы тем самым прорвете единый фронт коммунизма...

В а с т и с. Н-да! (*Задумчиво.*) Дело, видите ли, в том, что наш народ — особый народ. У него есть поговорка: по делам их познайте их... А он знает дела мак-хиллов. Он не верит им — по разным причинам, мисс. Он не верит также Черчиллю, а мак-хиллы расчищают путь для него. С Черчиллем у нашего народа особые счеты. В 1933 году он отправил письмо Гитлеру. Он писал: «Если Англию постигнет такое же несчастье, которое постигло Германию в 1918 году, я буду молить бога, чтобы он послал Англии человека с вашей волей, вашим сердцем и размахом». Это писал Черчилль Гитлеру, мисс.

Р е й ч е л. Ай-яй-яй! Вот так засыпался старик Уинстон!

В а с т и с. Да уж! Все они хотят видеть Западную Германию сильной, они вооружают ее против Советов. И тут есть одна деталь, которую не сбросить со счетов: Германия едва не раздавила нас, Советы спасли нас. Толкуйте после этого о ненависти к Советам! (*Ехидно.*) Да вот вам и сенсация. Это письмо Черчилля мало известно — валяйте, публикуйте, обрадуйте ваших. (*Хохочет.*)

Р е й ч е л. Подите вы с вашими шутками!

В а с т и с (*снова осматривая ее с головы до ног*). Вы очаровательны, мисс. Но не может быть, чтобы вы просто повторяли сказанное вам! Где вы изучали политическую экономию?

Р е й ч е л (*с легким раздражением*). Практикой, практикой я совершенствовала свои познания в этой области.

Вастис (*в том же дон-жуанском тоне*). Тогда вы должны быть величайшим практиком в области применения ее.

Рейчел. В схеме все это представляется так: вы порываете с Советами, потому что Советы руководят вашими коммунистами, а они готовят путч.

Вастис (*посмеиваясь*). Но это надо доказать.

Рейчел. Правильно, сэр. Найдите соответствующий документ.

Вастис (*разводя руками*). А если его нет?

Рейчел. Ба... о чем разговор! Его надо сделать!

Вастис. Хорошо, предположим, мы порвем с Советами. Но откуда мы получим хлеб?

Рейчел (*наставительно*). Голодные обычно восстают.

Вастис. Они и восстанут — против тех, кто отказался от советского хлеба, маленькая мисс.

Рейчел. Сумели же ваши сообщники обратить недовольство людей Юга против коммунистов, хотя голодом там пока и не пахнет.

Вастис (*мрачно*). Н-да... Ганна Лихта целый месяц рыскала по Югу. В ее руках есть какие-то документы. Чорт побери, очевидно, даже бог переметнулся на сторону коммунистов и спасает их... И народ верит им и идет за ними. (*Мрачнеет все больше и больше.*) Должен сознаться, мисс, мы не можем больше плясать на проволоке. Она, того и гляди, оборвется. Ад адвентум фéстина — спешите к развязке. Спешите, наши нервы не выдерживают.

Рейчел (*торжественно*). Наши генералы, сэр, знают свое дело!

Вастис (*язвительно*). Уж эти мне генералы! Если вы нападете на Советы, вас русские в два счета вытряхнут из Европы и из Азии. В вас будут стрелять не только мужчины, но и дети. Стрелять, как в бешеных псов.

Рейчел (*обращаясь скорее к небу, чем к Вастису*). Ах, сэр, в мире стало так тесно, что, уничтожив еще десятка три миллиона людей, вы лишь оздоровите воздух!

Вастис. Хм... Тсс... Идут. (*Быстро.*) Передайте Мак-Хиллу — я согласен на все. Пусть дают доллары, оружие... Только скорее, только скорее.

Вастис и Рейчел берут журналы. Входят Баст и Куртов, он официален, сух, неприступен, держится чопорно.

Явление 5

Куртов (*скрипучим голосом*). Здравствуйте, господин Вастис!

Вастис. Здравствуйте, Куртов! Ваш шеф будет здесь?

Куртов. Госпожа Лихта вызвала моего шефа госпожу Христину Падера к двум часам.

Баст. Положим ваш пакет на стол шефа, господин Куртов.

Куртов (*так же скрипуче*). Нет, господин Баст, вы знаете мою пунктуальность. Мне приказано вручить эти материалы лично заместителю премьера.

Баст (*разводит руками*). Как хотите.

Вастис. Референт заместителя премьера по восстановлению у себя, господин Баст?

Баст. Да, господин Вастис.

Вастис. Я пройду к нему, с вашего разрешения.

Баст и Вастис уходят.

Рейчел (*после паузы*). Господин Куртов, если не ошибаюсь,— референт министра продовольствия?

Куртов (*встает и кланяется*). Совершенно верно, не имею чести... гм... гм... (*Садится.*)

Рейчел. Американская журналистка Кира Рейчел.

Куртов (*встает, кланяется*). О-о... Я так польщен, мисс! (*Садится.*)

Рейчел. Вы ездили на Юг страны по делам продовольственного снабжения, не так ли?

Куртов (*теряясь*). Откуда вы знаете, мисс, гм... гм... Это была... гм... секретная поездка.

Рейчел (*драматически закатывая глаза*). Бог мой, чем меньше страна, тем больше у нее секретов. Откуда я знаю о вашей поездке? Увы, удел журналистов все знать. (*Ласково.*) Вас не слишком удивит, если я скажу, что знаю ваше настоящее имя, настоящую национальность, подлинные политические взгляды и действительную цель поездки на Юг? (*Зло.*) Вы плохой охотник за красным зверем, сударь! От вас ждали большего!

Куртов (*в ужасе*). Мисс!

Рейчел (*шипящим шопотом*). Говорят, теперь изобретено бесшумное оружие, сударь, а вы палите из автоматов, да еще из американских...

Куртов. Но мы все вооружены только ими, мисс...

Рейчел (*строго*). Почему не были брошены гранаты, когда Ганна Лихта вышла из машины, раненная только в руку?

Куртов. Господин Вастис запретил пользоваться гранатами. Он боялся шума.

Рейчел. Боже мой! Недобитый человек всегда прино-

сит больше шума, чем убитый! (*В отчаянии.*) Нет, вас надо учить на каждом шагу. Хорошо, на днях вы получите бесшумное оружие.

Куртов. Торопитесь, торопитесь, мисс.

Рейчел. Слушайте, Куртов, или как там вас... Вы вздрогнули? Ба! В чем дело? Журналисты умеют держать язык за зубами. Так я хотела бы знать, Куртов, вы еще не отказались от этой очаровательной идеи — вырезать всех неарийцев?

Куртов (*торжественно, замогильным тоном*). Фюрер завещал нам это.

Рейчел. Передайте теперешним вашим фюрерам, что оружие отрядам, предназначенным для вторжения сюда, они получат через десять дней... Пункты приема сообщим через вас.

Куртов. Слушаюсь, мисс. (*С сомнением.*) Вы думаете, лидеры этой страны (*это слово он произносит с особенным презрением*) согласятся на помощь наших сил?

Рейчел. Ба! Коммунисты правы в одном: когда капиталисты боятся потерять капиталы, они перестают быть патриотами.

Входит Ганна Лихта, рука ее на перевязи. С ней — Коста Варра и Баст. Баст раздвигает стены кабинета. Все проходят туда вслед за Ганной Лихта.

Явление 6

Кабинет Ганны Лихта, очень светлый, хорошо обставленный, с окнами, выходящими на улицу города средневекового типа. На стенах — портрет президента, карты. Много книг. Камин.

Куртов (*склоняя плешивую голову*). Госпожа заместитель премьера, министр продовольствия госпожа Христина Падера изволила поручить мне передать вам этот пакет, содержащий сведения, вытребованные вами.

Ганна (*сухо*). Хорошо, оставьте.

Куртов. Будьте здоровы! (*Отвешивает глубокий поклон и удаляется.*)

Рейчел. Миледи, вы обещали мне...

Ганна (*официальным тоном*). Извините, мисс, мне совсем некогда говорить с вами. Я здорова, вот и все. До свидания!

Рейчел (*с неудовольствием*). О'кэй, миледи! (*Уходит.*)

Баст (*он относится к Ганне с исключительной почтительностью, но без тени раболепства. Он солдат — она командующий, но дело у них одно*). Почта на столе, шеф.

Ганна. Премьер не звонил из Москвы?

Баст. Нет, шеф. (*Значительно.*) Через час Иоаким Пино приедет с докладом. Тон его был очень удрученный.

Ганна (*встревоженная сообщением*). Вот как... (*Помолчав.*) Меня ждет кто-нибудь?

Баст. Господин Гуго Вастис, шеф.

Ганна (*небрежно*). Подождет. Вы свободны, Ян.

Баст уходит.

Минуточку, Варра, я прочитаю сверхсекретное сочинение Христины Падера... (*Вскрывает пакет.*) Сведения о закупке хлеба внутри страны... Посмотрите-ка!

Коста (*надевает очки и читает*). Именно сочинение! Хо-хо! (*В ярости.*) Все эти цифры — брехня! Пусть меня повесят, если я поверю хоть одной из них. Вот что я сделал, госпожа Лихта: не затевая казенной кутерьмы, взял я трех смышленых депутатов парламента, землевладельцев, ясно, и мы на выборку, негласно расследовали деятельность госпожи министра продовольствия за последнсе время!

Ганна. Браво, Коста, узнаю старого солдата!

Коста. Осенью Христина Падера послала четыреста уполкомоченных для контроля за уборкой урожая в стране...

Входит Баст.

Явление 7

Баст. Редактор Вента, шеф.

Ганна. Ага, во-время! Просите.

Баст уходит.

Коста (*восторженно*). Удивительный нюх у этих газетчиков! Где пахнет жареным — они тут как тут!

Ганна смеется. Входит Вента.

Явление 8

Вента. Здравствуйте! Я не помешаю?

Ганна. Напротив, Макс. Продолжайте, Варра.

Коста. Уполномоченные по обмолоту подбирались Христиной Падера из людей, входящих только в ее партию...

Ганна. Слушай, слушай, Макс.

Коста. Они обошлись стране в пятьдесят миллионов карлов, а то, что сделано ими во вред республике, мы не могли сосчитать. Это не для мужицких мозгов.

Ганна. Дальше, Варра.

Коста. Они не только преуменьшали урожай, но и распространяли всяческие слухи... Они болтали, будто республика вывозит хлеб, куда вы думаете? В Советы!

Вента (*хохочет*). В лес дрова возить!

Коста. Нечистая игра, нечистая! Вот список помещиков и кулаков, которые скрыли двенадцать тысяч тонн зерна. Обмолот у них контролировали люди Христины Падера.

Ганна. Вента, возьми этот список.

Вента. И уж я разделаю его в газете!

Коста. Бейте по зубам, редактор Вента, по челюстям лупите этих мерзавцев!

Входит Баст.

Явление 9

Баст. Телеграмма от премьера, шеф. Только что поступила из шифровального отдела.

Ганна (*живо*). А, давайте, давайте! И вот что: как только приедут кардинал и Христина Падера, просите их. И Вастиса, Баст, и Вастиса.

Баст. Слушаюсь, шеф. (*Уходит*.)

Ганна поспешно вскрывает телеграмму и читает.

Вента. Ну, как идут дела в Москве?

Ганна. Отлично, товарищ Миха надеется на благоприятный исход переговоров... Но он очень озабочен положением в стране.

Вента. Покушение на вас — достаточный повод для беспокойства.

Ганна. Да, Вента, трудно, очень трудно... В подполье я не думала, что будет так трудно, когда мы придем к власти... Вставляют палки во все колеса... Провокации, саботаж, предательство, клевета, интриги...

Вента. Сомкнуть теснее ряды, Ганна, сомкнуть теснее ряды!

Ганна. Нет, Вента, не только. Многие из наших еще живут привычками подполья, приемы подполья переносят в государственную жизнь. Никуда это не годится! Почему у нас не думают о новых формах связи с массами? Почему ты не думаешь об этом?

Коста. Верно, верно, товарищ Лихта. Вы к нам, к нам...

Ганна. Ясно, реакция хочет уничтожить Народный фронт и сорвать выборы... Ясно, ставка их — на голод.

Разоблачить их махинации? Это полдела. Что же сделать, чтобы массы поднялись на защиту демократии? Ты думал об этом, Вента?

Коста. Ах, хорошие слова прочел я в одной книге: терпи, терпи, наковальня, пока ты наковальня... Бей, когда будешь молотом! Уж будьте уверены, госпожа Лихта, земледельцы тряхнут своей силушкой! (*Засучивает до локтя рукав и потрясает кулаком.*) Хо-хо, драться — так драться! Да если будет нужно, я приведу сюда сто тысяч земледельцев, и уж мы такой трезвон поднимем — держись! И за мой колокол будьте покойны. Он умеет вызванивать веселую чепуху, но, когда надо, умеет бить в набат!

Ганна. Слышал, Макс? Вот оно что: у самого народа надо учиться, как поднимать народ... Что ж, Коста, в последние дни подполья у нас был лозунг: «К оружию, на баррикады!» Теперь наш лозунг должен быть: «На улицу, к народу!» (*Ходит по кабинету.*) Слушайте, Вента: надо, чтобы сам народ охранял выборы. Надо обратиться к профсоюзам, к заводским комитетам, к бывшим партизанам, к женщинам, к земледельческому союзу... Разъяснить им со всей прямотой, к чему направлены усилия реакции. Обратиться с призывом создать повсюду комитеты действия, которые предупреждали бы саботаж и беспорядки...

Вента. Да, партии придется поработать в эти дни! И моим парням тоже.

Коста. Вы поменьше держите ваших парней в столице. Вы их — в села, на заводы, редактор!

Ганна. Так, Коста. К народу, Вента, на улицу.

Звонок телефона.

Да, Лихта... Здравствуй, товарищ Кунтера!.. Да, получила... Да, у меня... Хорошо. (*Кладет трубку.*) В шесть часов, Вента, заседание Центрального Комитета партии. Обсуждается телеграмма премьера.

Входят Христина Падера, кардинал и Вастис.

Явление 10

Кардинал. Иисус и мадонна с вами в этот день. (*Со вздохом усаживается в кресло.*)

Ганна. Здравствуйте, господа! Я должна обсудить с вами продовольственное положение в стране. Я пригласила, кроме прямо заинтересованных лиц, монсиньора Бирнча, чтобы сообщить ему о недостойном поведении некоторых служителей церкви.

Кардинал. Я внимательно выслушаю вас.

Христина (*нервно*). Господа, продовольственное положение на грани катастрофы. Наши резервы почти на исходе... Если даже премьер договорится в Москве о дополнительной поставке Советами двадцати тысяч вагонов зерна, дефицит будет равняться сорока тысячам вагонов. Австралия и Канада не хотят давать хлеб правительству, где большинство коммунисты.

Вента (*прищурившись, в упор смотрит на Христину; он готов к драке*). Может быть, прогоним из правительства коммунистов?

Коста (*ударяет кулаком по столу*). Чорта с два! Я сражался рядом с ними, это честные патриоты!

Вастис (*осторожно*). Ваш референт по восстановлению, госпожа заместитель премьера, заявил мне сейчас, что трехлетний план под угрозой срыва, если мы не сможем кормить рабочих, как кормим.

Христина (*как бы вскользь*). Голодные работают плохо...

Вента (*с угрозой, обращенной к Вастису и Христине*). Кроме того, они еще бастуют.

Кардинал (*чувствуя приближение схватки и пытаясь отдалить ее*). Что сообщает из Москвы наш уважаемый премьер?

Ганна. Он телеграфирует, что успех переговоров обеспечен, но условий не знает.

Вастис. В том-то и дело.

Христина (*снова вскользь*). А голод не ждет.

Вента. Не так страшен чорт, как его малюют. Выдержка, выдержка!

Вастис (*раздраженно*). Да-да, выдержка, если даже нам придется расплачиваться за советский хлеб свободой страны.

Коста (*рассердившись*). Брехня! Русские не первый раз помогают нам без всякой корысти. Они спасли нас от фашистов...

Вастис (*задумчиво потирая нос*). Хм... Военные специалисты утверждают, что, не приди русские на помощь нашему восставшему народу, это бы сделали союзники через двадцать четыре часа.

Коста (*взбешенный*). Двадцать четыре часа! Двадцать четыре часа — это полторы тысячи минут, это полторы тысячи фашистских пуль, это полторы тысячи жертв!

Вента. Вот расчет солдата! Молодец, Варра!

Вастис (*в пику Ганне*). Большевистский хлеб нам не

нужен. Он средство пропаганды большевистских идей! В каждом зерне, присылаемом ими, яд!

Ганна. Так и не кушайте этого хлеба, господин Вастис!

Все смеются. Входит Баст.

Явление 11

Баст. Представитель секретариата профсоюзов мастер Марк Пино.

Ганна. Просите.

Баст уходит.

Коста. Земледельцы могли бы увеличить поставки хлеба, но цены на него слишком низкие. Многие берегут хлеб для рынка, вот оно что. Надо увеличить цены на хлеб.

Ганна. Бюджет, Варра, не выдержит дополнительного расхода в шесть миллиардов карлов, необходимых для покрытия убытков сельского хозяйства и для повышения цен на хлеб, заготавливаемый внутри страны.

Коста. А я говорю вам, эти шесть миллиардов должны заплатить наши миллионеры. Так говорит и весь народ.

Входит Марк.

Явление 12

Марк. Здравствуйте, господа!

Ганна. Здравствуйте, Марк!

Христина. Если даже будут повышены заготовительные цены и мы соберем внутри страны десять тысяч вагонов зерна, чему лично я не верю, нам надо будет покупать еще тридцать тысяч вагонов.

Вастис (*пристально следит за Христиной — и разочарован: он ждал от нее большего*). Так и так голода не миновать. Надо снижать пайки.

Марк. Никогда! Центральный секретариат профсоюзов обсудил продовольственное положение в республике и уполномочил меня заявить правительству: профсоюзы не пойдут на снижение пайков. Мы призовем рабочих ко всеобщей забастовке.

Ганна. Кому-то наруку распространять слухи о голоде, и вы знаете, кому это наруку. Я утверждаю, что цифры, сообщенные нам министром продовольствия, ложные. Я обвиняю в распространении паники партию националистов,

вашу партию, Христина Падера, партию католиков — вашу партию, Гуго Вастис, и некоторых служителей бога, монсиньор.

Христина (*решившись атаковать*). Ганна Лихта, голод — подлинно народное бедствие, и все попытки политического маневрирования по вопросу о хлебе накануне выборов должны быть здесь отвергнуты.

Ганна (*в голосе звучат железные ноты*). Господин Вастис, и вы, кардинал Бирнч! На Юге, где большинство Законодательного совета принадлежит партии католиков,— хаос и анархия в распределении продовольствия. Это я видела сама. Там прячут хлеб, там подогревают сепаратистские вожделения, там саботируют трехлетку, там не хотят индустриализации, потому что боятся пролетариата, там зреет заговор! Так кто же занимается политическим маневрированием в вопросе о хлебе — моя партия или ваши партии?

Коста. Ай-яй-яй! Чорт побери, посадил бы я этих попов-заговорщиков в мешок да в речку их, в речку.

Кардинал (*с отвращением*). Сын мой, эти кощунственные слова сказаны до тебя королем Генрихом Четвертым...

Коста. Что ж, значит, он был умный король, если предвидел, что я скажу его слова к месту.

Ганна (*прекращая дуэль*). Компартия понимает, к чему вы затеяли эту игру. Вы создаете правительству препятствия на каждом шагу. Уже несколько месяцев подряд мы не можем работать нормально. Вы хотите раскола Народного фронта, вы хотите путча, чтобы сорвать выборы?

Кардинал (*с кротким вздохом*). Бог мой!

Ганна. Но народ следит за каждым вашим шагом, знайте это!

Вастис (*с иронической почтительностью*). Госпожа заместитель премьера, мы выслушали ваши пространные речи, выслушайте нас. Можно сколько угодно говорить о том и о сем, но одно непреложно: экономика республики в опасности. Между тем наши друзья готовы помочь нам. (*Несколько секунд колебания.*) Сегодня сэр Мак-Хилл повторил свое предложение помочь нам.

Вента (*ожесточенно*). Мак-Хилл! Знаем этого господина с Уолл-стрита! Друг даллесов и херстов!

Кардинал. Сэр Мак-Хилл не с атомной бомбой приехал к нам, а, подобно Иисусу, с хлебом, чтобы накормить алкающих.

Коста (*хозяйственно*). А какова будет цена их хлебу?

Вастис. Она может быть дешевле той, что с нас по-

требуют Советы. Принять помощь наших друзей — единственный разумный выход из положения.

Христина (*понимая, что сейчас-то и может начаться настоящая схватка, и не будучи подготовлена к ней, льет в готовый вспыхнуть костер ушат воды*). Эта проблема так серьезна, что мы должны сначала обсудить ее в наших партиях.

Коста. В партиях? А народ? Что он, бессловесная скотина, на которую можно надевать по пять хомутов? (*Стучит костяшками пальцев по столу.*) Мы слышали, что и Западную Германию будут восстанавливать на доллары. Мы этого у себя не допустим! Не допустим!

Кардинал (*делая последнюю попытку отразить наступление левых*). Бог мой! Пятнадцать миллионов ждут нашего решения. (*Возвышая голос.*) Им грозит голод, а вы — о Германии! (*Он едва не плачет.*) Будьте же милосердны к людям!

Вента. Кардинал, здесь вам не месса!

Коста. Я крестьянин, Сталин — сын крестьянина, он даст хлеб. Он не раз выручал нас. (*В его голосе звучит беспредельная убежденность и вера.*) Он выручит нас и теперь.

Христина (*поднимаясь с кресла*). Предлагаю послезавтра собрать Совет Народного фронта и принять решение независимо от исхода московских переговоров.

Ганна. Компартия согласна.

Все прощаются с Ганной и уходят. Она провожает их задумчивым взглядом.

Марк (*задержавшись*). Мне надо сообщить вам нечто очень важное.

Ганна (*рассеянно, мысли ее еще заняты теми, кто только что ушел отсюда*). Хорошо, Марк, я вызову тебя.

Марк уходит.

Кто же из них главный? Или все вместе?

Входит Баст.

Явление 13

Баст. Магда Форсгольм, шеф, очень хочет видеть вас...

Ганна (*очнувшись*). А! (*Улыбка осветила ее лицо, и перед нами просто добрая и очень уставшая женщина.*) Просите, просите, я рада видеть ее. Потом пусть войдет Марк. И вызовите машину, я еду к президенту. (*Снова мерт-*

венно звучит ее голос.) Большие неприятности, Ян, большие неприятности.

Баст (*жалея ее, как старый суровый боец может жалеть ребенка*). Шеф, то ли мы видели с вами! Все будет в порядке, не волнуйтесь! Поберегите себя. (*Уходит.*)

Входит Магда.

Явление 14

Ганна. Здравствуй, милая, здравствуй... Ну, чем ты меня обрадуешь? Как мать? Как твои сестры? (*Улыбаясь.*) И когда будет твоя свадьба?

Магда (*смущаясь*). Вероятно, ее совсем не будет...

Ганна. Вот как! Почему?

Магда. Товарищ Лихта, несколько раз мы замечали у завода эту американскую мисс...

Ганна. Эге! (*Строго.*) Почему же вы не заявили об этом министру общественной безопасности? И какое это отношение имеет к твоей свадьбе?

Магда (*смущаясь еще больше*). Тут все связано с Марком...

Ганна. С Марком Пино?

Магда. Да. (*Торопясь, сбиваясь и смущаясь.*) Я не знаю, что этой мисс нужно от Марка. Может быть, он действительно любит ее и она ездит к заводу, чтобы встретить его после смены... Ах, боже мой, я не из таких, чтобы держаться за мужские штаны, вы знаете меня... Но вдруг ей нужно от Марка... Я даже не смею думать, но ведь он идеалист, каких мало. Поэтому я так и... (*Чуть не заплакала.*) И я так боюсь за него, так боюсь... А если это скажу ему я, он может подумать бог знает что...

Ганна (*очень ласково*). Хорошо, Магда, я поговорю с Марком.

Магда. Спасибо, ах, спасибо, дорогая... (*Делает движение, чтобы обнять Ганну, но сдерживается.*) Спасибо, дорогой наш начальник... Мы звали вас так, помните? (*Глубоко, по-детски вздохнув.*) И еще: на другой день после покушения мои друзья были там, где стреляли в вас... Вот что они нашли там... Патроны от американских автоматов...

Ганна (*снова озабоченность появилась в ее глазах*). Спасибо, девочка. Это очень важная находка. (*Перебирает патроны.*) Я позабочусь о Марке (*улыбаясь*) и о твоем счастье.

Магда. Спасибо, спасибо, начальник. (*Пауза.*) Я хотела сказать вам... Я знаю, как вам трудно сейчас... Но я

вспомнила, как мы боролись. Мы ведь были вооружены только собственным мужеством, не так ли? И сколько погибло из нас тогда, скольких нет!

Ганна (*скорбно*). Да, они не хотели стоять на коленях, они умерли стоя.

Магда. Вот мы победили, добились чего-то...

Ганна. И даже это хотят отнять у нас, Магда!

Магда. Я знаю, я все понимаю. (*Горячась.*) Я хочу пойти к моим друзьям и в союзы молодежи и сказать им: с каждым днем борьба становится все более суровой. Пусть они выбирают: либо снова несчастья, либо путь к труду, к науке, к счастью, путь к дням, которые не будут омрачены борьбой за существование, не так ли?

Ганна. Так, так, Магда! Скажи им: Ганна Лихта, потерявшая своих детей, обращается к вам с призывом постоять за демократию.

Магда. Я скажу! Я все скажу! (*Целует Ганну и уходит.*)

Ганна (*перебирая патроны*). Так... (*С угрозой.*) Посмотрим, посмотрим!

Входит Баст.

Явление 15

Баст. Министр общественной безопасности, шеф.

Ганна. Просите.

Баст открывает дверь кабинета, входит Иоаким Пино; он очень постарел за эти дни.

Явление 16

Ганна. Здравствуйте, Пино... Я вижу, вы расстроены... В чем дело?

Пино (*его голос дрожит*). Госпожа заместитель премьера, архиепископ Юга бежал, успев замести следы заговора, ведущие сюда... Улетел на самолете, приготовленном неизвестно кем.

Ганна (*бесстрастно*). Куда он улетел?

Пино (*убитым голосом*). Агентура доносит — вчера его видели в Риме.

Ганна. Всегда и везде — Уолл-стрит и Ватикан. Два гнезда заговоров: Ватикан и Уолл-стрит. (*Помолчав.*) Следствие по делу о покушении на меня дало что-нибудь?

Пино. Увы, пока нет.

Ганна. Оно ничего и не даст. В вашем министерстве си-

дят реакционеры, Пино, они покрывают убийц. Народ сам ведет следствие, и вот он нашел на месте покушения... (*Передает Пино патроны.*) От американских автоматов, понятно?

П и н о. Бог мой! Американская демократия — и это!

Г а н н а. Мне жаль вас, Пино, мне искренне жаль вас... И вы и ваша партия плохо кончили век...

П и н о (*с безнадежностью*). Я жил иллюзией, будто все в этой стране хотят добра ей.

Г а н н а (*презрительно*). Пино, я предупреждаю вас... Помните, на ферме у Косты Варра? Я сообщу Совету Народного фронта о вашем желании уйти на покой.

П и н о (*почти кричит*). На покой? Вы хотите... (*Задохнувшись.*) Вы хотите отнять у моей партии пост министра общественной безопасности и отдать его коммунисту? Этого не будет! Этого никогда не будет! Мы не отдадим вам этот пост!

Г а н н а. Это решит Совет Народного фронта. До свидания, Пино.

П и н о уходит, едва волоча ноги. Ганна мрачным, остановившимся взглядом смотрит прямо перед собой. Пауза. Машинально, привычным движением она нажимает кнопку звонка. Входит Б а с т.

Явление 17

Г а н н а. Да, Ян, совсем плохи дела у Иоакима Пино!

Б а с т. Хе-хе, эти правые социалисты, шеф,— особенные люди. Пока их подкармливают и терпят капиталисты, они еще барахтаются. Кончится кормежка — все расползается по швам, как старый мундир. Им капитализм нужен, как рыбе — вода...

Г а н н а. Это верно, Ян. Ну, зовите Марка.

Б а с т уходит. Входит М а р к.

Явление 18

Г а н н а. Что ты хотел сообщить мне, Марк?

М а р к. Это касается Киры Рейчел... Вы знаете, я не могу итти к отцу: он взбешен последними событиями в партии... К сожалению, она накануне раскола. (*Грустно.*) Он обвиняет меня в измене и вышвырнет вон не выслушав. Между тем дело в том, что Кира Рейчел... (*Оглядывается.*) Закройте кабинет, и я скажу вам, чего хочет от меня эта мисс...

Ганна в упор смотрит на Марка и, не отводя от него взгляда, нажимает кнопку на столе. Стены сдвигаются, и идет занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Зал заседания Совета Народного фронта с окнами, выходящими на величественную площадь. Из окон видны готические башни Кафедрального собора. На стенах — картины старинной работы, изображающие эпизоды из жизни страны, и портреты ее выдающихся деятелей. Посредине — круглый стол и четыре массивных кресла. Справа — стол для стенографисток, слева — места представителей прессы. Направо — массивная дверь, ведущая во внутренние комнаты дворца, налево — такие же массивные входные двери. Секретари делегатов Баст, Куртов, Герц и Файн готовят зал к заседанию — раскладывают на столе бумаги, ставят перед каждым креслом флажок, обозначающий партийную принадлежность делегатов: красный — перед креслом коммунистического делегата; красный с белым треугольником — перед креслом социал-демократического представителя; бело-желто-коричневый — перед креслом делегата партии Национального единства; белый с изображением распятия — перед креслом Вастиса. На столе перед каждым делегатом стоит микрофон.

Явление 1

Герц. Все ли готово, Баст? Микрофоны проверены?

Баст (*с неприязнью*). Да-да, все в порядке.

Куртов. Что за кипа бумаг на столе в углу?

Баст (*отрывисто*). Телеграммы от разных организаций и лиц.

Файн. Что хочет наш добрый народ от Народного фронта?

Баст (*с явным вызовом*). Наш добрый народ требует, чтобы была отвергнута помощь Америки, чтобы отобрали деньги у миллионеров, чтобы землю отдали земледельцам.

Герц. Эти послания внушены дьяволом!

Баст. Не каркай, ханжа!

Герц (*гнусаво*). Брат мой, мир теряет человеческий облик. Спасения нет, толпа властвует над умами... Вы посмо-

трите на площадь... (*Закатывает глаза.*) Она вся запружена народом, а люди все прибывают. Сто тысяч мужиков, двести тысяч рабочих с заводов...

Куртов. Известно, на площадях обычно собираются бездельники!

Баст. Но-но, Куртов, потише...

Файн. Ах, страна в кипении, страсти разгораются с каждым днем! (*Он немощно, старчески шепелявит. И ножки у него, как спички, и тоненькие руки, и мертвенно бледное лицо под шапкой совсем белых волос.*) Я старый социал-демократ, я провел все свои годы с моим шефом Иоакимом Пино. (*Скорбно.*) Ах, не то было нашим идеалом, не то, не то...

Баст. Ваши идеалы, чорт бы их побрал! Они привели нас к Мюнхену! (*Отвешивает Файну насмешливый поклон.*) Ваш Мюнхен стоил мне лично трех лет концлагеря, двух вышибленных гестапàками ребер и раны в живот в партизанской войне... (*С сердцем.*) Ваши идеалы! Ваши идеалы!

Входит слуга.

Явление 2

Слуга (*торжественно*). Его высокопреподобие кардинал Бирнч.

Баст. Этому что тут надо?

Герц. Он приглашен госпожой Ганной Лихта.

Баст. А-а... До заседания осталось полчаса... Выпьем кофе, Файн, а?

Файн. Только воду, Баст, только воду... Старое сердце, да-да!

Баст, Файн, Куртов и слуга уходят направо. Левая дверь раскрывается. Яков Ясса везет кресло, в котором полулежит кардинал Бирнч.

Явление 3

Герц. Вы совсем не бережете себя, монсиньор.

Кардинал. Я не мог уклониться от исполнения долга. Сегодня решается судьба страны, а значит, и церкви...

Герц (*вполголоса*). Сэр Генри Мак-Хилл звонил шефу и просил узнать, не может ли он увидеть вас после заседания. Скажем, здесь? Нейтральное место...

Кардинал. Мы будем рады видеть здесь этого богобоязненного человека.

Входит слуга.

Явление 4

С л у г а. Его превосходительство министр продовольствия Христина Падера, делегат партии Национального единства. (*Уходит.*)

Явление 5

К а р д и н а л. Иисус и мадонна с тобой, дочь моя!

Х р и с т и н а (*целует руку кардинала*). Что с вами, монсиньор? Вы больны или у вас неприятности?

К а р д и н а л (*печально*). ...проистекающие от моего служения истине, дитя.

Х р и с т и н а (*насмешливо*). Но «что есть истина», монсиньор?

К а р д и н а л. Любовь к угнетенным толпою, Христина. (*Секретарям.*) Оставьте нас.

Я с с а и Г е р ц отвешивают поклоны и уходят в дверь направо.

Х р и с т и н а. Монсиньор, вы начали отдавать слишком много времени политике, берегитесь!

К а р д и н а л (*обиженный ее тоном*). Вера — мой панцырь, Христина.

Х р и с т и н а. Вера во что?

К а р д и н а л (*благоговейно, словно он служит мессу*). В тот социализм, который, выходя за пределы массы с ее отвратительными физиономиями и гнусным весельем, равняется на благополучие индивида. Ошиблось и христианство, мой друг, нападая на социализм, ошиблись и социалисты, нападая на религию и отвергая мощь церкви... Теперь перед лицом коммунизма пришла пора установить взаимопонимание и единство.

Х р и с т и н а (*искоса посмотрев на него*). Кого это вы стращаете, кардинал? Я не робкого десятка, вы знаете!

К а р д и н а л. Поглядите в окно, друг мой. Там готовится революция; она сметет нас, если мы не подавим ее...

Христина открывает окно, гул народных масс врывается в зал.

Х р и с т и н а (*спешно закрывает окно. Толпа напугала ее, и она решила, что пора играть в открытую*). Да, пожалуй, вы правы... Я с восхищением прочитала вашу книгу, монсиньор. Да-да, отдельный человек — источник и оплот аристократизма. В том новом порядке, о котором мечтают аристократы духа, должна быть своя философия. Христианство, увы, обветшало, вы подновляете его...

Кардинал (*торжественно*). Во имя борьбы с марксистской философией.

Христина (*усмешка скользнула по ее губам*). Но народ требует замены устраненных или подавленных понятий. Ему все-таки нужна духовная еда. Ваша философия — вполне приличный корм для толпы. (*Пауза. Решительно.*) Моя партия ссудила бы вам крупную сумму для того, чтобы ваша книга была в каждом доме.

Кардинал (*остолбенев от такой неожиданности*). Вы бы помогли мне? Я не ослышался?

Христина. Нет, монсиньор. Я националистка, а национализм может опираться только на отдельную личность. Ваша философия приемлема для нас. (*Пауза.*) Впрочем, и вся ваша деятельность...

Кардинал (*все еще не понимая Христину и лавируя, чтобы не попасть впросак*). Она направлена только к торжеству веры.

Христина (*резко*). Дело не в названии, монсиньор! Я знаю ваши цели. Знаю способы, которыми вы добиваетесь их, знаю о всех делах архиепископа Юга. Кстати, не будь моего самолета, архиепископ давно бы сидел за решеткой из железных прутьев.

Кардинал (*в ужасе*). Христина!

Христина (*решив итти напролом*). Скажу больше: лидер партии католиков, я говорю о Гуго Вастисе, действует всецело по моим указаниям, хотя, разумеется, и не предполагает, от кого они исходят. Между прочим, я помогала ему и вам организовать волнения на Юге.

Кардинал. Иисус-Мария!

Христина (*нежно, почти воркуя*). Видите ли, мое министерство дает мне возможность держать агентов повсюду и быть в курсе всего. Я знаю больше, чем премьер или министр общественной безопасности... (*Задумалась.*) Впрочем, за Ганну Лихта не поручусь... (*Это имя заставляет ее содрогнуться. Но она переборола минутную слабость.*) Ну, тем азартнее игра! (*Помолчав.*) Да, так случилось, что после войны все нити антикоммунистического движения оказались в моих руках...

Кардинал. Вы — с тех пор?

Христина. Еще во времена подполья я поняла, что коммунизм не ограничится пределами России, и уже тогда начала готовиться к борьбе с ним.

Кардинал (*голосом, ослабевшим от волнения и восторга*). Сам бог подсказал вам это, Христина!

Христина (*с издевкой*). Предположим! (*Продолжая*

свою мысль.) Я еще надеялась, что шествие коммунизма по Европе может быть остановлено мирным путем. Эти надежды рухнули. Я стала собирать силы здесь и вне страны. Я исправляла оплошности Вастиса — он плохой конспиратор, монсиньор. Я устроила ему связь с сепаратистами Юга. Вся его политическая переписка с Ватиканом и с католической ассоциацией Америки шла через меня...

Кардинал. Вы сам дьявол! Вы знаете всех наших?

Христина (*с блаженным видом невинности*). Ваши люди — мои люди. Яков Ясса получает жалованье и у меня.

Кардинал. О-о, каналья!

Христина (*добивая кардинала*). Связи Вастиса с кардиналом баварским Фаульгабером и американским кардиналом Спеллманом шли через Куртова, а этот немец работает на меня.

Кардинал. Вастису помогал немец? Это ужасно!

Христина (*презрительно*). Вы ханжа, монсиньор! Вы чудесно сговаривались с немцами в дни оккупации. Я знаю, молчите!

Кардинал. Бог мой! Кто же вы?

Христина (*переходя на деловой тон*). Я центр всего, что делается здесь и на Юге. Я в непосредственном контакте с Генри Мак-Хиллом, а через него с руководящими деятелями некоторых великих держав. Куртов, мисс Рейчел — второстепенные посредники, мы откажемся от них. И от Гуго Вастиса тоже.

Кардинал. Это невозможно.

Христина (*ее возмущает наивность Бирнча, но что поделаешь — других, на которых можно опереться, нет*). Гуго Вастис действует грубо и примитивно. Он может всех нас подвести под петлю, а вас, монсиньор, в первую очередь. Он устроил покушение на Ганну Лихта, устроил глупо, грубо, а вы благословили эту бездарную затею.

Кардинал. Я?!

Христина. Да. И я просто выдам Вастиса. Мне нужна эта жертва.

Кардинал. Дочь моя, человеческие жертвоприношения противны религии.

Христина. Уж как-нибудь религия примирится с этим, монсиньор. Пусть они возятся с Вастисом; тем самым я отвлеку их внимание от нашего дела.

Кардинал. Это так непатриотично, дочь моя!

Христина (*жестко*). Монсиньор, высший патриотизм заключается сейчас в том, чтобы любыми средствами подавить коммунизм. (*Пауза.*) Поговорим о деле. Мы должны

создать в стране путем террора и диверсий такую панику, чтобы она окончилась гражданской войной. Цель, я думаю, ясна вам? Надо создать предлог для иностранного вмешательства.

Кардинал (*с деланым негодованием*). Вы хотите интервенции, Христина?

Христина. Ах! А кому страшны интервенты? Вам? Мне? (*В голосе звучит страшная сила ненависти.*) Толпе, монсиньор, толпе, которая рычит на нас, скаля зубы. Страна в брожении, все кричат о заговорщиках и предателях. Кого они имеют в виду, монсиньор? (*Твердо.*) До выборов остался месяц. У меня все готово, люди расставлены и ждут сигнала. (*Ультимативно.*) Итак, монсиньор?

Кардинал. Выделение Юга в самостоятельное государство с католическим правительством во главе — вот на чем мы можем сговориться.

Христина. Что ж, лучше иметь две узды для бешеных животных, именуемых народом, чем одну.

Кардинал (*склоняя голову*). Все мои силы и связи с этого часа в вашем распоряжении, дочь моя.

Христина. Мы начинаем действовать, монсиньор. Кадры для борьбы готовы и вооружены. В этом нам помогли наши заокеанские друзья.

Кардинал. Но вдруг — провал?

Христина. Я переправила архиепископа в Рим не только затем, чтобы спасти его от ареста. Он собирает вокруг себя всех, кто разделяет наши стремления. Он приготовит нам убежище на крайний случай. Живя вне страны, мы будем руководить силами нашего подполья здесь.

Кардинал (*с пафосом*). Вы воистину вождь! (*Пауза.*) Через двадцать минут заседание Совета Народного фронта. Как вести нам себя?

Христина (*как бы размышляя вслух*). К сожалению, сейчас отдельный человек не может ставить радикально вопрос о власти масс, если он хочет выжить. (*Страстно.*) А нам надо, надо выжить монсиньор! Пока мы должны быть как бы заодно с массой и действовать изнутри.

Кардинал. Вы в совершенстве постигли мою философию, Христина.

Христина (*ядовито*). О монсиньор, вашу философию выдумали иезуиты!

Кардинал. Гм... Храбрость так сочетается в вас с красотой души... Ради чего вы пошли на это?

Христина (*с предельной откровенностью*). Я по природе игрок, монсиньор... (*Смеется.*) А если говорить серьез-

ню, я хочу спасти себя... и цивилизацию... Кстати, надеюсь, вопрос о собственной шкуре не последний и для вас, не так ли?

Кардинал. Увы, все мы лишь грешные люди.

Входит слуга.

Явление 6

Слуга. Лидер католической партии доктор Гуго Вастис.

Кардинал (*не желая встречи с Вастисом, которого только что предал,— слуге*). Брат мой, отвези меня во внутренние покои, я хочу подкрепить себя чем-нибудь до заседания.

Слуга везет кресло кардинала в дверь направо. Входит Гуго Вастис.

Явление 7

Вастис. Здравствуйте, госпожа Падера! Еще никого нет... Очень хорошо... Мне надо поговорить с вами. Ну, что решила ваша партия о присоединении к блоку шестнадцати стран?

Христина (*сухо*). Я объявлю решение на заседании.

Вастис (*озадаченный — он ждал иного ответа*). Маневрируете, господа националисты?

Христина (*с вызовом*). А вам не терпится замазать американской помощью биржевую панику, устраиваемую Советом промышленников? Вам не терпится вернуть ваши заводы, насадить поповщину и снова управлять страной? Не выйдет!

Вастис. Ага! А вы слышали, что коммунисты предложили социал-демократам единый фронт при решении вопросов о плане Маршалла и о налоге на богачей?

Христина (*рассеянно*). Мне все известно.

Вастис (*наступая*). А вам известно, что Иоаким Пино получил пятьдесят тысяч телеграмм от рядовых членов партии с требованием принять предложения коммунистов?

Христина. Враки. Получено сто тысяч телеграмм.

Вастис. Вы все знаете. (*Грубо.*) Вот что, госпожа Падера: Совет промышленников откажется субсидировать наши партии на выборах, если мы не сумеем защитить их.

Христина (*с деланым безразличием*). Вот как!

Вастис. Да, вот как. У коммунистов и социал-демократов, если они соединятся, будет шестьдесят процентов голо-

сов в парламенте. Они смогут провести любой закон, понимаете ли вы это? Сейчас самое подходящее время расколоть социал-демократию.

Х р и с т и н а («*боже мой, он все еще думает о парламенте!» и вслух*). Мы обойдемся без ваших советов, господин Вастис.

В а с т и с. Вы что, госпожа Падера?

Х р и с т и н а (*решительно*). Господин Вастис, мы не желаем иметь с вами никаких дел, потому что вы террорист. Вы начали стрелять в людей нашей страны из американских автоматов...

В а с т и с (*в ярости*). Что вы говорите?!

Х р и с т и н а. То, что знаю! Поберегитесь!

Входит с л у г а.

Явление 8

С л у г а. Его превосходительство министр общественной безопасности Иоаким Пино, делегат социал-демократов; представитель профсоюзов мастер Марк Пино.

Х р и с т и н а. А... святое семейство. Не будем мешать им.

В а с т и с. Вы должны объяснить мне... чорт побери!.. Идемте...

Х р и с т и н а. Спокойно, Гуго, спокойно!

Уходят в дверь направо. Из двери налево выходят И о а к и м П и н о и М а р к. Они садятся и занимаются чтением бумаг, не глядя друг на друга. С л у г а уходит.

Пауза. С л у г а входит снова.

Явление 9

С л у г а. Его превосходительство заместитель премьер-министра, делегат коммунистической партии Ганна Лихта. (*Открывает дверь и с глубоким поклоном встречает Ганну.*)

Марк и Пино встают.

Г а н н а. Здравствуйте. Ну, Пино, что же решило правление вашей партии по поводу нашего предложения? Центральный Комитет ждал ответа весь день.

М а р к. Мы только что кончили заседать...

Г а н н а. Ну и что?

П и н о (*кричит*). Спросите моего сына, зачем он порочит старую гвардию партии! Он стал в ней агентом другой партии, и вы знаете, Ганна, какой именно!

Г а н н а (*удовлетворенно улыбаясь*). Так... Значит, вы не пришли к соглашению?

М а р к. Согласие достигнуто только по одному...

П и н о (*перебивая*). Молчи, Марк! (*Важно.*) Председатель партии пока еще я, и я не уполномачивал тебя сообщать кому бы то ни было решения правления!

М а р к (*очень мягко*). Можно упрекать одного человека в том, что он агент другой партии, но как можно обвинять в этом сто семьдесят тысяч социал-демократов, желающих единства с коммунистами? (*Вынимает из портфеля пачки телеграмм и бросает на стол.*) Вот их голоса! Можно сагитировать сто человек и заставить их скандировать: «Единство с компартией». Но как заставить делать это тысячи? Как заставить миллионы кричать: «Долой план Маршалла!»? А они кричат именно это, послушай! (*Открывает окно.*)

Огромные массы на площади скандируют: «Долой план Маршалла! Единство! Единство!»

П и н о (*в ярости закрывает окно*). Мы не можем подчиняться воплям толпы.

Г а н н а. Ага! Кардинал повторяет слова фашистов о толпе, социал-демократ Иоаким Пино повторяет кардинала!

П и н о (*отмахиваясь от Ганны*). Я не привык принимать решения под давлением.

М а р к (*все еще не теряя надежды убедить отца*). Разве нас давят сверху? Единства требует народ.

Г а н н а (*понимая всю никчемность спора*). Ответьте же мне: мы можем рассчитывать на вашу поддержку?

П и н о (*уклончиво*). Это смотря по какому вопросу.

Г а н н а (*брезгливо*). Ну что ж, Пино, мне ясно, кто главный раскольник среди нас.

Входит с л у г а.

Явление 10

С л у г а. Делегат земледельческого союза господин Коста Варра. (*Пропускает Косту и уходит.*)

К о с т а. Здравствуйте, господа! Народ-то как шумит, а? Триста тысяч земледельцев и рабочих на площади! Если мы выйдем к ним сегодня с пустыми руками... Нет-нет, лучше повеситься в каком-нибудь паршивом хлеву... Что слышно от премьера?

Г а н н а. Мы должны принять решение, Варра, незави-

симо от хода переговоров в Москве... Мы не хотим, чтобы реакция спекулировала на пресловутом давлении Москвы...

Пино (*голосом, дрожащим от гнева*). Да-да, мы еще суверенная держава и не позволим давить на нас ни хлебом, ни долларами! (*Смотрит на часы.*) Пора начинать. (*Нажимает кнопку звонка.*)

Появляется слуга.

Явление 11

Пино. Приглашайте представителей прессы и стенографисток. Удалимся, пока все не соберутся.

Все, кроме Марка, уходят в дверь направо. Из дверей налево выходят стенографистки, корреспонденты. Между ними — Вента, Рейчел.

Явление 12

Рейчел (*подходит к Марку*). Мой мальчик, вы чем-то расстроены?

Марк. Да, неважное у меня настроение, Кира. Ах, вы так нужны мне сегодня!..

Рейчел (*холодно*). Сэр, вы забыли о моих условиях! Доверие, сэр, доверие!

Марк (*передает ей книгу*). Я долго боролся, но я не могу отказаться от вас, Кира... В этой книге вы найдете то, что я обещал вам.

Рейчел. Спасибо, сэр! (*Страстным шопотом.*) Там же, как и всегда, и в то же время! (*Фотографирует зал заседания.*)

Вента (*подходит к Марку, берет его за локоть*). Марк, в память былой нашей дружбы советую — пошли ты ее к чертям. Ты слишком крупная приманка. Не забывай, где ты работаешь и что делаешь.

Марк (*вызывающе*). В нашей среде до тебя не было предателей.

Вента (*далекий от мысли обижаться на этого человека*). На что ты намекаешь, Марк?

Марк (*выливает на Венту всю ярость, кипящую в нем*). Ты каждый день в своей газете обливаешь грязью отца... Ты сам хочешь быть министром, не так ли? Не потому ли подкапываешься под него?

Вента (*хладнокровно*). Дурак! Если я подкапываюсь под него, так ты роешь ему могилу.

Марк с усмешкой отходит от Венты. К Венте подходит Рейчел.

Р е й ч е л (*кокетничая*). Коллега, как ваша книга?

В е н т а (*недоумевая*). Мисс, что вам надо от меня?

Р е й ч е л (*мурлыкая*). Вас!

В е н т а (*сбитый с толку*). Ого! Вам мало Марка?

Р е й ч е л (*тем же мурлыкающим тоном*). Мне нужны вы, только вы! Я буду анархисткой, коммунисткой, чортом, дьяволом, только с вами!

Вента хохочет. Продолжительный звонок. Воцаряется тишина. Из двери направо один за другим выходят д е л е г а т ы партий; за каждым идут с е к р е т а р и. Я к о в Я с с а ввозит к а р д и н а л а. Щелкают фотоаппараты. Делегаты партий занимают места за столом, кардинал — рядом с Костой Варра и Марком Пино.

Явление 13

К Христине, фотографируя ее, подходит Рейчел.

Р е й ч е л (*шопотом*). То, что вам нужно, у меня, сударыня.

Х р и с т и н а (*вполголоса*). Будьте здесь после заседания. (*Громко.*) Бог мой, какая грандиозная толпа на площади!

П и н о (*нетерпеливо*). К делу, к делу. Согласительный Совет Народного фронта в полном составе. Внеполитические силы представлены: земледельческий союз — Коста Варра, профсоюзы — Марк Пино, церковь — кардинал Бирнч. Решают делегаты партий.

М а р к. Я протестую! Почему земледельцы и профсоюзы отстраняются от принятия решений?

П и н о. Но тогда мы должны дать право решения и таким силам, как церковь и финансы.

В а с т и с (*важно*). Богу и деньгам, Марк Пино!

К о с т а (*рычит*). Ого, вот как они заговорили! Пятьдесят тысяч буржуев и попов хотят иметь одинаковые права с миллионами, которых представляем мы!

Г а н н а. Потому, что у нас демократия, Варра!

К о с т а. Хо-хо! Демократия!

М а р к. Подождите, Варра, подождите. Мы еще скажем свое слово.

П и н о. Вы слышали, Ганна Лихта? Радуйтесь!

Г а н н а (*кладет руку на плечо Марка*). Да, я радуюсь: он начинает понимать, что есть истинная демократия. Не так ли, Марк?

П и н о (*устало*). Я прекращаю дискуссию, будем следовать установленному принципу.

Г а н н а. Я предлагаю включить микрофоны — пусть на-

род слышит голос делегатов партий, решающих судьбу страны...

Пино (*ворчливо*). Не к чему народу слушать наши препирательства...

Христина. Ничего, кроме смятения, в умы это не внесет.

Коста. Вы просто боитесь народа, лицемеры!

Пино. Большинство за то, чтобы не открывать микрофоны.

Ганна (*с гневом*). Это большинство преходящее, уверяю вас.

Пино. Обсуждается вопрос о налоге на миллионеров.

Ганна. Сейчас мы увидим, Варра, кто желает добра народу. (*Встает.*) Центральный Комитет компартии уполномочил меня заявить вам: мы за обложение миллионеров.

Христина (*презрительно*). Это предвыборный трюк, и только.

Вастис (*в бешенстве, брызгая слюной*). Коммуно-фашистская провокация — вот что это! Многие из сидящих здесь горько пожалеют, если решение будет принято!

Входит слуга.

Явление 14

Слуга. Тысячи извинений, господин президент Совета. Делегация народа требует допустить ее в зал заседания.

Вастис. Гнать! Здесь не митинг!

Коста (*встает, яростно*). Пустить и выслушать, иначе, клянусь, я выйду на площадь и приведу сюда всех!

Пино. Позовите посланников народа.

Слуга открывает дверь. Входят земледельцы во главе с Фимусом. Слуга уходит.

Явление 15

Фимус. Почтенные господа, мы делегаты земледельцев. Их слова передаст вам Стебан Веха.

Кум Стебан. Ах, у меня сегодня так тяжело на сердце... Моя старшая дочь больна... Скажи уж лучше ты, Фимус.

Фимус. Господа! Земледельцы просят избавить их от разорения. Нужна ссуда, господа... (*Прижимает руку к*

сердцу.) Но мы не хотим новых налогов... Мы говорим: пусть заплатят миллионеры. Мы говорим вам еще: в нашей стране двадцать тысяч помещиков. Мы просим о земельной реформе. Мы просим земли для тех, у кого ее нет.

Коста. Так, Фимус!

Фимус (*сердечно*). Чтобы не расстраивать вас, я не стану повторять все, что болтают на площади. Но там страшное говорят, господа... Там грозят народным восстанием.

Пино. Идите, друзья, мы решим в духе закона и высших идеалов демократии.

Делегаты уходят.

(*Потупив глаза, потому что Ганна следит сейчас только за ним.*) Конфискационный характер этой меры мне совершенно ясен. Если ее и можно назвать революционной, то демократической — никак. Она в противоречии с основным принципом конституции, перед которой все граждане равны. (*Печально.*) Я не могу голосовать за эту меру.

Марк (*с отчаянием*). Ты расколол партию, отец!

Коста (*разъяренный*). Я вас спрашиваю: для чего создан Народный фронт? Для того, чтобы щадить миллионеров и спекулянтов?

Пино (*угнетенный справедливым гневом народного представителя*). К порядку! Я голосую.

Ганна. Не устраивайте комедий, Пино. Все ясно! Но мы требуем, чтобы были названы имена тех, кто голосовал против обложения миллионеров.

Вастис. Новая провокация.

Пино. Я объявлю об этом после заседания. Обсуждается вопрос о принятии американской помощи.

Входит слуга.

Явление 16

Слуга. Я глубоко огорчен, господин президент Совета, но...

Пино (*хмурясь*). Кто еще там?

Слуга. Делегация рабочих, молодежи и женщин...

Пино. Боже мой! Надеюсь, это последняя? Просите!

Слуга уходит. Входят делегаты, в их числе Магда и Мина.

Явление 17

Пино. Прошу вас, но короче, короче!

Магда (*очень волнуясь*). Господа, рабочие уполномочили меня и моих товарищей. И молодежь поручила мне сказать их слово. И партизаны, которые боролись за независимость. Рабочим грозит безработица, если кто-то будет командовать нашей промышленностью, сказали они. Молодежи грозит безнадежная жизнь... Преследование ждет тех, кто боролся с фашистами, как это мы видим в Греции, во Франции... (*Поборов смущение, говорит легко, воспламеняясь своими словами.*) Кому нужна эта помощь? (*Смотрит на Вастиса.*) Капиталистам и трусам, которые ставят одну свечку богу, а другую сатане. Знайте, мы будем бороться против любого решения, обрекающего страну на рабство! Я все сказала.

Марк (*любовно*). Магда, никто бы не мог сказать лучше тебя!

Магда смущена.

Мина. Почтенные господа, прошу прощения, я послана женщинами, они пришли с детьми из далеких селений. (*Мужу.*) Не ухмыляйся, старый бездельник! (*С огорчением.*) Видит бог, мой муж скорее похож на бабу! Ха! Как он хвастался! Он обещал народу и то и это! Так вот теперь народ послал меня...

Вастис (*вкрадчиво*). Тебя научили, женщина?

Мина (*смело*). Да, научили!

Вастис. Вот видите!

Мина. Меня научили фашисты, Гуго Вастис! Мы не хотим оккупантов, кто бы они ни были!

Ганна. Говори, говори, Мина!

Мина. Клянусь мадонной, я скажу, что говорят там на площади. Народ сказал: пусть знают господа, заседающие во дворце: мы бедны, у нас у самих ничего нет и нам нечем платить налоги американским миллионерам!

Ганна. Браво, Мина!

Первая женщина. ...и мы отдадим голоса на выборах, сказали нам (а они близки — не забывайте!), тем, кто будет против того, чтобы мы расплачивались за эту самую помощь по́том и кровью.

Вторая женщина. Нам грозят атомной бомбой, будь она проклята, а у нас есть дети, да и мы сами хотим жить.

Мина. Они сказали: если на выборах победят те, кто за

народ, а прочие (*грозит пальцем в сторону Вастиса*) затеют что-нибудь, мы дадим им хорошего пинка. Вот и все.

Кардинал (*ласковым, отеческим тоном*). Женщины! Неужели вы за коммунизм, который ползет на нас страшной тучей с востока! Подумайте!

Мина. С востока? Но с востока к нам идет и солнце, вот оно что, монсиньор!

Пино (*очень устало*). Идите на площадь, друзья, скажите: Народный фронт решит справедливо.

Делегаты уходят.

Продолжаем, господа. (*Он совсем ослабел.*)

Вастис. Я скажу. Мы верим: плановое хозяйство — это путь, ведущий к мировому хозяйству и благосостоянию человечества. Надо скорее начать мировое хозяйственное планирование, используя с этой целью все представляющиеся возможности, в том числе и план, предлагаемый нашими заокеанскими друзьями. Конечно, в нем имеются односторонние эгоистические интересы...

Ганна. Слушайте, слушайте!

Вастис. ...впрочем, они не столь опасны. Но я никак не возьму в толк одного: Советы называют американскую помощь Европе экономическим империализмом и объявили ей войну. В то же время они усердно помогают своим западным соседям. Почему же одна помощь — экономический империализм, а другая — нечто идеальное?

Христина (*про себя*). Боже, какой идиот!

Ганна (*гневно*). Я протестую против этого сопоставления. Уолл-стрит навязывает свою помощь потому, что он в страхе перед кризисом и революцией. Советы, помогая нам, приносят в жертву часть собственного благополучия, ничего не требуя взамен. В переговорах с Советами мы всегда равная сторона. В переговорах с Уолл-стритом нас унижают и оскорбляют.

Вастис (*вызывающе*). А мы вообще против всяких там переговоров с Советами!

Христина (*про себя*). Чудовищный идиот!

Ганна. Теперь скажу я. Мы знаем, что Уолл-стрит обещает доллары тем странам, где в правительстве нет коммунистов.

Шум.

(*Возвышает голос.*) Не стройте иллюзий — мы не уступим ни пяди из того, что завоевали!

Еще больший шум и еще громче звучит голос Ганны.

Мы не уйдем из правительства, чтобы предоставить вам удовольствие делать в стране, что пожелает дядя Сэм! (*Подходит к окну.*) Вы слышали, что говорил народ? Он понимает, что когда нападают на коммунистов — лучших защитников народа, то метят в народ.

Христина (*высокомерно*). Не одни вы воевали с немцами!

Ганна (*страстно*). Да, но мы с полным правом можем сказать, что наша партия в борьбе понесла столько жертв (*голос ее дрогнул*), сколько не понесли все ваши партии вместе.

Вента. Вы хотите забыть эти жертвы? Не удастся!

Ганна. Они бились не за то, чтобы мы продали свою честь за доллары! Это знает наш народ. И рядовые члены ваших партий — те, кто сражался с нами рядом против фашистов,— помнят о страданиях и надеждах, которые они разделяли с нами. (*Горько.*) Так что же? Забыть об этих надеждах? Продать за яичный порошок и сигареты нашу свободу, честь, верность Советам? Выдать Уолл-стриту наше хозяйство? Надеть на себя петлю?

Шум.

(*Перекрывая его.*) Нет, не будет этого, не будет!

Вастис (*проникновенно*). Подумайте! Нам дают доллары.

Ганна. Ленин сказал: на каждом их долларе ком грязи... На каждом долларе следы крови!

Христина (*понимая, что сражение здесь проиграно*). Долларовые займы сами по себе еще не означают благосостояния, господин Вастис.

Марк (*встает*). Я уполномочен рабочим классом страны. Рабочие выразили свою волю на съезде профсоюзных комитетов. «Национализация промышленности, банков и наш строй обеспечат нам победу и без помощи Уолл-стрита»,— сказал съезд.

Ганна. Голосовать...

Пино. Кто за то, чтобы отвергнуть предлагаемую нам помощь полностью и безоговорочно?

Ганна и Христина поднимают руки.

Кто за принятие плана Маршалла?

Ганна. Гуго Вастис.

Вастис. Да, Гуго Вастис, будь я проклят! Я человек принципа.

Пино. Я включаю микрофон. (*Включает микрофон.*)

Мужчины и женщины! Совет Народного фронта не пришел к согласию относительно обложения миллионеров чрезвычайным налогом.

Ганна. Имена, имена!

Пино. Делегаты всех партий, кроме коммунистической, голосовали против налога! Делегат социал-демократов... (*перевел дыхание*) воздержался от голосования.

Ганна (*с отвращением*). Трус!

Марк. Пино, группа левых социалистов уходит из партии, продавшейся капиталистам. Мы выступаем единым фронтом с коммунистами. Руку, товарищ Лихта!

Ганна пожимает Марку руку. Коста кладет на их руки свою большую ладонь.

Пино (*игнорируя эту демонстрацию, деревянным голосом*). Совет Народного фронта отверг помощь Америки. За принятие помощи голосовал делегат партии католиков. Делегат партии социал-демократов... (*перевел дыхание*) воздержался от голосования.

Вента (*с места*). Дважды трус!

Ганна. Господа члены Совета! На следующем заседании компартия поставит вопрос о смещении с поста министра общественной безопасности Иоакима Пино. Обвинения, выдвинутые против него компартией, будут предъявлены вам завтра...

Вастис. Могу заранее сказать, что Совет не пойдет на это. Чорта с два, чорта с два!

Пино (*немощно*). Заседание закрыто. Файн, ты свободен, я еду домой.

Все покидают зал, в том числе Баст, Марк, Файн, Коста. К Ганне подходит Христина.

Христина. Ганна, Совет моей партии поручил мне сообщить вам: в наших руках есть факты, уличающие одного из крупнейших политических деятелей нашей страны в подготовке покушения на вас. Он агент иностранного государства, его имя будет сообщено Центральному Комитету компартии и министру общественной безопасности, как только все имеющиеся факты будут подтверждены.

Ганна. Спасибо, Христина. Впрочем, мы бы нашли убийц и без вас...

Христина. Но мы уже нашли их...

Ганна. Что ж, и это неплохо. До свидания, Христина. (*Уходит.*)

Пино собирает бумаги в портфель.

Христина (*жестко*). Да, никто не знал, что вы такой трус, Пино!

Пино (*кричит*). Замолчите вы!

Входит слуга.

Явление 18

Слуга. Его превосходительство сэр Генри Мак-Хилл.

Пино (*озадаченный*). Что ему нужно здесь?

Кардинал (*бормочет*). Верующий человек... Беспокойство по поводу моей болезни... Нейтральное место... Яков, кофе, сигары, коньяк! Мы должны встретить его. Вежливость, дети мои, вежливость!

Все уходят в дверь направо. Ясса приводит в порядок стол. Слуга вносит кофе и уходит. Из двери направо входит кум Стебан.

Явление 19

Ясса. Как вы попали сюда?

Кум Стебан (*торопливо*). Боковым входом... Десять карлов слуге... Умоляю, одну минуту внимания. (*Целует руку монаху.*) Святой отец, моя дочь Анна очень больна. Доктора махнули рукой. А ведь она влезала ко мне когда-то на колени и тявкала, изображая собачку. (*Плачет.*) Умоляю вас... (*целует рукав монашеской рясы*) попросите монсиньора упомянуть ее имя во время мессы. Пожелание здоровья, святой отец...

Ясса (*глубокомысленно*). Хм... Это будет стоить сто карлов.

Кум Стебан. Берите, святой отец. (*Целует его руку.*) Она атеистка, как и все они теперь, но, может быть, господь...

Ясса (*с негодованием*). Ах, атеистка? Это будет стоить еще сто карлов.

Кум Стебан. Спасибо, спасибо, святой отец! (*Целует руку монаху и уходит.*)

Ясса, ухмыляясь, возится с кофейным прибором. Входят Христина, Пино, Мак-Хилл, Вастис, Куртов. Он везет в кресле кардинала. Ясса отходит к окну.

Явление 20

Вастис (*подобострастно*). Прошу вас, сэр Мак-Хилл. Сюда, сюда.

Мак-Хилл (*говорит очень-очень тихо*). Простите меня, господа, но ваш народ — очень шумный народ.

Пино (*с иронией*). Это странно слышать из уст американца.

Мак-Хилл (*печально*). Об американцах много наврано, сэр. Поверьте, мы тихие и очень нежные люди. Мы шумим только тогда, когда делаем бизнес.

Пино. То-есть всегда?

Мак-Хилл (*разводит руками*). Бизнес, увы, занимает бо́льшую часть нашего времени, и нам волей-неволей приходится шуметь. Но это, так сказать, одухотворенный шум, он мелодичен, как плеск волн. А это что такое? (*Жест в окно.*) Чего они кричат? (*Болезненно морщится.*) Я вас спрашиваю, чего они кричат?

Вастис (*презрительно*). Марк Пино, Вента и Коста Варра болтают что-то, а толпа рукоплещет им.

Мак-Хилл. Ради бога, простите меня, но вы, сэр, тоже, я бы сказал, излишне громко говорите.

Вастис (*шокированный*). Что?

Мак-Хилл (*страдальчески*). Огромная просьба, если вас, конечно, не затруднит: говорите тише. Чрезвычайно много жестикуляций и ужимок... Я не привык. Я очень впечатлительный человек, и от шума у меня кружится голова.

Неловкая пауза.

Кардинал. Кофе, коньяк, сэр?

Мак-Хилл. Святой отец, я бы попросил и вас говорить несколько тише... Коньяк? Нет-нет! Я пью только молоко и ем только растительное. Я не признаю убийства животных для еды. Я бы и вам рекомендовал перейти на здоровую растительную пищу. Впрочем, это дело вашей совести. (*Пауза.*) Говорят, вы отказались от нашей помощи?

Пино (*с достоинством*). Мы чрезвычайно благодарны вам, но народ решил, что она не нужна ему.

Мак-Хилл. Это мы оказываем помощь, следовательно, мы лучше вас знаем, нужна она вам или нет.

Пино (*раздраженно*). Мы ее не просим у вас, сэр!

Мак-Хилл. Мы столь великодушны, что оказываем помощь даже тем, кто ее не просит. В конце концов, благополучие человечества для нас важнее всего. Для того чтобы не быть голословным,— кстати сказать, самовлюбленность отвратительна американцам,— я могу привести в пример греков, турок и этих... ну... (*с отвращением*) персов... Они же облагодетельствованы нами... В конце концов, нам не жалко, пусть живут... Я должен открыть вам, господа, ма-

ленькую личную тайну. Я, видите ли, по природе лирик, почти поэт. Греки и турки представляются мне как-то весьма романтически...

Пино (*ехидно*). Быть может, потому что они смуглые и напоминают вам негров?

Мак-Хилл (*с негодованием*). Я попрошу вас, сэр, в моем обществе не произносить неприличных слов. (*Пауза.*) Итак, повторяю, я слышал, что вы отказались от нашей помощи?

Пино (*упрямо*). Такова воля народа, сэр.

Мак-Хилл (*закрыв один глаз*). Простите, не понимаю.

Пино (*сдержанно*). Разве я неясно говорю?

Мак-Хилл. Ваши слова ясны не более, чем мычание теленка. (*Внимательно смотрит на Пино.*) Вы производите на меня неблагоприятное впечатление. Учтите: неблагоприятное. В ваши годы деловой человек обязан понимать, что воля народа не играет никакой роли...

Пино (*трясясь от ярости*). Я не деловой человек, я политический деятель, а политический деятель обязан всем сердцем и всей душой...

Мак-Хилл. Я попрошу вас прервать эту речь. Она обещает быть очень длинной, а у меня нет времени, чтобы выслушать ее до конца. Кроме того, я мог бы произнести ее сам, хотя и не так громко. Я отнюдь не претендую на ораторские таланты, коими так блещете вы, сэр Пино, но разрешите мне — весьма, может быть, косноязычно — сказать вам: ваша глубокоуважаемая страна мешает, вы понимаете? Вы понимаете, кому она мешает?

Пино. Я понимаю, но чорт меня побери...

Мак-Хилл. Вы делаете успехи. Итак, вы понимаете, кому мешает ваша многоуважаемая страна... Вы правы: она мешает осуществлению наших планов в Европе.

Пино (*с негодованием*). Сэр, мы еще не являемся сорок девятым штатом Америки, прошу не забывать этого.

Мак-Хилл (*торжественно*). Быть сорок девятым штатом Америки — это большая честь, ее надо заслужить, сэр.

Пино. Как вы смеете!

Мак-Хилл (*чуть ли не хныча*). Господа, он опять кричит! Боже, сколько экспрессии по пустякам!.. Вы машете руками, бегаете по залу, у меня рябит в глазах и кружится голова. Я уже имел честь сообщить вам, что не переношу этого. Кроме того, помилуйте, это же смешно. Вы все еще воображаете себя политическим деятелем, но пять минут назад вас свергли. Ваша партия... я не хочу сказать о ней ничего дурного, но, обожая вас, она пошла за вашим сыном.

Кроме того, я слышал, коммунисты хотят отобрать у вас портфель министра общественной безопасности. Чорт побери, я впервые аплодирую им... Я удивляюсь, как они могли терпеть вас до сих пор... Но слушайте, мы предлагаем вам бизнес, мы снова возведем вас в ранг вождя... Ваш премьер, насколько мне удалось установить, милый человек, но он не обладает даром бессмертия. Он может и скончаться — в Европе свирепствует грипп... Все в руце божией, не так ли, святой отец?

Кардинал (*хихикая*). Да-да, сын мой!

Пино. Куда я попал? Что здесь происходит?

Мак-Хилл (*громовым голосом, который невозможно было предположить раньше*). Молчать!

Вастис. Ваша любовь к тишине изменила вам, сэр?

Мак-Хилл (*снова — и до конца — очень тихо*). Да, потому что пора перейти к делу. (*С исключительной вежливостью.*) Мы предупреждаем вас: либо вы сломите сопротивление коммунистов и этого стада, или, как вы говорите, народа, либо мы...

Пино. Негодяй, негодяй!

Христина. Пино, послушайте...

Пино (*кричит*). Если вы действительно честные люди, вы выставите его вон сию же секунду! (*В ужасе.*) Он гангстер!

Мак-Хилл. Сэр, вы невежда, вы не даете сказать единого слова уважаемой мэдэм Падера... (*Христине, с обворожительной улыбкой.*) Мэдэм, будь я трижды проклят, если мне не хочется услышать сейчас именно ваш голос. Конечно, с такой внешностью разве следует говорить на эти скучные темы? Я бы предпочел, чтобы мы говорили совсем-совсем о другом и в другом месте... (*Мечтательно.*) Озеро... луна... шелест листьев... (*Вытирает слезу.*) Я юноша сердцем и чувствами, мэдэм... Простите, господа, я несколько отвлекся от делового разговора. Итак, мэдэм, вы хотели сказать...

Христина (*с пафосом*). Да, я хочу сказать! И слова мои будут отнюдь не сентиментальными. Сэр, пришла пора, чтобы были употреблены все средства для свержения этого, с позволения сказать, режима. Мы наперед согласны на ваши условия. Диктуйте их!

Мак-Хилл. Мне кажется, вам надо изменить ваш строй, не дожидаясь выборов. Мы поможем вам. (*Поднимает глаза вверх и молитвенно складывает руки.*) Бог вложил в наши руки атомную бомбу, как я понимаю, для установления мира.

Кардинал (*без обычной ангелоподобной маски*). Бросайте ее, сэр, пока ее нет у Советов!

Мак-Хилл (*покачивая головой*). Ах, разве мы знаем, что есть у Советов и чего нет! Нам казалось в сорок втором году, что у них нет ровно ничего. Но вспомните Сталинград...

Пино. Мерзавцы! Бог мой, какие вы мерзавцы! (*Беспомощно озирается, делает движение к окну, но там, подобный черной птице, стоит Яков Ясса.*)

Христина. Пино, нам нужны вы и ваша партия в качестве приличной декорации. Либо вы будете с нами, либо мы уничтожим и вашу партию и вас. Выбирайте!

Пино. Я уже выбрал. (*Говорит, обращаясь скорее к самому себе.*) Я предавал народ, я разрушал его единство, я изменял социализму... Я долго вихлял по жизни, сбиваясь с дороги, но, клянусь, последние свои дни я не запачкаю предательством!

Мак-Хилл (*трагически*). Боже, какой шумный человек!

Христина. Пино, вы в наших руках: ваш сын сообщил агенту иностранной разведки описание нового танка.

Пино (*едва шевеля губами*). Ложь!

Христина. Мисс!

Из двери направо выходит Рейчел.

Явление 21

Христина. Марк передал вам описание танка?

Рейчел. Да, сударыня. (*Передает ей бумагу.*)

Христина. Вот, Пино. (*Передает бумагу Пино.*)

Пино (*комкая бумагу*). Боже мой, боже мой!

Мак-Хилл. Мисс, я попрошу вас убраться вон!

Рейчел (*делая реверанс*). О'кэй, сэр! (*Уходит.*)

Пино (*потрясая кулаками*). Я потребую смертной казни для сына. Я потребую, чтобы и всех вас повесили, повесили, повесили! (*Шаркая ногами по паркету и хватаясь за предметы, идет к двери направо. Дойдя до нее, останавливается, некоторое время стоит со склоненной головой в раздумье.*)

Все молча смотрят на него.

(*Он поворачивается, прислоняется к стене и едва слышно спрашивает.*) Вы хотели что-то сказать мне, Христина?

Христина. Я хочу вам сказать: подумайте о своей судьбе. Что ожидает вас, если победят коммунисты? Либо тюрьма, либо изгнание.

Пино. Тюрьма? За мои идеалы? За мои дела?

Вастис. Ха-ха!.. Ваши идеалы они считают самыми опасными для народа, а ваши дела — сплошным предательством. Да вы и сами только что сказали...

Пино. Что будет со мной и с моей партией, если я...

Христина. Пост президента вам, достойное место вашей партии — я говорю о ее благоразумной части — в правительстве.

Пино. Я согласен. Не ради поста президента...

Вастис. О, разумеется!

Пино. ...но ради моих идеалов и подавления коммунизма.

Христина. Очень хорошо, Пино. Завтра мы увидимся.

Пино. До свидания! (*Уходит.*)

Мак-Хилл (*внимательно разглядывая ногти*). Мэдэм, не думаете ли вы, что он может вернуться сейчас сюда с парой полицейских?

Христина. Надо знать этих правых социалистов, чтобы...

Мак-Хилл. Простите, но я говорю это, зная их гораздо лучше, чем вы, мэдэм. Минуту назад этот человек хотел предать вас, через минуту он соглашается с вами... Вы точно знаете, что́ он сделает в следующую минуту?

Вастис. Я не верю ему!

Христина. Молчите, Вастис! (*Мрачно.*) Куртов, проводите господина Пино. (*Пристально смотрит на Куртова.*) Успокойте его, успокойте его!

Куртов. Слушаюсь, шеф. (*Уходит.*)

Пауза.

Мак-Хилл. Итак?

Христина. Сэр, нас ведут к цели ваши высокие идеалы. Через месяц все будет готово для вмешательства извне.

Мак-Хилл (*зевает*). О'кэй, господа, я доволен вами. Мэдэм, я надеюсь на скорую встречу с вами. (*Целует руку Христине.*) Ах, вы само блаженство! Гуд бай, господа! (*Уходит.*)

Пауза.

Христина. Выпьем, господин Вастис?

Вастис (*сдерживая дрожь*). Не хочу.

Христина (*насмешливо*). Нервы! Как вы чувствуете себя, монсиньор?

Кардинал (*его тоже бьет нервная лихорадка*). Я думаю, рюмка коньяку подкрепит меня.

Вастис (*прислушивается*). А толпа на площади ликует.

Христина. Пусть ликует! Скоро мы разделаемся и с теми, кто митингует там, и с теми, кто им рукоплещет. (*Злобно.*) Через месяц, через месяц мы покончим со всем этим!

Входит Куртов.

Явление 22

Куртов (*задыхаясь*). Ужасная весть, шеф, колоссальное несчастье! Я не мог предупредить... я не мог догнать его. Господин Пино покончил с собой, бросившись с лестницы...

Кардинал (*снова впадая в нервную лихорадку*). Боже мой!..

Христина (*ледяным тоном*). Позвоните в министерство общественной безопасности, Куртов.

Куртов. Слушаюсь, шеф. (*Уходит и тут же возвращается.*) Только что прислали из министерства телеграмму.

Христина. Дайте и идите.

Куртов. Какое несчастье, какое несчастье! (*Уходит.*)

Христина (*прочитав телеграмму, едва выдавливая слова*). Премьер заключил договор с Советами.

Кардинал (*в ужасе*). Иисус-Мария!

Вастис. Скрыть, а?

Христина (*с омерзением смотрит на них*). Вы ничего не понимаете! Именно от меня народ и должен узнать это. Я включаю микрофон. (*Включает микрофон.*) Мужчины и женщины! Только что пришла телеграмма из Москвы от премьера, извещающая об успешном завершении политических и экономических переговоров с Советами. Советы дают нам хлеб и сырье.

Гул народных масс врывается в зал.

Вастис. Подождите, канальи! Вы завопите по-другому!

Христина. Заключен также долгосрочный договор. В течение пяти лет мы вывезем в Советы на тридцать миллионов карлов нашей продукции.

В зал входят Ганна, Марк и Коста.

Явление 23

Ганна (*резко*). Дайте телеграмму и отойдите от микрофона. (*Уходит на балкон. Оттуда слышен ее голос.*) Братья! Теперь ясно: все кривотолки по адресу Советов — это пре-

ступление против нашего государства. Проискам реакции положен конец! Они не пройдут через наши сердца!

Коста. Мы пошлем письмо премьеру Сталину... не так ли, мастер Марк? Я написал бы Сталину так: «Дорогой наш друг, ужасная беда надвигалась на нас, но вы снова спасли нас. Мы заплатим вам верностью и любовью».

Марк. Пиши, Варра, пиши!

Коста пишет.

Христина (*подходит к Марку*). Мой бедный мальчик... Ваш отец, доведенный до отчаяния расколом партии и коммунистической травлей, покончил с собой десять минут назад. Он обвиняет в своей смерти вас и Венту...

Марк (*прислоняется к стене, чтобы не упасть*). Меня?!

Христина. Спокойно, Марк... Его предсмертное письмо у меня. Жалея вас, я скрою его...

Коста выходит на балкон. Слышен его голос. Потом народ на площади начинает петь Гимн Советского Союза.

Будьте благоразумны, мой мальчик, будьте благоразумны, и все забудется.

Народ поет Гимн Советского Союза.

Вастис (*кардиналу*). Это уж не революция ли, монсиньор?

Кардинал. Это лишь начало ее. Мы должны в зародыше задушить ее.

Вастис. Через месяц, через месяц!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабинет Христины Падера. Окна выходят на городскую площадь, залитую весенним солнцем. С площади доносятся музыка и пение. В кабинете — Христина. Она работает. Входит Куртов. Он с поклоном пропускает мимо себя Мак-Хилла и удаляется.

Явление 1

Христина. Здравствуйте, сэр! Вы неважно выглядите.

Мак-Хилл. Ах, мэдэм, не скрою, я переживаю большую душевную драму.

Христина. Что случилось?

Мак-Хилл. Я молод, мне всего пятьдесят семь лет, у меня очень нежное и влюбчивое сердце...

Христина. Мне очень грустно, сэр, но уже несколько раз я говорила вам, что люблю другого. Вы не обращали внимания на мои слова.

Мак-Хилл. И правильно делал, мэдэм. Неужели вы думаете, что я буду интересоваться, кого вы любите и как любите?

Христина. Но это прежде всего означает, что я не люблю вас, сэр.

Мак-Хилл. Это меня тоже не интересует. Я — Мак-Хилл. Понятно, мэдэм? Мак-Хилл!

Христина (*еще не зная, как ей вести себя с ним*). Честно говоря, не совсем.

Мак-Хилл. Женщины, которая в конце концов не полюбила бы Мак-Хилла, нет и быть не может. А, все это пустяки: любит — не любит... Нет, мэдэм, мои переживания, увы, более серьезные и более глубокие.

Христина (*насмешливо, не понимая, к чему все это*). Каковы же они, если это не секрет, сэр?

Мак-Хилл. Вы нужны здесь в качестве вождя и руко-

водителя этой непомерно шумной страны, а сердце мое тянется к вам. (*Вытер слезу.*) Года три назад при подобной ситуации я влюбился в женщину, такую же, как вы... И тогда и сейчас мне пришлось решать все один и тот же проклятый вопрос!

Христина. И вы решаете его, конечно, в пользу бизнеса?

Мак-Хилл. Вы напрасно иронизируете, мэдэм. Очевидно, вы холодный человек и не знаете, что такое настоящая любовь. Но что делать... Итак, мэдэм, я слушаю вас... Я заранее прошу извинения: я буду грустен, но пусть моя печаль не смущает вас.

Христина. Весь этот месяц после... гм... смерти Пино мы живем во власти кошмаров. С вашего согласия мы выдали Гуго Вастиса, представив доказательства его участия в покушении на Ганну Лихта. Я думала, что этой жертвой отведу удар от главного дела, но Макс Вента, назначенный министром общественной безопасности, рыщет, как волк, и находит добычу то там, то здесь. Главный рычаг — ставка на голод — выбит из наших рук. И вы слишком нетерпеливы, сэр. Ваша политика в Германии вызывает в народе ужасное возмущение... Вы сами портите свою игру.

Мак-Хилл. Мэдэм, нам срочно нужны рынки, а коммунизм наступает, наступает, несмотря ни на что! (*Глухо.*) Признаться, мы в странном положении. Мы вслух говорим о войне, а Советы молчат. Мы шлем в Иран, в Грецию, в Турцию оружие, а Сталин отменяет карточки в своей стране. Мы призываем народ к всеобщей повинности, а он демобилизует армию. Мы утверждаем план Маршалла, а он часами обсуждает вопрос о премиях для литературы... Подумайте, мэдэм! Непостижимое леденящее хладнокровие! Можно сойти с ума, мэдэм! Его невозможно вывести из себя, вы понимаете? Мы делаем еще одну ставку — мы хотим повернуть вашу уважаемую страну против коммунизма... Быть может, это положит предел спокойствию русских? Не знаю, не знаю... Все очень непонятно, а все непонятное очень страшно, мэдэм! Мы не можем медлить...

Христина. В сущности, у меня все готово. Выборы в парламент совпали с праздником святой Анны... Вы слышите пение и музыку? Народ веселится, не подозревая, как мне кажется, ничего.

Мак-Хилл. Да-да, он шумит...

Христина. Через два часа должны начаться выборы, но я надеюсь, что их не будет. Сэр, что сделано для вмешательства извне?

М а к - Х и л л. Позавчера я был в Риме. Святейший папа шлет благословение вам, моя радость, и вашему делу.

Х р и с т и н а (*с иронией*). О, это такая большая помощь!

М а к - Х и л л. Попам дана инструкция поддержать вас.

Х р и с т и н а (*в отчаянии*). Не словесная нам нужна помощь!

М а к - Х и л л. Отряды сепаратистов на Юге и отряды немцев на Западе ждут вашего сигнала. (*Сердито.*) Что вам нужно еще?

Х р и с т и н а. Своих солдат вы не хотите давать нам, сэр? (*Ядовито.*) Загрести жар чужими руками, как всегда, не так ли?.. Немцы! Ха! Вот тут-то и могут начаться всякие неожиданности...

М а к - Х и л л (*тоном учителя*). Для нас так называемые фашисты полезнее всяких там... демократов, мэдэм. Мы намереваемся установить новый порядок в Европе не на один день, а для этого нужны близкие нам по убеждению кадры. Кроме того, смешение вашего народа с немцами даст миру еще одну полноценную расу. Вашей шумной стране придется примириться с этим фактом. (*Помолчав.*) У вас скверное настроение... в чем дело? Осталось всего два часа.

Х р и с т и н а. Нет ничего более страшного, чем эти часы.

М а к - Х и л л (*смеется*). Ах, у вас просто мало практики в таких делах. А я свергал столько правительств, что меня уже ничто не волнует. (*Зевает.*) Я слышу скрип экипажа, именуемого историей, он поворачивает куда-то.

Х р и с т и н а (*с сомнением*). Чорт его знает, куда он повернет!

М а к - Х и л л (*жестко*). Мэдэм, не кажется ли вам, что мы не для того отделались от Вастиса с его настроениями и доверили руководство делом вам, чтобы вы повторяли Вастиса? Простите, я не хочу вмешиваться в дела вашей уважаемой страны, но я бы хотел знать ваши планы.

Х р и с т и н а. В половине пятого мы захватим радиостанцию, сообщим о путче, затеянном коммунистами, чтобы сорвать выборы, и объявим о передаче власти директории. Командующий войсками юго-западной зоны — наш человек, он откроет границу. Марк Пино назначен командиром танкового корпуса и идет на охрану западных границ. Но он тоже будет нашим.

М а к - Х и л л (*разваливается в кресле*). О'кэй, о'кэй, мэдэм!

Х р и с т и н а (*тревога гложет ее*). А вдруг неудача, сэр, вдруг народ пойдет за коммунистами?

М а к - Х и л л. Ах, мэдэм, все так просто! Великие держа-

вы выступят с демаршем о коммунистическом перевороте у вас, стукнут кулаком по столу. Быть может, тут-то Сталин выйдет наконец из себя и тоже ударит кулаком по столу. Ну, а если нет... Что ж, останется еще одна причина для похода против коммунизма с большей яростью. Мы можем выиграть и в том и в другом случае.

Христина. Выиграть, положив наши головы на плаху?

Мак-Хилл. Ах, я, признаться, и не подумал о ваших головах. Берегите себя, мэдэм, умоляю вас... Мужество, мужество! Ваша страна и все мы будем счастливы видеть диктатором такую прелестную леди! (*Целует руку Христине.*) Я буду ждать конца этой комедии у себя. Берегите себя, умоляю вас! Какая женщина, какая женщина! (*Уходит.*)

Христина нажимает кнопку звонка. Входит Куртов.

Явление 2

Христина. Списки?

Куртов. Готовы, шеф. Здесь — подлежащие расстрелу, здесь — заключению.

Христина (*читает*). «Ганна Лихта, премьер, Макс Вента, Коста Варра, Марк Пино...» Нет, с этим вы поспешили. «Президент...» Вы сошли с ума! Расстрелять президента?!

Куртов (*почтительно, с едва заметной усмешкой*). Самый верный покойник тот, шеф, у которого отрублена голова.

Христина. Нет, эта голова будет нужна нам. Я не вижу среди тех, кто должен быть расстрелян, Гуго Вастиса. (*С угрозой.*) Вы так нежно любите его?

Куртов. Он может быть полезен вам, шеф.

Христина. Он слишком много знает.

Куртов (*с ледяной вежливостью*). Вы знаете больше, шеф. Сказано в священном писании: «Приумножая знания, приумножаешь скорбь».

Христина (*злобно*). Слушайте, вы! Может быть, вам хочется и меня в этот список?

Куртов (*изображая негодование*). Шеф, как вы можете думать так! Вы для меня живое олицетворение покойного фюрера.

Христина. Молчать, Гейнц! Оставьте список у меня. Люди к радиостанции высланы?

Куртов. Они заняли позиции и ждут сигнала, шеф.

Христина. В пять часов включите мой микрофон.

Куртов. Слушаюсь, шеф.

Входит кардинал Бирнч.

Явление 3

Христина и Куртов целуют руку кардиналу.

Кардинал. Иисус и мадонна с вами в этот великий день. Не уходите, сын мой, вы будете нужны. Христина, Законодательный совет Юга объявил, что он порывает с Центральным правительством республики.

Христина. Идиоты! Не могли подождать два часа!

Кардинал. Когда плотина прорвана, бешеный поток не может быть остановлен... Меня вызвал премьер. Он рвет и мечет. Я обещал обуздать Законодательный совет. Макс Вента назначен чрезвычайным комиссаром Юга республики. Декретом президента он облечен неограниченными полномочиями.

Христина. За этот декрет президент поплатится головой.

Куртов. Как видите, шеф, я был предусмотрителен.

Кардинал. Пора дать сигнал отрядам сепаратистов Юга начать военные действия.

Христина (*в бешенстве*). Чорт побери, кардинал, вы слишком нетерпеливы!

Кардинал (*кротко*). Но я хочу скорее увидеть торжество дела, Христина.

Христина. Вы рискуете увидеть свою виселицу... Ох, боже мой! Дайте сигнал южанам, Гейнц!

Кардинал. Одну минутку... Пути господни неисповедимы; кто знает, что грядет! Готов ли самолет для нас?

Куртов (*с вежливостью, за которой скрывается презрение*). У тридцатого километра, недалеко от фермы Косты Варра, у реки. Пароль для пилота — «Юг и запад».

Кардинал (*повеселев*). Спасибо, сын мой.

Христина кусает губы, слушая разговор. Кардинал в эту минуту ненавистен ей. Куртов уходит и тут же возвращается.

Куртов. Мисс Рейчел, шеф.

Христина. Просите.

Куртов уходит.

(*Подавляя гадливость.*) Монсиньор, вы полетите на Юг — самолет уходит через час. Вы заварили там эту кашу, вы и расхлебывайте ее. Не щадите никого, монсиньор.

Кардинал. Прощайте, Христина. (*Целует Христину.*)

Входит Кира Рейчел.

Явление 4

Рейчел. Ба! Что я вижу!

Христина (*холодно*). Мисс, умерьте свое остроумие!

Кардинал. До свидания, дитя!

Рейчел. Гуд бай, монсиньор! Я приеду к вам в южное государство для изучения фольклора.

Кардинал (*сладко*). Вы будете моей желанной гостьей, мисс, где бы я ни был. Иисус и мадонна с вами, дети мои. (*Уходит.*)

Христина. Мисс, нами найден протокол Коминформбюро о заговоре коммунистов с участием Москвы. В качестве будущего главы государства я даю распоряжение о ликвидации коммунистической и социал-демократической партии. Вот этот декрет. Вот решение директории о разрыве отношений с Советами и о присоединении к западному блоку. Как только будет захвачен телеграф, вы передадите эти документы всем-всем...

Рейчел. О'кэй, миледи! Что получу я за помощь вам?

Христина (*двусмысленно*). Вы получите то, что заслужили.

Рейчел. О'кэй, сударыня! (*Уходит.*)

Христина (*читает список*). Восемьсот сорок пятой будет Рейчел, восемьсот сорок шестым Куртов. (*Усмехается.*) Ибо, приумножая знания, приумножаешь скорбь.

Входит Марк Пино. Он в военной форме.

Явление 5

Христина. Бог мой, что за маскарад!

Марк. Я мобилизован правительством и назначен командиром танкового корпуса. Господин премьер-министр направил меня к Ганне Лихта. Я должен ехать к ней... Зачем вы вызвали меня? Мне некогда.

Христина. Вот что, Марк. Мы не опубликовали предсмертное письмо Иоакима Пино. Мы спасли вас от многих иных неприятностей, скрыв факт передачи вами схемы нового танка Кире Рейчел. Я надеялась на ваше благоразумие. Вы стали вождем левых социалистов, ваша группа сильна, и она, естественно, беспокоит мою партию. Я много раз предлагала вам вместе с нами воспрепятствовать победе коммунистов. Вы знаете, к чему приведет их победа нашу страну: это прыжок в неизвестность.

Марк (*твердо*). Нет, это значит, что страна станет на путь народной демократии. Этого хочет народ, это сознатель-

ное движение народа, а я и моя группа поддерживаем это движение.

Христина (*усмехнувшись*). Вы слишком верите в свою популярность. В сознании народа Иоаким Пино не опорочен ничем. Опубликуй мы письмо о причинах его самоубийства, мы докажем, что он погиб, доведенный до отчаяния расколом, и что прямой виновник его смерти — вы. От вашей популярности не останется и следа. Совет партии поручил мне сообщить вам: мы сегодня же опубликуем письмо Иоакима Пино...

Марк (*с трудом сдерживая себя*). Так... Чем я должен заплатить за ваше молчание?

Христина. Вы объявите о разрыве с коммунистами, вы уйдете со своей группой из профсоюзов... И, главное, откажетесь от командования корпусом.

Марк. Почему?

Христина. Я боюсь, что в стране начнутся беспорядки. Зачем подставлять голову под топор? Она так красива и так молода.

Марк (*с злобной иронией*). Спасибо за заботу о моей голове, госпожа Падера.

Христина (*тоном доброй старой няни*). Я носила вас на руках, Марк, мне жаль вас.

Длительное молчание.

Марк. Вы, вероятно, полагаете, что я приперт к стене? Вы глубоко ошибаетесь. Дело, видите ли, вот в чем: есть люди, для которых политическая деятельность — вопрос карьеры. Такие, прижми вы их к стене, пошли бы на любое предательство, лишь бы спасти голову. Но есть политические деятели, для которых самое важное — идея. Им голова не так дорога, они всегда на самом переднем крае и всегда рискуют ею...

Христина (*перебивая*). Мне некогда слушать вашу лекцию!

Марк. Я не пойду на раскол профсоюзов, я не откажусь от единства с коммунистами. И я буду командовать корпусом, чтобы стрелять в заговорщиков, не жалея их голов.

Христина. Прежде всего полетит твоя голова.

Марк. Посмотрим!

Христина. Тебе уже не придется смотреть. (*Звонит по телефону.*) Падера. Публикуйте письмо Иоакима Пино. (*Кладет трубку.*)

Входит Куртов.

Явление 6

Куртов (*с тревогой*). Ганна Лихта, шеф.

Христина (*хладнокровно передает Куртову списки*). Вот эти документы. Можете действовать. Просите госпожу Лихта.

Куртов. Слушаюсь, шеф. (*Уходит.*)

Входит Ганна Лихта.

Явление 7

Христина. Здравствуйте, Ганна. Вы так плохо выглядите...

Ганна. Да, я очень устала. Здравствуйте, Христина. Здравствуй, Марк.

Марк (*отдает честь*). По приказанию господина премьер-министра...

Звонок телефона прерывает Марка.

Христина (*берет трубку*). Да, она здесь, господин премьер-министр... Вас, Ганна.

Ганна (*у телефона*). Да, товарищ Миха... Слушаю... Ах, даже так? Ну, негодяй!.. Хорошо... Да, он здесь... Да, я распоряжусь, товарищ Миха. (*Кладет трубку.*) Марк Пино, декретом правительства я назначена особоуполномоченным по водворению порядка в стране. Командующий юго-западной зоны — изменник, он готовил путч, он намеревался открыть границу фашистским отрядам. Все вооруженные силы переданы в мое подчинение. Вы немедленно направитесь на западную границу с корпусом народной моторизованной милиции и с вашими танками. Исполняйте приказ.

Марк. Слушаюсь! Простите, я хотел бы... (*Смущается.*) Магда...

Ганна. Иди, дорогой, выполни свой долг перед родиной. Я скажу все Магде, иди!

Марк. Слушаюсь! (*Отдает честь и уходит.*)

Христина (*призывая на помощь все самообладание*). Я не верю своим ушам!

Ганна. Ах, все это так обычно, Христина. Я не помешала вам?

Христина. Нет, я занимаюсь повседневными делами. Да, забот и у меня полно.

Ганна. А я с удовольствием прошлась по улицам. Везде так шумно, народ веселится и спокойно ждет часа выборов.

Х р и с т и н а (*думая о своем*). Да, выборы ответят на много вопросов.

Г а н н а. Они ответят на главный вопрос — за кого народ. (*Помолчав.*) Знаете, Христина, гибель Пино до сих пор не дает мне покоя...

Х р и с т и н а (*с деланой грустью*). Лучше не вспоминать об этом...

Г а н н а. Да, я понимаю. (*Пристально смотрит на Христину.*) Странно, что он не оставил письма...

Х р и с т и н а (*предчувствуя близость развязки, идет на все*). Он оставил письмо.

Г а н н а. Вот как! Где же оно?

Х р и с т и н а. Оно у нас. Иоаким Пино пишет в нем, что виновник его смерти — Марк, расколовший партию, а Пино не мог пережить раскола. Вторым виновником он называет Макса Венту, травившего его. Письмо сейчас появится на улицах.

Г а н н а (*гневно*). Долго вы берегли его!

Х р и с т и н а. В политической борьбе, Ганна, все дозволено. Особенно в предвыборной борьбе.

Г а н н а. Даже пускать в оборот тени мертвых?

Х р и с т и н а. Почему бы и нет?

Г а н н а. Вы хотите ошельмовать Марка и Венту, но мертвые — плохие свидетели. Тем более убитые мертвые.

Х р и с т и н а (*с безоблачной улыбкой*). Полно шутить, Ганна!

Г а н н а. Нет, я не шучу. Иоаким был убит, вот оно как.

Х р и с т и н а (*беспечно*). Кто может доказать это?

Г а н н а. Наука доказала это, а улики подтвердили. Убийцы всегда оставляют улики, так уж повелось у них.

Х р и с т и н а. Вы сообщаете мне новости.

Г а н н а (*едко*). Полно, Христина, так ли это?

Х р и с т и н а. Вы что? Уж не подозреваете ли вы меня?

Г а н н а (*качая головой*). Вы торопитесь... Как вы всегда торопитесь, Христина... (*Помолчав.*) Да... Вот мы часто вспоминаем Сталина. А знаете, как он прав, прав всегда и во всем. Люди, ставшие на путь политических преступлений, обычно кончают преступлениями уголовными, сказал как-то он. В деле Пино случилось именно так: бандиты политические стали просто бандитами.

Х р и с т и н а (*пренебрежительно*). Я не понимаю вас.

Г а н н а. Я тоже очень долго не понимала вас.

Входит К у р т о в.

Явление 8

Куртов (*дрожащим голосом*). Министр общественной безопасности господин Макс Вента.

Ганна. Просите, Куртов, просите.

Куртов уходит. Христина застыла в ожидании конца. Входит Вента.

Явление 9

Ганна. Ну что, товарищ Вента? Арестован кардинал?

Вента. Его видели у аэродрома. Приметив военную стражу у ворот, он повернул и поехал за город в неизвестном направлении. Агенты потеряли его след.

Ганна. Каналья! Мисс Рейчел арестована, Вента?

Вента. Да, товарищ Лихта... Ну, я прощаюсь. На Юг, с попутным ветром, как говорится.

Ганна (*обнимает Венту*). Прощай, друг!

Вента. Помните, в подполье в ночной тишине мы сидели у печатного станка и читали стихи...

...Разве не ран наших плавилось пламя,
Когда мы тебя защищали телами?

Ганна.

...Прочь в сторону, кто трусит и вздыхает,
Чья дрогнула от трудностей рука!
Ведь роза и тогда благоухает,
Когда над ней толпятся облака...

Вента.

Над нами солнце, как везде, сияет,
И день горит, как прочим, как иным,
И к мужеству эпоха призывает:
«Где вы, мои свободные сыны?»

Ганна. Хорошо, Вента, хорошо! И дальше:

К нам, к нам явись, бессмертия отвага,
Развей сердец суровую печаль,
Расправь полет приспущенного флага...

Вента.

...Вдунь в сердце бодрость и направь нас вдаль!

(*Помолчав.*) Да, страшные и счастливые были времена! Тогда мы думали, что все едины в нашей борьбе. А что оказалось? Мы дрались и умирали за свободу, а иные уже тогда мечтали, как бы разделаться с нами! Прощай!

Ганна (*растроганная*). Храни тебя бог, Макс! Помни, ты как сын мне.

Вента уходит.

Х р и с т и н а (*едва владея собой*). Значит, вы все-таки добрались до кардинала?

Г а н н а. Мы добрались до главного гнезда заговорщиков. Вы помогли нам, Христина, выдав Гуго Вастиса. Он во всем сознался, в том числе и в устройстве покушения на меня.

Х р и с т и н а (*пренебрежительно*). Жалкий человек, я знала, что он кончит этим... Но, бог мой! Вооруженный путч, банды сепаратистов, нападение фашистов! Просто громовые раскаты!

Г а н н а. Минуту назад вы сказали, что в политической борьбе все пускается в ход, не так ли?

Х р и с т и н а. Да, но призывать немцев...

Г а н н а. Но позвали же вы немца, чтобы убить Пино!

Х р и с т и н а. Вы все о своем!

Г а н н а. Послушайте, когда мы говорили с вами после смерти Пино, вы сказали, что в тот вечер во дворце Народного фронта не было ни Куртова, ни мисс Рейчел, ни Мак-Хилла. Покопайтесь в памяти, так ли это?

Х р и с т и н а. Ганна, я прошу не вспоминать о том вечере.

Г а н н а. Поймите, Христина, моя задача чисто политическая: добраться до главных корней мятежа. Мы, конечно, знаем, что нити всех антидемократических заговоров ведут на Уолл-стрит. Но в данном случае я должна доказать, что политические бандиты с Уолл-стрита — самые обыкновенные уголовные бандиты. Мне нужно во имя мира накрыть с поличным поджигателей войны, вот и все. Помогите мне.

Х р и с т и н а (*бесстрастно*). Я не могу помочь вам.

Г а н н а. Так. (*Помолчав.*) К вашему сведению, Христина: Марк Пино, ухаживая за мисс Рейчел, выполнял приказ контрразведки.

Х р и с т и н а (*подавляя ужас*). Вот как! Остроумно!

Г а н н а. Да-да. И заговорщики, знаете ли, совсем напрасно рассчитывали на него. Он передал мисс Рейчел описание танка, известного всему свету, и на этом поймал ее. Бумажку с данными об этом танке Вента обнаружил в кармане у Пино — убийцы второпях оставили важнейшую улику, Вспомните, Христина: присутствовали при убийстве Пино Мак-Хилл и мисс Рейчел?

Х р и с т и н а (*упрямо*). Пино сам покончил с собой.

Г а н н а. А вы пили коньяк у его трупа?

Х р и с т и н а (*кричит*). Как вы смеете!

Входит к у м С т е б а н.

Явление 10

Христина (*грубо*). Кто вас пустил сюда?

Кум Стебан (*робея*). Меня вызвала госпожа Лихта.

Ганна. Добрый вечер. Вот в чем дело, друг. Помните, на другой день после смерти Иоакима Пино я говорила с вами... Этого человека, Христина, видели выходящим из дворца Народного фронта в тот вечер после заседания Совета... Я спрашивала вас, кого вы видели в зале. Повторите, что вы сказали.

Кум Стебан. Я приметил американскую мисс — она рассматривала картины. Когда я уходил, мне навстречу шли монсиньор кардинал, господин Вастис, вы, госпожа Падера,— не так ли? — несчастный Иоаким Пино и еще американец. Я видел его на празднике в нашей замковой церкви, он стоял рядом с президентом... И еще был тот проклятый монах, который обманул меня, подло обманул... Вместо того чтобы молиться за здоровье моей дочери Анны... она умерла, умерла, добрые люди... он пьянствовал в кабаке на мои деньги и пел непотребные песни... Ах, об этом лучше не говорить! (*Вытирает слезы.*)

Ганна. Мы накажем его за это, добрый человек. До свидания! Не надо плакать — ее все равно не вернуть.

Кум Стебан. Ах, боже мой, боже мой! (*Уходит.*)

Ганна. Ну, Христина, вы попрежнему будете отрицать свое участие в этом деле?

Христина (*кричит*). В каком деле?

Ганна (*спокойно*). В убийстве Иоакима Пино.

Христина. Предъявите улики и сажайте меня.

Ганна (*с недоброй усмешкой*). Садитесь, прошу вас.

Входит Коста, он в национальном костюме.

Явление 11

Коста. Здравствуйте, товарищ Лихта. Здравствуйте, госпожа Падера.

Ганна Бог мой, как вы вырядились, Варра!

Коста. А что? Сегодня праздник, большой праздник. Так меня уговорили, госпожа Лихта! А ну, Христина Падера, освобождайте это кресло. Народный фронт назначил меня министром продовольствия. (*Чешет затылок.*) Хо-хо, не было печали, так вы, черти, накачали. Я умел хозяйствовать на ферме, а уж тут непременно сломаю башку.

Ганна. Ничего, Варра, люди не рождаются министрами.

Коста. Оно так... Ну, ладно, сажусь, была не была! (*Нажимает кнопку звонка.*)

Входит Куртов.

Явление 12

Куртов. Да, шеф.

Христина (*небрежный жест в сторону Варры*). Вот ваш шеф, Куртов.

Куртов. О, я так счастлив...

Коста. Вот что. Вы, господин... как вас там... В министерство пришел комитет действия. Он должен проветрить это гнездо. Вы сдайте кому-нибудь из членов комитета дела и идите вы... (*сдержался*) идите ко всем чертям!

Куртов (*с негодованием*). Что такое, шеф! Какой-то мужлан, хам...

Коста. Идите, идите, пока целы!

Куртов уходит.

Вы... того... продолжайте, а я пока осмотрю свое новое хозяйство. (*Углубляется в бумаги.*)

Ганна. Христина, сознайтесь! Это облегчит вашу участь.

Христина. Ганна, я тоже человек идеи. Я противница коммунизма и боролась с вами, как могла. Вы бы делали то же самое в борьбе с нами.

Ганна. Христина Падера, мы действуем не убийствами, не заговорами, и мы не получаем ни рублей, ни долларов. За нас народ, и мы с ним и впереди него.

Христина (*в неистовстве кричит*). Трижды убейте меня — я ничего не скажу!

Коста. Убей ее один раз, товарищ Лихта, но так, чтобы не воскресла!

Ганна. Спокойно, Коста, спокойно! Так вот, Христина: обвинив Вастиса в покушении на меня, вы хотели направить Венту по ложному следу. Но вы просчитались. За каждым вашим шагом следил народ, потому-то ваш заговор и провалился. Кстати, народ помог нам раскрыть истинную физиономию вашего референта Бартоломея Куртова. Настоящее имя его Фридрих Гейнц. Он фашист, и вы знали, что он участвовал в покушении на меня. Он же убил Иоакима Пино. Весь месяц мы разматывали пружины заговора, и в центре его оказались вы, Христина. Что вы скажете на это?

Христина молчит.

Господин министр, нажмите кнопку звонка.

Коста нажимает звонок. Входит капитан войск общественной безопасности.

Явление 13

Ганна. Капитан, министр общественной безопасности приказал вам арестовать Куртова. Где он?

Капитан. Он арестован. Он успел сжечь какие-то бумаги.

Ганна. Приведите его.

Капитан отдает честь и уходит. Пауза. Капитан вводит Куртова.

Явление 14

Ганна (*капитану*). Останьтесь. Фридрих Гейнц, ты обвиняешься в убийстве Иоакима Пино, в сношении с агентами иностранной разведки, в организации на территории Германии фашистских банд, предназначенных для вторжения в нашу страну, и во многих иных преступлениях.

Коста. Дал бы я ему... Виноват, виноват, все забываю, что я теперь министр и должен выражаться более деликатно.

Ганна. Ты пойман с поличным, Гейнц. Ты будешь говорить?

Куртов. Я скажу одно: напрасно мы не придушили всех вас в годы оккупации во имя торжества фюрера. Хайль!

Коста. Ну, как тут выражаться деликатно!

Мина, Магда, одетые в национальные костюмы, и полицейский ведут кардинала Бирнча и Якова Яссу

Явление 15

Ганна (*шутливо*). Вас-то мы и ждали, монсиньор. Недалеко вы уехали!

Ясса. Где закон? Они подняли руку на главу церкви!

Мина. Молчи, монах!

Магда. Товарищ Лихта, вот уже неделя, как мы следили за долиной у реки. Мы заметили самолет, он был укрыт, но разве укроешь что-нибудь от народа! Час назад кардинал и эта черная птица появились у самолета и хотели лететь, но тут вмешались мы...

Мина. «Почему не с аэродрома?» — спросили мы их. Не так ли, Магда? Ну, они и понесли разную околесицу.

Полицейский. Мы связали пилота, мы привезли их сюда...

Ясса. Вы вечно будете гореть в огне, проклятые!

Мина (*с горячностью*). Они хотели бежать, рубите мне голову, если это не так!

Кардинал (*показывая на Христину*). Она, она соблазнила меня! Дьявол, дьявол!

Христина (*брезгливо*). Боже мой, какое вы ничтожество!

Ганна. Вы выясните ваши отношения на допросе. Уведите их, капитан.

Кардинал. Дьявол с вами в этот день и всегда!

Мина (*молитвенно складывает руки и кротким, богобоязненным тоном, как и подобает истинной христианке*). И с вами, монсиньор.

Капитан и народ уводят Христину, Куртова, кардинала, Яссу.

Ганна (*звонит по телефону*). Лихта. Предъявите Мак-Хиллу требование покинуть страну в двадцать четыре часа. (*Кладет трубку, смотрит на часы.*) Сейчас начнутся выборы.

Мина (*у окна*). Вся площадь в знаменах... Бог мой, какое зрелище!

Магда (*печально*). А Марк не видит этого праздника, не радуется со мной, со всеми нами!

Ганна. Он вернется! Я включаю микрофон, внимание! (*Включает микрофон.*) Братья и сестры! Заговор врагов народа ликвидирован с помощью верных сынов родины. Борьба с реакцией не окончилась. В этой борьбе Народный фронт окреп, и теперь мы едины, как никогда. Правительство коммунистов и честных социалистов поведет страну по пути истинной демократии. Голосуйте за независимость, за верность нашему великому другу — Советам, за союз демократических стран!

Коста открывает окно. Народ на площади поет «Интернационал».

Коста. Это что ж, коммунизм, что ли, товарищ Лихта?

Ганна. Нет, Коста, это еще не коммунизм... Но все дороги ведут к нему, и только к нему... Как маяк в ночи, Советский Союз указывает нам путь к счастью, идеалы Ленина и Сталина освещают этот путь. И пусть, друзья мои, господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они, Коста, весь мир!

ЗАНАВЕС

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

ДРАМА

В 5-ТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Президент республики.

Ганна Ли́хта — заместитель премьер-министра и член Политического Бюро компартии, 48 лет.

Макс Вѐнта — министр общественной безопасности, 39 лет.

Коста Ва̀рра — министр земледелия, 49 лет.

Мина Варра — его жена, председатель правления сельскохозяйственного кооператива, 48 лет.

Шандор Варра — их сын, начальник МТС, 27 лет.

Марк Пи́но — генерал, начальник строительства канала Вира-Куусорта, 33 лет.

Магда Форсгольм — его жена, член бюро комитета партии округа Вира, 25 лет.

Кум Стѐбан — член правления кооператива, 53 лет.

Павлас Милова́р — член правления и агроном кооператива, 48 лет.

Фимус Пшибышевский — секретарь местной организации компартии, 48 лет.

Эмми Глурда — механик МТС, 24 лет.

Отец Петр Мрачек — аббат, настоятель аббатства святой Станиславы, 35 лет.

Зита Шве́рдова — заместитель министра земледелия, 44 лет.

Отто Штрингис — секретарь по сельскому хозяйству комитета партии Юга страны, 45 лет.

Пан Кочек — бывший учитель, пенсионер, 60 лет.

Пан Бочек — бывший механик, пенсионер, 60 лет.

Марта Дорош — начальник финансового управления строительства, 52 лет.

Янек Свидло — кельнер в сельском клубе, 59 лет.

Мичо Кристич — эмигрант из Югославии, агроном, 35 лет.

Артур Лейн — атташе американского посольства, 39 лет.

Симона Глурда — бывшая хозяйка таверны «Золотой Лев», 45 лет.

Берт Жакобо — инженер, 56 лет.

Два агента министерства общественной безопасности.

Рабочие — строители канала, фермеры.

Действие происходит в мае — октябре 1951 года в одной из стран Европы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Терраса народного клуба над долиной реки. На противоположном берегу ее, справа,— лес, прямо — панорама грандиозного строительства гидроузла: плотина, шлюзы, громадное здание гидростанции в лесах с красным флагом на подъемном кране. Широкая линия канала, где различимы всевозможные механизмы, уходит в глубь панорамы. Со строительства то и дело доносятся глухие удары, скрежетание железа, то там, то здесь вспыхивает пламя электросварки. Терраса украшена свежей майской зеленью и цветами. Справа — сход вниз, слева — дверь в главный зал клуба. На стенах — красочные плакаты: «Шесть месяцев осталось до завершения стройки канала Вира-Куусорта», «Построим первенец социализма к годовщине республики!», «Следуем примеру Советов — покоряем силы природы», «К 27 мая 1951 года план выполним на 63 процента!»

В этот предвечерний час в клубе немного людей. Около балюстрады, справа от входа, сидят за разными столиками спинами друг к другу пан Бочек и пан Кочек. Попыхивая трубочками, они читают газеты и пьют пиво. Оба они кругленькие, седенькие, плешивенькие и румяненькие, в старомодных костюмах. Пан Бочек носит седые усы, свирепо смотрящие в небо, а у пана Кочека, напротив, усы длинные, отвислые. Судя по взглядам и жестам, они полны друг к другу неистребимой ненависти. В отдалении от них читает газету, изредка посматривая на безмолвно враждующих стариков, Мичо Кристич, краснолицый мужчина с гривой пышных, рано поседевших волос. Кельнер Янек Свидло, человек тощий, высокий, с узким лицом, возится у стойки.

Явление 1

Бочек (*повелительно*). Янек Свидло, осеннего!

Янек (*сухо*). Слушаюсь, пан Бочек.

Кочек. Мне весеннего, друг Янек.

Янек наливает кружку и ставит ее на стол Бочека, подчеркивая, что для него все клиенты равны.

Б о ч е к (*отхлебнув пива*). Отвратительное пиво, Янек Свидло, не то что во времена (*подчеркнуто*) т о й республики, когда у власти стояли люди, понимавшие толк в нем. Жидкое и горькое пиво! И жизнь горькая. Нет устойчивости, все старое объявлено плохим, но что хорошего в их новом? Все ломается, а что строится?

К о ч е к. Социализм! Социализм!

Б о ч е к (*не слушая, словно это не слова, а пар*). Янек, я снова, как все эти три последних года, повторяю: о н и погубят страну! Если э т о социализм, то что же будет при и х коммунизме?

Я н е к (*с иронией*). Не слишком ли пессимистически вы смотрите на жизнь, пан Бочек? (*Идет к стойке, наливает пиво и несет на стол Кочека.*)

К о ч е к (*пробует пиво*). Отличное пиво, друг Янек, и отличная жизнь. Мы строим счастье. Для кого? Для себя! Это и называется н а ш и м социализмом. Посмотрите на эту картину! Мы соединяем каналом две реки — Виру и Куусорту. Мы выходим к морским просторам! Мы выходим в большой мир! Нам мешают. Кто? Янек, я снова, как все эти три последних года, повторяю: министр общественной безопасности Макс Вента слишком либерален с реакционерами. А они — вы слышали? — хотят вернуть нас к проклятому прошлому. Все ломается? Правильно! К чорту вонючий хлам, отравляющий воздух даже здесь. Мы идем к великой цели, и да здравствует солнце над нами и нашими друзьями!

Я н е к (*одобрительно*). Не слишком ли оптимистически вы смотрите на жизнь, пан Кочек?

К р и с т и ч. Кельнер, осеннего и весеннего.

Я н е к. Слушаюсь. (*Ставит две кружки на стол Кристича.*)

К р и с т и ч. Забавные старики.

Я н е к (*вполголоса*). Пан Бочек — механик, пан Кочек — учитель. Оба пенсионеры. Знают друг друга с пеленок. Двадцать лет дружбы и доброго соседства, пока не вмешалась женщина.

К р и с т и ч. Это началось с Адама.

Я н е к. Ту женщину как раз и звали Евой. На ней женился пан Бочек, но через год она ушла к пану Кочеку.

К р и с т и ч. Мораль: женившись на красотке, держись подальше от холостых приятелей.

Я н е к (*с тяжким вздохом*). Истина, истина, — сам пострадал на этом. Через два года пани Ева умерла, выпив домашнего пива. С тех пор пан Кочек не перестает обвинять пана Бочека в том, что это он отравил Еву, а пан Бочек на

весь белый свет кричит, что пани Ева умерла от побоев и голода. (*Доверительно, с доброй усмешкой.*) Они ссорятся, притворяются врагами, личными и политическими, и не могут жить друг без друга. Когда заболел пан Кочек, пан Бочек сходил с ума. Когда пан Бочек уехал к родственникам, пан Кочек не находил себе места... Но — принцип!.. Эхе-хе!

Раздается перезвон колоколов.

Это окончилась вечерняя служба в аббатстве святой Станиславы.

Пан Бочек осеняет себя крестным знамением, пан Кочек демонстративно надевает котелок. Кристич усмехается, а Янек невозмутим.

Кристич. Отец Петр Мрачек попрежнему настоятель аббатства святой Станиславы?

Янек. Святой жизни человек и патриот. Вы знаете его?

Кристич. Да, но не видел его десять лет.

Янек (*почтительно*). Десять лет! Тяжело они достались отцу Петру. Кардинал Бирнч терпеть его не мог за преданность демократии. Этот мерзавец плохо кончил. Двадцать лет каторги, почтеннейший, двадцать лет!

Кристич (*весело*). Крепко! За что же?

Янек. Три года назад он был одним из лидеров путчистов, которыми руководила Христина Падера. Ее расстреляли.

Кристич. Вот этого я не знал. Ведь я четыре года высидел в концлагере Тито.

Янек. Так вы из Югославии?

Кристич. Чудом спасенный и принятый в объятья вашим народом.

Янек. Гм... Бывает...

Кочек. Долго вы терпите своих предателей. К чертям всех реакционеров!

Бочек (*шипит*). Изверг! Марат!

Кочек. Ну, почтеннейший, как там у вас в Югославии?

Кристич. Да ведь вы сами знаете: хуже и быть не может.

Бочек. Милости просим. Мы любим всех бежавших из любого концлагеря, устроенного любым диктатором.

Кочек (*свирепо*). О, мы любим и диктаторов. Мы готовы лизать пятки янки, которые упрятали в концлагерь Европу и хотят туда же упрятать нас. Ну, нет!

Кристич. Пожалуй, я пройду в аббатство.

Янек (*холодно*). Как угодно, но отец Петр каждую субботу после службы заходит в клуб сыграть партию в шахма-

ты. В этом доме была таверна «Золотой Лев». Мы сделали из нее клуб для строителей канала и окрестных фермеров. Здесь осуществляется великий союз рабочих и крестьян.

Кристич. Ого! Да вы марксист!

Янек. Коммунист!

Кристич. И тем не менее — всего-навсего кельнер?

Янек (*с достоинством*). Сотрудник клуба, ответственный пост.

Со строительства доносится могучий, низкого тона гудок.

Кончилась дневная смена на канале, и кончаются работы на полях. Я должен приготовиться к встрече гостей. Вам ничего не угодно?

Кристич. Спасибо, нет.

Входит Магда Форсгольм. Лицо ее строгое, брови нахмурены, вся она собранная, точно приготовившаяся к бою.

Явление 2

Кочек. Э-э, и Магда Форсгольм сегодня в гостях у нас! Как твой Ханс, девочка?

Магда (*рассеянно*). Спасибо, здоров. Как вы, пан Кочек?

Кочек. Хочу отказаться от пенсии, Магда, и снова — в школу. Стыдно бездельничать, когда все работают с таким энтузиазмом. Буду учить твоего Ханса.

Янек. Что вы, пан Кочек! Ему всего-то два годика.

Кочек. Э-э, Янек, мы стареем, а они, знай, тянутся. Годы бегут, дети растут, взрослые тоже не стоят на месте. Три года назад Магда Форсгольм была совсем девочка — отважная, храбрая, партизан, но девочка. А теперь? Видный партийный функционер, член окружного комитета партии!

Магда (*смутившись*). Полно вам, пан Кочек!

Янек. Нет, Магда, он прав! Ты молодчина, Магда!

Магда. Вы заставляете меня краснеть. Янек, начальник строительства генерал Пино не был в клубе?

Янек. Нет, не заходил.

Магда. Мы условились встретиться здесь.

Кочек. Садись за мой стол, Магда.

Бочек (*не без ехидства*). Магда, я слышал, будто вы чуть ли не разводитесь с Марком Пино?

Кочек (*в сторону пана Бочека, шипит*). Старая сплетница!

Янек (*строго*). Пан Бочек, это их личное дело.

Бочек. Разве? А мне казалось, что и личные дела коммунистов должны служить примером всем нам.

Магда (*сурово*). Марк Пино — не коммунист.

Янек. Но он отколол от отца левую группу социал-демократов и привел ее к народу в дни путча три года назад, вы не забыли об этом? Он отбил нападение фашистов на наши границы в те дни.

Магда. Ну, положим, не он отбил нападение фашистов, а народ.

Кочек. Правильно, Магда.

Янек. Не спорю. Он тогда заработал генеральские лампасы, но разве они мешают ему попрежнему быть преданным народу и социализму?

Магда (*с болью*). Не знаю...

В главном зале клуба слышны звуки настраиваемых музыкальных инструментов.

Янек. Сегодня у нас традиционный субботний концерт. Будут исполняться произведения советских композиторов. Не желаете ли послушать?

Кристич. С удовольствием.

Бочек. Советских композиторов! Хо-хо! Много (*нарочито*) они понимают в музыке!

Кристич уходит в главный зал.

Кочек. Пойдем, Магда, повеселись.

Магда. Я подожду Марка.

Кочек уходит в зал. Вслед за ним, фыркая в усы, уходит Бочек. Янек меняет скатерти на столах. Входит Марк Пино в щеголеватом генеральском мундире. Вид у него надменный, он настроен ко всему иронически.

Явление 3

Янек. Добрый вечер, генерал Пино. Пива?

Марк (*снисходительно*). Добрый вечер, Янек Свидло. Да.

Янек ставит перед Марком кружку пива и удаляется в главный зал, где оркестр исполняет симфонию Шостаковича.

Магда. Марк, завтра утром на заседании бюро окружного комитета партии мы слушаем твой доклад о ходе строительства канала Вира-Куусорта.

Марк (*холодно*). Знаю.

Магда. Я решила поговорить с тобой перед заседанием.

Марк (*сварливо*). Мы могли бы поговорить дома.

Магда. Дома, где ты почти никогда не бываешь?

Марк (*не в силах смотреть в глаза Магде*). Я очень занят.

Магда. Да-да! В самой малой степени — строительством и в большей степени — веселым времяпровождением: вином и картами. Молчи, я все знаю. Знаю всех этих твоих друзей. Инженера Берта Жакобо и прочих, которыми ты окружил себя в управлении. Ты понимаешь, кому ты доверился?

Марк. Ну, знаешь, политические убеждения специалистов, если даже они не совпадают с твоими, не могут служить помехой для использования этих людей.

Магда (*горячо*). Значит, по-твоему, можно примириться с любым реакционером?

Марк (*с досадой*). Ты слишком часто повторяешь это слово. Оставь в покое этих так называемых реакционеров. У страха глаза велики.

Магда (*с возмущением*). Ты повторяешь слова своего отца. Иоаким Пино тоже говорил, что с реакцией можно ладить. Он лез из шкуры, чтобы служить ей, как, впрочем, и любой правый социалист. Когда Иоаким Пино перестал быть нужен реакции, его просто убили.

Марк. А! То было три года назад!

Магда. Да, но и три года спустя мы видим, что́ делают правые социалисты. Знаешь, Марк, иной раз мне кажется, что Иоаким Пино успел посеять в твоем сознании семена своей подлой веры.

Марк (*в бешенстве*). Магда!

Магда (*сдерживая себя*). Слушай, Марк, вспомни, сколько раз я пыталась говорить с тобой, как друг, как жена. Сколько раз объясняла тебе, как нехорошо, что ты возомнил о себе, оторвался от прежних друзей...

Марк. Друзья заняли тепленькие министерские кресла, а меня сунули в эту дыру. Вот цена за то, что я сделал три года назад!

Магда. Ох, Марк...

Марк. Довольно! Мне осточертели эти уроки политической морали.

Магда (*поняв всю безнадежность этого спора*). Хорошо. Давай поговорим о делах. Ты видишь эти плакаты? Через полгода ты должен сдать канал, гидростанцию и ирригационную сеть на территории в триста тысяч гектаров. К сегодняшнему дню план выполнен на шестьдесят три процента... О чем ты думаешь? Почему так медленно идет строи-

тельство? Ты можешь поручиться, что твои специалисты вроде Берта Жакобо не затягивают строительства сознательно?

Марк (*надменно*). Перестань! Я один отвечаю за мои дела. И вот что: я не желаю больше слушать твои выпады против людей, которые отдают все силы строительству социализма.

Магда (*язвительно*). Это Берт-то Жакобо отдает себя социализму?!

Марк (*не слушая*). Ну, хватит, мы не можем договориться, это ясно! Наша жизнь за последний год — сплошь ссоры и истерики. Мы должны признаться, что ошиблись, соединив наши жизни, и сделать вывод.

Магда (*прямо*). То-есть разойтись?

Марк. Да.

Магда (*помолчав*). Ну, нет, развода я тебе не дам, имей это в виду.

Марк. Вот как? Хочешь держать меня на цепи? А где же твое хваленое самолюбие?

Магда. Тут дело не в самолюбии. У нас ребенок, ты не забыл этого? Кроме того, я надеюсь еще, что смогу повлиять на тебя. Без меня ты пропадешь, Марк.

Марк (*насмешливо*). Скажите какая самоуверенность.

Магда. Три года назад нас соединила Ганна Лихта. Она упустила тебя из виду, но я напомню ей о тебе.

Марк. Пожалуйста!

Магда. И знай, теперь я буду говорить с тобой не только как жена и друг, но и как коммунистка, которая не может больше терпеть то, что она видит и слышит.

Марк. Все?

Магда. Все.

Марк. Жалуйся кому угодно и клевещи на меня где угодно. Но знай: моя нога не переступит порога дома, где ты живешь.

Из главного зала выходит Янек.

Явление 4

Янек. Генерал, только что звонили со строительства, ищут вас. На канал приехали члены правительства.

Марк. Спасибо! (*Швыряет на стол деньги.*) Будь здорова, Магда! (*Уходит.*)

Магда роняет голову на стол и плачет.

Я н е к. Магда, бог с тобой, девочка! Выпей воды, успокойся.

М а г д а. Ох, Янек, он пропадет! Я так люблю его, а он...

Я н е к. Полно... Слишком много нервов... Вытри глаза — люди идут... Тсс, я ничего не видел, ничего не слышал.

С поклоном, полным достоинства, Янек встречает М и н у В а р р а. Она немного потолстела, и что-то очень серьезное появилось в выражении ее лица. Рядом с ней — Ш а н д о р В а р р а, высокий, мрачноватый молодой человек, и Э м м и Г л у р д а, милая, застенчивая девушка с прекрасными синими глазами в рабочей синей спецовке. К у м С т е б а н плетется за Ф и м у с о м П ш и б ы ш е в с к и м, который как-то странно надувается, вероятно, от сознания собственного положения. Группу замыкает П а в л а с М и л о в а р, жилистый, веселый человек. Вместе с ними входят р а б о ч и е с канала и ф е р м е р ы, усталые, вспотевшие, оживленные. Все они проходят в главный зал клуба, а компания Мины Варра располагается на террасе.

Явление 5

М и н а (*весело*). Янек, пива за мой счет! Мир и честь всем!

Я н е к. И вам, Мина Варра.

М и н а. Здравствуй, Магда, здравствуй, милая. Да ты, кажется, расстроена чем-то?

М а г д а. Нет-нет, ничего, Мина.

М и н а. Была на строительстве?

М а г д а. Да. Здоров ли Коста?

М и н а. Ах, Магда, с тех пор как Коста Варра стал министром, я вижу его по воскресеньям, да и то храпящим в обе завертки. Муж-министр — это сущее наказание, Магда, сущее наказание.

Э м м и (*робко*). Но вы ведь сами не захотели жить с ним в столице.

М и н а (*упершись руками в бока*). Эмми, ты говоришь бог знает что. Положим, Косту постигла беда и он стал министром. Положим, он хочет, чтобы я жила с ним в столице. А это приволье, где я родилась и выросла? А ферма? А вдруг Коста провинится и народ даст ему по шапке — куда он преклонит свою седую голову? Чему он научился, спрошу я вас? Он умеет быть министром и разучился пахать.

С т е б а н. Правильно, соседка!

М и н а. Нет уж, люди! Пусть каждый делает свое и живет по-своему. Мало видимся? Что ж! Мы с Костой не влюбленные: меньше видимся — меньше ссоримся.

М и л о в а р. И кто бы заменил Мину Варра на посту председателя нашего сельскохозяйственного кооператива, по-

дайся она в столицу? Кто бы так хорошо хозяйствовал у нас?

Мина (*сурово*). Павлас Миловар, я не выношу лести.

Фимус. Это он от души, Мина.

Янек несет пиво. В главном зале музыка прекращается. На террасу выходят Кристич, пан Бочек и пан Кочек.

Явление 6

Кочек. Чудесная музыка!

Бочек (*поджав губы*). Она могла быть и лучше.

Кочек. Мир и честь, Мина Варра.

Мина. Просим к нам, пан Кочек. Решили отдохнуть немного после доброй работы.

Кочек. С удовольствием разделю вашу компанию, соседка. Но прежде позвольте представить вам Мичо Кристича. Друг отца Петра, бежал из концлагеря Тито.

Шандор (*мрачно*). По его физиономии незаметно, что он из концлагеря.

Кристич. Мои волосы — свидетели моих страданий. А мне еще нет и сорока...

Мина. Не обижайтесь на моего парня, почтеннейший. У него неприятности, вот он и злится.

Кристич. А я не в обиде. Такие уж времена: не знаешь, кому верить. А вдруг я не из концлагеря, а прямехонько из УДБ Ранковича?

Магда. Верно. Бывает и так.

Мина. Полно-ка вам! За стол, друзья! Наши виноградники, поля, сады — кладовая обильная! На всех хватит!

Кристич (*с достоинством*). Мне очень понравилась ваша страна, товарищи. Повсюду я вижу большие дела, счастливые лица, свободные речи. Хорошо у вас. А там, у нас... (*Махнул рукой.*)

Фимус. Ты кем же, товарищ, работал у себя?

Кристич. До концлагеря — агрономом.

Магда. Коммунист?

Кристич. Да. Пятнадцать лет.

Магда. Вы, надеюсь, уже побывали во всех организациях, где... Ну, вы понимаете меня.

Кристич. О, не беспокойтесь. Я был везде. Мне обещали дать работу.

Фимус (*важно*). Местная партийная организация замолвит за тебя словечко, товарищ. Нам нужны агрономы, и мы рады помочь каждому бежавшему из титовского ада.

Кристич. Благодарю.

Магда. Вы когда приехали к нам?

Кристич. Три дня назад.

Магда. Перед тем как получить работу, вам надо явиться в партийную организацию Юга страны.

Кристич. Слушаюсь.

Молчание. Все пьют пиво.

Бочек (*ехидно*). Вы упомянули о неприятностях, госпожа министерша. Значит, не так-то все гладко в этом вашем социализме?

Мина (*холодно*). Ничего не может быть гладко в большом деле, пан Бочек. (*Меняя тон.*) Да, Кристич, вот уже третий год мы живем совсем по-другому. Земля, скот, орудия, луга и леса стали нашими. Все так дружно растет и движется вперед. Кругом шум, грохот построек, веселые взгляды, вера в будущее. Наша Вира скоро потечет по новому руслу, и нам не страшны будут засухи.

Кочек. Хорошо ты сказала, Мина!

Стебан. Она за эти три года... ого-го!

Магда (*с жаром*). А что делается на моем старом заводе — я вчера была там. Он так вырос, такой стал светлый, и так много народу — так много, как цветов во дворах цехов. А тракторы, которые там делают, Шандор, а?

Шандор (*важно*). Добрые машины, Магда, добрые.

Стебан. Больше бы нам тракторов, Магда.

Магда. Завод будет давать каждый год тридцать тысяч тракторов. Дело за новой гидростанцией.

Мина. Ничего! Осталось всего пять месяцев до конца строительства.

Магда. Да, но и работы там не мало. Нужна ваша помощь, друзья, нужна помощь всех людей округа Вира.

Стебан. А что! Мы поможем... Поможем, Мина, а?

Миловар. Легко сказать, кум Стебан...

Мина. А я думала вот как: успех строительства — это и наши будущие успехи. Наши поля получат воду, в которой они всегда нуждаются, а наше хозяйство — много электрической энергии. Нет, мы должны помочь!

Миловар. Дело хозяйское, но, как агроном кооператива, скажу напрямик: для помощи строительству у нас нет ни свободных рук, ни скота, ни машин. Конечно, перспектива богатая... Но канал и гидроузел строит государство... Оно богаче нас. Пусть оно и строит.

Магда. А вот в СССР, Павлас, каналы и гидростанции строят и государство и народ. Каждый колхоз посылает людей.

Миловар. Им легко: у них вон сколько народу! А пойди возьми у нас десяток человек. Конец кооперативу!

Шандор. Моя МТС, пожалуй, поможет строителям канала, Магда.

Миловар (*презрительно*). Помог бы сам себе, Шандор. И без того плохо работаешь...

Стебан. Врешь! МТС хорошо помогает нам...

Мина. Истина, Стебан.

Миловар. А эти два последних случая?

Шандор (*спокойно*). Ну, следствие еще не окончено, и мы не знаем, кто виноват.

Миловар. «Следствие»! Ищешь виноватых, а они рядом.

Шандор. Я не понимаю тебя, Павлас.

Миловар. И напрасно. Скажу прямо: я не верю механику МТС Эмми Глурда, хоть она твоя невеста, Шандор. Я не могу верить дочери Симоны Глурда, которая удрала в западную зону Германии, утащив из тюрьмы врага народа Гуго Вастиса. Хоть убейте — не верю.

Эмми (*в ужасе*). Что он говорит?! Что он говорит?!

Миловар. Правду!

Магда. Слушай, Павлас, ты вспомни, кем ты был до революции? Кулаком, служил в полиции протектора.

Миловар. Но-но! В полиции меня заставили служить. А кто первым вошел в кооператив, кто отдал ему лучшую землю, орудия, знания агронома, три мотора из хозяйства?

Стебан. Оставив себе пять.

Миловар (*взорвавшись*). Ты что, Стебан, хочешь вчистую разорить меня? Тебе хочется ликвидировать зажиточных фермеров, как это сделано в Советах?

Стебан (*с угрозой*). Погоди, Павлас, придет и то время.

Шандор. Верно!

Миловар. Компартия осудит вас за эти речи.

Шандор (*презрительно*). Не лезь в дела компартии: они тебя не касаются.

Фимус. Шандор, ты потише. Кооператив пропал бы без Павласа. Он самый хозяйственный у нас...

Стебан (*упрямо*). ...и самую большую часть прибылей загребает он же.

Фимус (*примирительно*). Павлас Миловар искупил свою вину, люди. Ты, Стебан, несознательный человек. Тебе все не так.

Мина. Ладно, не кипятитесь! Что бы там ни было, а наше дело, как тесто — так и прет из квашни. Передай свое-

му мужу, Магда: мы все ждем не дождемся окончания строительства. Мы поможем ему.

М а г д а. Не ему — строительству.

М и н а. Тем более.

Появляется фигура в черном до пят одеянии с капюшоном, откинутым на спину. Это о т е ц П е т р М р а ч е к. Его молодое лицо энергично, глаза смотрят пристально, он худ и бледен.

Явление 7

О т е ц П е т р. Благословенье святой Станиславы всем вам.

М и н а *(почтительно)*. И вам, отец Петр.

К р и с т и ч *(тихо)*. Петр!

О т е ц П е т р. Мичо? Откуда ты?

К р и с т и ч. Из бездны, друг мой.

Я н е к. Говорит, что бежал из концлагеря Тито, святой отец.

О т е ц П е т р. Мичо! *(Обнимает Кристича.)* Десять лет я не видел тебя, ничего не знал о тебе... Ко мне, друг мой, ко мне! Мы будем говорить до рассвета, до утренней молитвы!

К р и с т и ч. Идем, Петр. До свидания, добрые люди.

О т е ц П е т р. Благодарю вас, братья и сестры, за то, что вы раскрыли свои сердца перед моим другом. Идем, Мичо.

К р и с т и ч и о т е ц П е т р уходят.

М и н а *(растроганная, вытирает слезы)*. Это так трогательно, когда друзья находят друг друга.

Я н е к. Гм... Кто знает, что это за человек...

Вдали слышны нарастающие крики: «Ганна Лихта!», «Да здравствует «Совесть народа», и на террасу, окруженная р а б о ч и м и и ф е р м е р а м и, входит Г а н н а Л и х т а. Все, кто был в главном зале клуба, выходят навстречу ей. Народ приветствует Ганну: «Мир и честь Ганне Лихта!»

Ганна Лихта почти не изменилась за эти годы, лишь гуще серебрятся ее волосы, а глаза и улыбка все те же — добрые и мягкие. Рядом с ней — К о с т а В а р р а, такой же балагур, но это лишь внешне; при внимательном взгляде в нем заметна большая перемена: все свидетельствует о многом пережитом и об ответственности, лежащей на его плечах. Кроме этих уже знакомых нам лиц, здесь З и т а Ш в е р д о в а, женщина с приятным лицом, очень серьезная и деловитая, одетая просто, но красиво. Позади всех идут О т т о Ш т р и н г и с, громадный, с бычьей шеей, длинным желтым лицом, с глазами, всегда полузакрытыми, словно они боятся света, и М а р к П и н о.

Явление 8

Ганна (*машет рукой*). Хватит, друзья, хватит!

Шум стихает.

Янек (*почтительно*). Прошу вот за этот стол, товарищ Лихта.

Ганна. Зачем же? Мы посидим с нашими друзьями. Сдвиньте столы, товарищи.

Янек. Ваше слово — закон.

Ганна (*смеясь*). Ну, так уж и закон?

Янек (*сдвигая столы*). Такая честь клубу!

Ганна. Здравствуйте, Мина! Ох, и устали же мои кости! Третью неделю колесим по стране.

Мина. Стало быть, всем обозом?

Ганна. Коста, товарищ Швердова и я... Товарищ Штрингис встречал нас на границе Юга. Сейчас мы были на строительстве канала. Скоро пленум ЦК, будем думать о важных делах. Следуя доброй традиции, решили снова побывать в самой гуще жизни. Садитесь, друзья. Я приехала поговорить с вами о большом деле. Мы заезжали на вашу ферму, Мина, хотели попросить вас, чтобы вы собрали своих людей, но нам сказали, что вы все здесь... Садитесь... Да садитесь же!

Все садятся.

И прошу знакомиться. Товарищ Швердова — заместитель министра земледелия, товарищ Штрингис — секретарь по делам сельского хозяйства комитета партии Юга и уполномоченный комитета на строительстве канала. Это мои друзья, товарищи... Мина Варра — семь лет назад она спасла меня от гестапаков. Магда Форсгольм — мой юный друг, вместе были у партизан. О, и вы, Стебан, здесь? А вы не постарели, нет! Здравствуйте, Фимус! Мина, неужели это твой Шандор? Бог мой, как ты вырос, мальчик!

Мина. Коммунист, начальник МТС. А это невеста Шандора — Эмми Глурда. Это член правления кооператива Миловар...

Ганна. Рада, очень рада видеть вас, друзья! Цветем и здоровеем с каждым часом, а? (*Оглядывается.*) Какой чудесный клуб!

Янек. Бывшая таверна Симоны Глурда «Золотой Лев».

Мина. Где же вы побывали, Ганна?

Ганна. Спросите, где мы не были! В рудниках, на заводах, в сельскохозяйственных кооперативах, на новых строй-

ках... Такое ощущение, друзья, будто все эти недели я держала руку на пульсе страны. Ох, как он гулко и ритмично бьется!

Коста. Да, большие дела заварились.

Миловар. Большое хозяйство — большие хлопоты, товарищ министр.

Коста. Куда там! Слушайте, Ганна, слушайте, люди! Я вспоминаю, что у нас было три года назад, когда мы обломали рога реакции... Ну, думалось, все главное позади, теперь пойдут легкие времена. А что оказалось? Главное-то впереди!

Ганна. Верно, верно, Коста. Но что нас порадовало, Мина, — это вера всех людей в то, что самое главное будет построено. Жить, жить, друзья, — и сколько еще мы с вами всего сделаем! Ох, да я совсем заговорила вас. Зита, нам надо привести себя в порядок: на нас столько пыли!

Эмми. Я тут все знаю... (*Робко.*) Разрешите...

Ганна, Зита и Эмми уходят.

Коста (*подходит к жене, целует ее*). Здравствуй, жена! Почему ты такая надутая? Уж не покусали ли тебя пчелы?

Мина (*ворчливо*). Где ты пропадал, Коста?

Коста. Ах, Мина, все эти недели я был чертовски серьезным. Сегодня я отдыхаю. Янек, пива! Я хочу промыть от дорожной пыли свои внутренности, начиная с глотки и кончая пятками. Эй, сынок, а ты почему такой свирепый?

Шандор (*угрюмо*). У меня неприятности, и мы тут спорили.

Штрингис (*недовольно*). Споры, дебаты! Все это хорошо после хорошей работы.

Шандор. Мы хорошо поработали, товарищ Штрингис.

Миловар (*выскакивая вперед*). Да-да, очень хорошо. За неделю — двух тракторов как не бывало.

Штрингис. То-есть как так?

Шандор (*мрачно*). Из строя выведены два трактора. Это случилось в ночь на прошлую субботу и ночью в среду.

Миловар (*угодливо*). Как раз в эти ночи дежурным по МТС была механик станции Эмми Глурда, товарищ Штрингис. Дочь той самой Симоны Глурда, товарищ Штрингис. Она, видите ли, невеста Шандора, он ее и покрывает. Вместо того чтобы не смыкая глаз беречь тракторы, Эмми и Шандор целовались ночи напролет.

Мина (*взорвавшись*). Уж не хочешь ли ты сказать, Павлас, что Эмми нарочно уходила с дежурства, чтобы дать возможность врагам испортить тракторы? Уж не намекаешь

ли ты на то, что мой Шандор... (*задохнувшись от ярости*) что он потворствует врагам?

Миловар. А ты можешь поручиться, что Эмми не нарочно оставляла дежурство?

Шандор (*с ненавистью*). Замолчи, Павлас! Ты лжешь!

Миловар (*плаксиво*). Слышали, товарищ Штрингис? Мы работаем до кровавого пота, а они...

Коста. Чорт побери, что-то я никогда не замечал кровавого пота на твоей физиономии, Павлас!

Миловар. Тут не до шуток, товарищ министр...

Коста. Я знаю, Павлас, что с тобой шутки плохи. (*Угрожающе.*) Но и с нами не шути!

Шандор. Следствие еще не окончено, товарищ Штрингис...

Коста (*мрачно*). Вражьи дети... Это их работа!

Марк (*морщится*). Э, Коста, легче всего прикрывать свое неумение работать происками мифических врагов.

Коста. Постой-ка! От кого это я слышал нечто подобное?

Магда. Как от кого? Разве ты забыл, Коста? Ведь так говорил его отец — Иоаким Пино, предатель, правый социалист.

Коста. Верно. Помнится, то же самое, бывало, кричала Христина Падера.

Магда. Вот кого ты начал повторять, Марк!

Марк. Перестань!

Кочек. Да, товарищ Штрингис, врагов у нас еще полно. И мы, простите за откровенность, просто в толк не возьмем, почему вы либеральничаете с ними?

Входят Ганна, Зита и Эмми.

Явление 9

Ганна (*она слышала слова Кочека*). Эге, Штрингис, они, кажется, взялись за вас? Правильно!

Миловар. И то, пора взяться за этих крыс, товарищ Лихта...

Коста (*холодно*). У русских есть поговорка: «На воре шапка горит».

Миловар (*ерзая на стуле*). Что вы хотите этим сказать?

Коста. То, что сказал.

Штрингис. Н-да. Что ж, Шандор, придется подумать, что делать с тобой и с Эмми Глурда. Просто не знаю, смо-

жете ли вы до конца следствия оставаться в МТС. Впрочем, пусть скажет народ и члены партии.

Фимус (*подобострастно*). Местная партийная организация, товарищ Штрингис, не может прощать такие вещи. Она не потерпит Шандора Варра в своих рядах и в МТС.

Мина. Да ты что, с ума сошел, Фимус?

Фимус. Суровые времена, соседка.

Штрингис. Впрочем, Шандор, твой отец — министр. Может быть, он смотрит по-другому...

Коста. Ну, нет! Я в делах родни не признаю. Сынок, если тебя бьют за дело, не жди пощады и от меня. Если ты не виноват, никто не посмеет убрать тебя из МТС.

Шандор. Но ведь не я испортил тракторы! Не я и не Эмми.

Мина (*всполошившись*). Слушайте, да почему же такая горячка? Ведь люди перед вами! Да как же так?

Штрингис. Мина Варра, твои товарищи понимают, какие теперь суровые времена, а ты не понимаешь. Стыдно!

Ганна. Ладно, успокойтесь! Не время и не место разбираться в этом деле. Товарищ Швердова, прошу вас, займитесь МТС Шандора Варра. Дело как будто небольшое и чисто местное, но иной раз, знаете, маленький факт проливает свет на крупные вещи.

Швердова. Хорошо, товарищ Лихта, вы правы. Тут случай типический. Больно уж у нас много всяких непорядков в МТС. Во вторник прошу руководителей МТС и правление кооператива ко мне в министерство.

Ганна. Ну вот и хорошо. А перед тем посоветуйтесь друг с другом. Ну, Мина, что в кооперативе? Ведь не одними бедами мы живем, а? Можем и мы кое-чем похвастаться перед белым светом. А? Можем, да, право, можем! Четыре тысячи кооперативов — это хорошо, а? А если это в два раза больше прошлогоднего — что вы скажете?

Все аплодируют Ганне.

Сколько в прошлом году на полях работало тракторов?

Швердова. Девятнадцать тысяч триста.

Ганна. В этом — уже тридцать три, а в будущем году — шестьдесят две тысячи. А пройдут годы — и, как в Советах, машина заменит ваш труд.

Стебан. Товарищи! Мы будем жить, как живут люди Советов! И я, старый Стебан, увижу социализм! Ганна, я постараюсь дожить до того дня.

Ганна (*горячо*). Доживешь, Стебан, доживешь! Ну так что же, Мина, в кооперативе?

Мина. Все хорошо, кроме этих несчастий. Еще шестьдесят фермеров пришли к нам... Мы окончили посев, свели скот на один двор и дадим много хлеба. Все довольны, Ганна.

Стебан. Ну, не все.

Марк (*брюзгливо*). Крестьянин вечно чем-нибудь недоволен, это уж так повелось...

Стебан (*твердо*). Крестьянин всегда доволен, когда видит справедливость, генерал Пино.

Коста. Развязывай, развязывай язык, кум Стебан!

Стебан. Куда мне! Да и долгий это сказ.

Миловар. Я скажу за него. Ему и Шандору хочется немедленно придушить всех зажиточных фермеров, которых они называют кулаками.

Ганна (*строго*). Шандор, партия не выдвигала этого лозунга. Ограничить кулаков — да. Выкупить у них лишнюю землю, скот, орудия — да. Ликвидировать? Нет. Пока нет!

Шандор. Товарищ Лихта, я это очень хорошо понимаю. Но понимаю и Миловара. Он сказал о кулаках только для того, чтобы узнать, откуда дует ветер и каков он.

Стебан. Верно, Шандор. Ветерок этот крепчает, и мы знаем, что справедливость восторжествует, раз с нами наша компартия и наша Ганна...

Ганна (*растроганная*). Всегда и до конца, Стебан. Ну, товарищи, а теперь я хочу поговорить с вами...

Швердова. Внимание! Дело очень важное.

Коста. Охо-хо, нам их не занимать стать.

Ганна. Речь о канале. Скажу прямо — у нас ведь от народа секретов не водится, — строительство ведется из рук вон плохо.

Марк (*пожимая плечами*). Трудности, товарищ Лихта. Я уже докладывал. Нехватка людей, механизмов...

Ганна. А вы пробовали позвать людей? Нет! В том-то и дело. Вот пусть скажет народ: сможем мы кончить строительство в срок, если и дальше все пойдет так же, как мы видели?

Голоса. Нет, нет!

Ганна. Вот вам, Пино, ответ тех, кто строит гидроузел, и тех, кто так ждет окончания строительства. Шестьдесят три процента на сегодня. Как назвать такие темпы?

Магда. Мы уже говорили с начальником строительства на заседании окружного комитета партии и будем говорить завтра. Он утверждает, что сроки окончания гидроузла установлены людьми, сошедшими с ума. Он ссылается на мнения

своих специалистов, в биографии которых я бы хорошенько разобралась.

Штрингис. Так и разберитесь! Кто вам мешает?

Магда. И разберемся.

Марк (*высокомерно*). Мы с товарищем Штрингисом делаем все, что в наших силах.

Штрингис. Положим, не все, но...

Ганна. Именно, товарищ Штрингис, не все, далеко не все. Очевидно, и вы, и генерал Пино, и многие ваши специалисты до сих пор не поняли важности этой стройки. В масштабах нашей страны канал — решение очень серьезных проблем. На самом деле, что же это получается? Юг страны — наша житница, но она вечно страдает от суховеев...

Стебан. Каждые три года, товарищ Лихта. Беда!.. А тут еще кулаки...

Ганна. А ведь с этой бедой мы в силах справиться, для того и строим канал! Поймите: если мы оросим триста тысяч гектаров засушливых земель, стало быть мы будем получать из года в год четыреста миллиардов килограммов хлеба! Эта долина сразу оживет! Появятся новые виноградники, сады, мы переведем сюда сотни кооперативов, построим десятки МТС... И что самое важное — мы получим массу энергии для промышленности Юга... А что такое промышленность Юга? Это мощь страны, это наше богатство, наше будущее, это мощный отряд рабочего класса. (*Твердо.*) Уже через год мы должны брать из долины Вира-Куусорта полной горстью хлеб, мясо, фрукты...

Стебан (*мотая головой*). Ну и ну! С будущего года!

Ганна. Да, безусловно, Стебан. Ведь что сейчас происходит? Кулаки думают, что только их высокотоварные фермы могут давать хлеб стране. Надо выбить из их рук этот козырь, а тогда мы посмотрим, что с ними делать. Будем богаты хлебом — кого нам бояться? Поймите, каждый час задержки строительства — это час, подаренный кулакам и прочим врагам. Поймите, что канал — это еще один удар по поджигателям войны...

Стебан. Слушайте, слушайте!

Ганна (*воодушевляясь*). Вот тут говорят: нет людей, механизмов... А вспомните: три года назад, когда на карту была поставлена судьба страны, кого позвала партия на помощь? К кому, с каким призывом обратилась она?

Магда. К народу! На улицу! Поднять народ на защиту демократии!

Ганна. Так, Магда. Почему же, спрошу я, теперь, когда решается вопрос быть или не быть социализму в на-

шей стране, почему же теперь, генерал Пино, вы не обратились к народу? Да разве он отказался бы помочь вам? Вот я спрашиваю всех, кто здесь: друзья, готовы ли вы помочь строительству первенца социализма?

Гул голосов: «Готовы, Ганна, готовы!»

Слышите, Пино? Спасибо, товарищи. Как вы думаете, Штрингис, если партия скажет: «Каждый на помощь строителям канала!» — придут к вам люди или нет?

Мина. Тысячи, Ганна, клянусь мадонной!

Ганна. Разве это уж так сложно, чтобы каждое селение, каждый кооператив послал на канал десять-двадцать человек? Почему бы каждому народному совету не выделить несколько машин, железным дорогам — вагоны и платформы, всем МТС — по одному трактору?

Шандор. Тем более, весенние работы на исходе.

Магда. Я пойду к молодежи, Ганна, к коммунистам округа, к партизанам и к тем, кто боролся в подполье. Я скажу им: «Ганна Лихта обращается к вам с призывом. Борьба за социализм сурова, трудна, но и радостна!» Я скажу им: «Партия просит вас помочь строительству первенца социализма, как люди Советов помогают Сталину строить каналы в Азии, на Волге и на Дону»...

Ганна. Хорошо, Магда! Так вот, товарищ Штрингис, займитесь-ка вы мобилизацией коммунистов Юга. Варра обратится к фермерам. Так ведь, Коста? Мина позовет на помощь женщин... Это не беда, если многие придут на строительство с заступом и киркой. У нас нехватает чудесных машин, которые мы видели в СССР. Но ведь люди Советов уже строят коммунизм, а мы лишь начали путь к социализму.

Мина. Так, Ганна, так! Да вы вспомните, как начинали русские, у них ведь тоже почти ничего не было. А посмотрите, что там теперь!

Ганна. Мина, а что если бы ваш кооператив обратился к прочим кооперативам страны с очень простым и очень ясным призывом: объявить канал всенародной стройкой, как это делают в СССР? Если бы ваш кооператив стал зачинщиком в этом деле, а?

Мина (*подумав*). Спасибо за совет, товарищ Лихта... Не слишком ли большая честь? На всю страну!.. Как вы, люди?

Шандор. А что тут думать, мать?!

Гул голосов: «Берись, Мина, берись!»

Мина. Беремся, товарищ Лихта!

Ганна. Ну и замечательно!

Мина. Ну, вексель выдали, платить первыми по нему не соседям, а нам. Кто пойдет на всенародную стройку?

Голоса. Я иду!

— И я!

— Пишите и меня.

Стебан. Пан Кочек, берите бумагу и перо!

Голос. Отдаю свой грузовик, Ганна!

Другой голос. Пишите, Кочек: Михаил Тускло и трое сыновей идут на канал.

Шандор. Пан Кочек, запишите два трактора из моей МТС.

Эмми. И меня на один из них.

Голос. Когда выходить на работу, генерал?

Стебан. Кочек, пишите: жена и я — хоть сейчас!

Мина. Видели, товарищ Лихта, что делается?

Ганна. Спасибо, товарищи! Я непременно передам правительству и Центральному Комитету партии, как дружно вы беретесь за это дело. Ну, товарищи Штрингис и Пино, готовьте жилища для рабочих, инструменты, работу... До свидания... Зита, вы со мной?

Швердова. Да.

Раздаются звуки набата, и из-за леса, озаряя его кровавым светом, вздымаются языки пламени.

Мина. Пожар!

Шандор. У нас! Склады инвентаря и скотные дворы...

Ганна (*властно*). Спокойно! Коста, от моего имени вызывайте пожарных из столицы. Пино, мобилизуйте свои силы.

Коста. Скорее, скорее!

Все уходят.

Янек (*открывает дверь в главный зал клуба*). Музыкантам, библиотекарям, всем-всем — быстро на пожар! (*Возвращается на террасу, перегибается через балюстраду, кричит вниз.*) Мария! Скажи рабочим двора, поварам и прочим — на пожар! Чтобы ни одного бездельника не осталось здесь! (*Тушит свет, оставив лампочку у буфетной стойки и, облокотившись на балюстраду, наблюдает за пожаром.*) Беда не приходит одна! Но кто? Кто?

Во дворе слышны крики, топот ног. Все замолкает. Янек начинает убирать посуду со столов. Тишина, потом шорох автомобильных шин внизу во дворе, и на террасу крадучись поднимается Симона Глурда, она в сером дорожном плаще. При виде ее Янек роняет бокал.

Явление 10

Симона (*ласково*). Плохо бережешь мое добро, Янек. (*Поднимает осколки.*) Богемский хрусталь, жалко. Ну, ничего. Где бьется, там хорошо живется, не так ли, Янек?

Янек (*в ужасе*). Мадам Симона?

Симона. Тихо, Янек, тихо. (*Оглядывается.*) Хорошо живете, вижу. Клуб... Хм...

Янек. Зачем вы вернулись, мадам?

Симона. Ох, Янек, трудно на чужбине. Родная земля зовет нас, и уж тут ничего не поделаешь: бросаешь все и едешь.

Янек (*язвительно*). Стосковались по любимой родине?

Симона. Да, по родине, по дочери. Как моя Эмми, Янек?

Янек. Она здорова.

Симона. Слава богу... Какой сильный пожар! Это, пожалуй, до утра.

Янек. Вы были в полиции, мадам?

Симона. Поздно, да и все на пожаре. Я устала, Янек, я так устала. Ты приютишь меня? На одну ночь, только на одну ночь. Ведь я была добра к тебе.

Янек. Мадам, приют вам может дать только дьявол.

Симона. Я прошу тебя... Я умоляю...

Янек. Я звоню в полицию, мадам.

Симона. Этого ты не сделаешь, Янек! (*Вынимает из-под плаща пистолет и стреляет в Янека.*)

Янек падает.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в квартире Зиты Швердовой. Старинная красного дерева мебель, на стенах — несколько потемневших картин и портрет мужчины в старомодном костюме. Направо — вход в кабинет. Налево — холл, отделяемый от гостиной аркой с тяжелой драпировкой. Окна открыты, за портьерами угадываются контуры большого города. Веселый солнечный день. Швердова играет на пианино. На диване, под портретом, полузакрыв глаза и покуривая сигару, слушает музыку Марк Пино. Звонок телефона.

Явление 1

Швердова (*берет трубку*). Да!.. Да, им выделено триста тонн бензина. Плуги тоже отправлены. (*Кладет трубку.*)

Марк. Не понимаю, чего ради вы возитесь с этими кооперативами, МТС, бензином, удобрениями, мужиками...

Звонок телефона.

Швердова. Простите! (*Берет трубку.*) Я немного прихворнула, товарищ Пашкас... Сегодня, кажется, тридцатое?.. Кто там в списке?.. Этот подождет... Им назначьте на пятницу. Мину Варра и всех, кто с ней, попросите ко мне сюда. Я назначила им прием, они приехали издалека, с Юга... Кто?.. Бочек? Хорошо, приму. Вчера я поручила вам узнать все об югославе, о котором хлопотала одна местная партийная организация Юга... Так... Хорошо! Пусть приходит и он. Послезавтра, надеюсь, выйду. Бумаги я получила. До свидания. (*Кладет трубку.*) Простите, Марк.

Марк. Нет, ни к чему все это вам, Зита. Из вас бы вышла прекрасная актриса.

Швердова. Но я специалист... Я окончила академию сельского хозяйства. Это дело увлекает меня. (*Оживленно.*) Слушайте, та милая женщина, которую мы видели в субботу в клубе, и есть ваша жена?

Марк. Милая? Ох, Зита, если жена — коммунистка, фанатик и моралист, это, знаете...

Швердова. Марк! Так говорить о коммунистах... Мне?!

Марк. А я в вашем обществе забываю, что вы заместитель министра и прочее. Я вижу молодую, нежную...

Швердова. Молодую? Полно вам. Старуха я, Марк,— все время болею. Вот и сегодня — грипп. (*Чихает.*) Удивительно, ни в концлагере, ни на фронте я и знать-то не знала болезней. А тут — сквознячок, и... У вас тоже очень усталый вид, Марк.

Марк. Еще бы не устать! Сегодня опять вызвали в Совет министров, выговоры, неприятности. На строительство влилось около пяти тысяч человек! Голова идет кругом! Я ведь и к вам по делу. Мне сказали, что ваш департамент держит где-то на севере скреперы... Нельзя ли их получить, они позарез нужны мне.

Швердова. Я распоряжусь. Но расскажите о Магде.

Марк (*вздыхая*). А что рассказывать? Ей не нравится в нашей жизни решительно все. Она осуждает, поучает... Этому не видно конца. (*Притворный зевок.*) Простите.

Звонок телефона.

Швердова (*берет трубку*). Да, я. (*Жестко.*) Если эти вагоны с мукой не будут отправлены на канал сегодня же, завтра я отдам вас под суд! (*Кладет трубку.*) Вот видите, какой может быть эта «нежная» женщина.

Марк (*помолчав*). Странно, почему вы обрекаете себя на одиночество? Ваш муж умер шесть лет назад, а вы одна. Ради чего?

Швердова (*сурово*). Марк!

Марк (*помолчав*). Простите за нескромность, но почему вы не носите фамилию мужа?

Швердова. Я была несчастлива со Швабским и не хочу, чтобы его фамилия напоминала мне... Вот почему я стала носить девичью фамилию, фамилию отца.

Марк (*посмотрев на портрет*). Ваш отец... Между прочим, насчет этого ходит уйма сплетен. (*С невинным видом.*) Говорят,— злые языки, конечно! — что все высокие посты вы занимаете не столько по праву, сколько из-за любви народа и компартии к памяти Иосифа Швердова.

Швердова (*с горечью*). Вот как! Мои двадцать четыре года в партии, смертный приговор за подпольную работу — это не в счет? (*Зло.*) Впрочем, мало ли что болтают! Говорят же, например, что вы приглашаете в управление строительства людей, которым ни один порядочный человек не подаст руки.

Марк (*холодно*). Чепуха! Да, я принял Берта Жакобо и еще двух инженеров. Они служили эмиграции, но потом честно сражались за демократию. Не такой уж я идиот, чтобы окружать себя изменниками.

Швердова (*предостерегающе*). Вы очень молоды, Марк.

Марк. Да? А кто спас республику от вторжения фашистов, которые шли на помощь Христине Падера?

Швердова. Народ, Марк.

Марк. Может быть... (*Помолчав.*) Я окружаю себя изменниками! А Вента? Он видит врагов даже ночью.

Швердова. Ему положено видеть даже ночью.

Марк. Он действительно похож на сову. Мрачный, суровый...

Швердова. Не заметила...

Марк. Ну, мне пора. (*Щелкает шпорами, целует руку Зите.*) Не забудьте о скреперах... (*Уходит.*)

Швердова садится за пианино, играет. Входит Штрингис, бросает на диван плащ, шляпу, портфель.

Явление 2

Штрингис (*ласково*). Ты одна, милая?

Швердова (*не поворачиваясь*). Как видишь!

Штрингис (*ревниво*). Что у тебя делал этот генерал-сопляк?

Швердова. А если я скажу, что он объяснялся мне в любви?

Штрингис. Вздор!

Швердова. Ты очень самоуверенный человек, Отто!

Штрингис. Нет, просто я не нуждаюсь в доказательствах твоей верности.

Швердова. Ты откуда?

Штрингис. Прямехонько с канала. Значит, эта бестия Пино, вместо того чтобы...

Швердова (*перебивая*). Успокойся, он был у меня по делам. У меня грипп, и я принимаю сегодня дома.

Штрингис. А! (*Помолчав.*) Двести километров в от-

крытой машине. Ветер адский, голова трещит! У тебя найдется?..

Швердова. Как обычно.

Штрингис идет в холл. Швердова играет. Штрингис возвращается с бутылкой коньяку и рюмками.

Явление 3

Штрингис (*пьет*). Чертовски устал. Ох, достается мне!

Швердова. Ты же так умолял меня вытащить тебя из твоей прежней дыры на Юге.

Штрингис. Просто трудновато работать. Правительство не скупится. Пять миллиардов карлов мы должны освоить еще в этом году! Три громадных завода, пять шахт, пятнадцать МТС. Горячая пора! Ничего, строим... Ого-го, да еще как! Народ ворочает тяжести социализма, как молодой веселый богатырь. Социализм мне снится даже ночами! (*Смеется.*) А этот канал...

Швердова. Что там?

Штрингис. Ох, не спрашивай! (*Зло.*) Не понимаю, за коим дьяволом они спешат? Вынь да положь им канал к годовщине республики!

Швердова. Кому это «им», Отто?

Штрингис. Ладно, не придирайся к словам.

Швердова. Они — это народ, Отто. Он не может ждать. И государство не может.

Штрингис. Ты повторяешь прописные истины. (*Помолчав.*) Я к тебе отчасти по делу. Слушай, сколько тракторов вы дадите Югу осенью?

Швердова (*с упреком*). Отто!

Штрингис. Прости, милая! К дьяволу дела! (*Пьет.*)

Швердова (*беспокойно*). Ты стал много пить. Почему? Неприятности дома или что-нибудь?..

Штрингис. Вздор! Эта глупая крольчиха ничего не знает, не беспокойся.

Швердова (*зло*). Беспокоиться должен ты. Ко мне ходит много мужчин. Не могут же сказать, что все они мои любовники.

Штрингис (*кривит нос*). Опять это слово!

Швердова (*еще более зло*). Милый мой, оно определяет наши отношения по существу. Может быть, тебя больше устроит слово «сожители»? Ради бога.

Штрингис. Ты больна и раздражена. Пью! У меня нервы, словно мочалка. Но еще никто не видел меня пьяным.

Швердова. Этого недоставало! Не понимаю, Отто, по-

чему все так косо смотрят на тебя? Ты не представляешь, каких усилий стоило мне отстоять твою кандидатуру.

Штрингис. Завистники.

Швердова (*задумчиво*). Не скажи. Они так копались в твоей жизни.

Штрингис (*спокойно*). Двадцать лет в партии, Интернациональная бригада в Испании под командованием Романа Лихта, концлагерь во Франции, куда нас запрятали эти лондонские мерзавцы, потом, в годы оккупации страны, пять лет гитлеровского концлагеря, где я и узнал тебя,— вот моя жизнь. Чисто, как лист бумаги. Если не считать истории с тобой... (*Угрожающе.*) Но это уж мое личное дело!

Швердова. История со мной!.. Ох, и не знаю, за что я так полюбила тебя? Муж был ненавистен, после него до тебя — никого... (*Помолчав.*) Нет, знаю! Ты, как могучий, громадный вол, идешь в упряжке к цели, ломая все преграды. Ты хочешь оставить после себя след... А что я? След своего отца! Нас в мужчинах властно привлекает эта целеустремленность, сила воли, честолюбие. В руках таких мужчин мы — вещь... Как я в твоих руках, Отто! (*Обнимает Штрингиса.*) Я люблю тебя и так рада, что могу видеть тебя хотя бы раз в неделю.

Штрингис. Все в порядке, Зита.

Швердова (*с жалкой усмешкой*). В порядке?! Прятаться, лгать... Это невыносимо! Я не могу больше! Я уйду от тебя!

Штрингис (*хладнокровно*). Полно! Что за жизнь без этих наших радостей.

Швердова (*утихая*). Да, правда. (*Помолчав.*) Поговорим о другом.

Штрингис (*весело*). С удовольствием. Ну, что было вчера на президиуме ЦК?

Швердова. А ничего особенного. Узнаешь из документов.

Штрингис. Мне присылают далеко не все.

Швердова (*посмотрев на часы*). Ты устал, милый, а ко мне сейчас придут. Пойди в кабинет, там свежие газеты, журналы, отдохни. Я быстро освобожусь, и мы выпьем кофе.

Звонок.

Это они. Поцелуй меня!

Штрингис, захватив коньяк, пальто и прочее, уходит в кабинет, на ходу поцеловав Швердову. Она спешит через холл к двери и возвращается с Костой Варра.

Явление 4

Коста. Я только что из министерства, мне сказали, что вы больны. Виноват, неотложные дела.

Швердова. Пустяки, у меня грипп.

Коста. Слышали об убийстве Янека Свидло в клубе у канала? Два дня мы с Вентой рыскали по округе. Эти крысы ловко прячутся, и чорт знает где их главная нора. (*Прошелся из угла в угол.*) Вот что, сейчас к вам придут все оттуда...

Швердова. Да, им назначен прием на сегодня.

Звонок.

Это, вероятно, они.

Коста. Жаль, мне бы хотелось предварительно поговорить с вами. Ну, ладно, потом.

Швердова уходит и возвращается с Миной Варра, Магдой Форсгольм, кумом Стебаном, Фимусом Пшибышевским, Павласом Миловаром, Шандором Варра и Эмми Глурда.

Явление 5

Швердова. Здравствуйте. Простите, что я попросила вас сюда — я немного больна. Садитесь.

Все садятся. Коста расхаживает из угла в угол.

Каковы убытки от пожара?

Мина (*убитая горем*). Сто тысяч карлов. Погибло много скота... Люди приуныли, многие хотят уходить из кооператива.

Миловар. Оно и понятно. Одни неприятности! Охо-хо!

Швердова. На пожарище не найдено улик?

Шандор. Никаких.

Мина. И это убийство... Бедный Янек.

Магда. И тоже улик нет.

Швердова. Н-да, печально... Так вот. По поручению Ганны Лихта я познакомилась с вашим делом. Прокурор доложил мне, что виновники порчи тракторов не найдены. Однако факт остается фактом: механик МТС Эмми Глурда дважды в свое дежурство покидала стоянку тракторов в поле.

Миловар. Ага! А кто это сказал?

Эмми. Я отходила от тракторов в те ночи на пять минут.

Швердова (*строго*). Куда и зачем?

Шандор (*быстро*). Мы... Мы разговаривали с ней.

Швердова. Вы, гм... разговаривали, а тем временем враги портили тракторы?

Шандор (*горячо*). Но почему прокурор не допросит трактористов? Я уверен, что тракторы испорчены ими во время работы. Люди молодые, испугались...

Швердова. Кроме того, Варра, я выяснила, что у вас в МТС очень слабые кадры. Есть и подозрительные люди... К тому же вы не знаете своих людей вообще. Скажите, как вы думаете работать дальше?

Миловар. Да, куда ни кинь, везде плохо.

Мина. Почему плохо? Нет, товарищ Швердова, МТС Шандора одна из лучших в стране. О ней писали в газетах.

Швердова. Все это так, Мина Варра, но два трактора выбыли из строя. Кто виноват? Начальник МТС. Так как же нам быть с ним и Эмми? Может быть, простим их? (*Стебану.*) Что скажете вы?

Стебан (*с тяжким вздохом*). Вообще-то говоря, республике не по карману прощать такие вещи, но...

Швердова. Что решила местная партийная организация, товарищ Пшибышевский?

Фимус (*с притворным участием*). Ничего не поделаешь, Шандор. Ты и Эмми должны уйти. Вопрос о твоей партийности тоже решен.

Магда. Скороспело решен. Следствие еще не кончилось, и комитет компартии округа возражает против любого решения, которое может поставить Шандора Варра вне наших рядов.

Швердова. Мина Варра, что скажете вы?

Мина. Одно скажу: Шандор и Эмми не настолько виноваты, чтобы прогонять их из МТС.

Швердова. Мы понимаем ваши материнские чувства, Мина Варра, но дело нам дороже. Мы не можем доверять Шандору и Эмми после того, что случилось. Местная партийная организация — за снятие Шандора Варра. Когда-то еще следствие окончится, да когда еще дело Шандора поступит в окружной комитет... МТС не может ждать и оставаться без руководителя.

Фимус. Верно. Вот мы и решили: пусть им будет Павлас Миловар.

Магда. Кулак — начальник МТС? Ох, Фимус!

Фимус (*сердито*). Бывший, бывший! Кулаков мы изгнали, но этого оставили. Честно работает, на плечах — не кочан капусты. Я голову закладываю за Павласа.

Коста. Глупую голову и топор не сечет.

Фимус (*сварливо*). Что?

Коста. Ничего. Я уж с тобой потом поговорю.

Швердова. Ну, что скажете, товарищ министр?

Коста. Это по вашему департаменту, вы и решайте

Швердова. Товарищ Миловар, приказ о вашем назначении будет подготовлен завтра. Послезавтра его подпишет министр, а пока начинайте принимать дела МТС.

Мина. Нет, я этого так не оставлю. Коста Варра, почему молчишь ты?

Коста (*сумрачно*). Я еще скажу.

Мина. Вы рубите с плеча, товарищ Швердова. Кроме того, назначая Миловара в МТС, вы оставляете нас без агронома.

Миловар. А я остаюсь без механика.

Звонок. Швердова выходит. Входит пан Бочек.

Явление 6

Бочек. Хо-хо! Знакомые лица!

Мина. Вас-то что принесло сюда, пан Бочек?

Бочек (*огрызаясь*). А зачем вам знать?

Миловар. Пан Бочек, вы ведь когда-то были механиком. Шли бы вы ко мне в МТС.

Бочек (*сварливо*). Нашелся благодетель!

Опять звонок. Входят Швердова и Кристич.

Явление 7

Кристич. Здравствуйте, друзья. Вот свиделись опять.

Швердова. Товарищ, кооперативу Мины Варра нужен агроном...

Кристич. Что ж, счастье мне привалило. Четыре года без любимого дела — это надо понять!

Швердова. Вы идете работать в зону строительства канала. Надо, чтобы народ верил вам. Я навела справки...

Кристич. Я очень признателен вам за вашу откровенность.

Швердова. Короче говоря, вы можете приступать к работе.

Магда. Сначала он должен устроить свои партийные дела.

Швердова. Да-да, непременно. Вам надо поехать в комитет партии Юга страны к товарищу Штрингису. Потом можете являться в округ за назначением.

Кристич. Я намеревался сделать это сегодня.

Мина. Мы подвезем вас.

Кристич. Спасибо.

Швердова (*Бочеку*). Вам что нужно, товарищ?

Бочек. Работы.

Мина (*изумленная до предела*). Чего?

Бочек (*злясь*). Мина, неужели ты разучилась понимать родной язык? Я сорок лет работал механиком. Мне всего шестьдесят лет, и мне надоело получать милостыню. Я ехал в поезде, шел по столице... Строят канал, дома, заводы, грузят уголь, металл льется в ковши. Я тоже хочу что-нибудь сделать для... для народа. Кроме того, я слышал, будто этот отравитель женщин, этот презренный Яныш Кочек подал заявление... Он, видите ли, хочет учить детей! Итак, он будет работать, а я? Чем я хуже него, хотелось бы мне знать?

Миловар. Я бы непрочь взять его в МТС.

Швердова. Что ж, вот — к товарищу Миловару.

Бочек. Товарищем называть не буду. Я ин-тел-лект, а он?

Миловар. Пусть называют как угодно. Жалованье — четыреста карлов.

Бочек (*свирепо*). Сквалыга!

Миловар. Э, куда ни шло! Пятьсот!

Бочек (*посмотрев на часы*). С часу дня сего тридцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят первого года я получаю у вас это жалованье.

Швердова. Все? До свидания, товарищи.

Магда. До свидания. До скорого свидания на заседании бюро окружного комитета, товарищ Швердова. Чего-чего, а уж назначения Миловара мы никогда не допустим!

Все, кроме Косты и Швердовой, уходят.

Коста. Так вот, я этого приказа не подпишу.

Швердова (*насмешливо*). Стало жаль сына, Варра?

Коста. Упаси бог! У меня, знаете, в деле ни свата, ни брата. Мина права: Шандор и Эмми не так уж виноваты, чтобы их в шею... Кроме того, этот Миловар... Подозрительно одно: больно уж громко он кричит о врагах, слишком напирает на Шандора и Эмми, чересчур распинается...

Швердова. Думает, что лучше перекричать... У него сложное положение, надо понять и его. Бывший полицейский, кулак, первым пошел в кооператив... Для людей подозрительно. Он и старается. Может быть, искренне.

Коста. Ага! «Может быть»? И тем не менее — его в МТС?

Швердова. Другого пока нет.

Коста. Нет? Ладно. Слушайте, насколько я понимаю, политика партии сводится к обузданию кулака...

Швердова. Но не к ликвидации. Даже Советы не тотчас пошли на это. Ликвидация кулаков сейчас не в интересах государства.

Коста (*закуривает трубку, вежливо*). Я закурю, с вашего разрешения. Это азбука, и я не кричу о том, чтобы класс кулаков ликвидировать немедленно. Но как вы полагаете, в интересах государства сажать кулака в МТС?

Швердова. Этот вопрос решила партийная организация и народ.

Коста. Думаю, что мы должны подсказывать народу мудрые решения. А Фимус — не партия, а ее отсталая часть.

Швердова. Уж не вздумали ли вы учить меня, Варра?

Коста. А что ж, и это не вредно. Все мы учимся...

Швердова. Вы преувеличиваете кулацкую опасность, Варра. В вас говорит классовый инстинкт фермера, а не разум государственного деятеля.

Коста. И как министр и как фермер, я ненавижу кулаков и недолюбливаю тех, кто поощряет их.

Швердова (*гневно*). Варра, вы ответите за эти слова. Я сообщу их в ЦК и правительству.

Коста. Поздно хватились. Я много раз указывал вам на ваши ошибки. Я предупреждал вас, вас предупреждала партийная организация министерства. Мы говорили с вами в ЦК. Вы неисправимы. Хватит! Я и без того слишком долго терпел то, что вы по своей ли воле или по указке...

Швердова (*в бешенстве*). Варра!

Коста. ...делаете в министерстве. Павлас Миловар — типическая фигура. И отношение ваше к нему типическое. Оно называется покрывательством самого бешеного классового врага.

Швердова. Может быть, и я враг?

Коста. Будете, если не повернете круто. Вот почему, начиная с сегодняшнего дня, я не санкционирую ваших приказов. Да лучше я пойду пахать, чем терпеть эдакое!

Швердова (*презрительно*). А мне не привыкать взваливать на себя ответственность за других. Будьте здоровы, Варра.

Коста. Здоров, здоров. И не так-то легко вам будет свалить меня. (*Уходит.*)

Швердова (*вслед, злобно*). Упрямая, грубая...

Звонок. Швердова идет к двери и возвращается с паном Кочеком.

Явление 8

Швердова. Прошу, садитесь.

Кочек (*шикарно кланяясь*). Благодарю. (*Помолчав.*) Я, собственно, предупредить вас. Этот убийца...

Швердова (*недоуменно*). Позвольте, о ком вы?

Кочек. Ну, этот мерзавец, мечтающий низвергнуть государственный строй, удушить, повесить, расстрелять всех-всех... Павло Бочек, мадам! Я случайно заметил, как он шатался около вашего дома. Он замыслил политическое убийство.

Швердова (*смеется*). Этот старичок? Да он просто был у меня на приеме.

Кочек (*подскочив*). Ну, правильно! Высматривал расположение окон и дверей! О негодяй!

Швердова. Да что вы! Он просил у меня работу и получил ее.

Кочек (*поперхнувшись*). Как? Какую работу?

Швердова. Механиком в МТС.

Кочек (*в ужасе*). Пропала МТС! Простите, мчусь в министерство образования, буду умолять скорее дать мне место в школе кооператива — это недалеко от МТС. Главное — не спускать глаз с террориста! Виноват, время дорого, он способен в одну секунду взорвать и МТС, и канал, и что угодно! Кроме того... (*Криво усмехаясь.*) Он совсем дряхлый человек, он не может без меня, но и я не могу без него... Нет-нет! Самый злейший мой враг и самый добрый друг... Ох, вам не понять этого! Будьте здоровы, будьте здоровы! (*Хватает котелок и уходит.*)

Швердова весело смеется. Из кабинета с пачкой бумаг выходит Штрингис.

Явление 9

Штрингис (*нежно*). Они совсем измучили тебя.

Швердова. Да уж... Один Варра наговорил такого...

Штрингис. Слышал. Высокомерный мужик,— и над тобой! Не понимаю. Просто некому открыть на него глаза.

Швердова. Ну, теперь открою. Нет, я работать с ним не могу.

Штрингис. Убрать к чорту, и все.

Швердова. Уберу, дай срок. Сейчас мы выпьем кофе, милый. (*Уходит через холл, захватив кофейник.*)

Штрингис читает бумаги так внимательно, словно учит их наизусть. Возвращается с посудой Швердова.

Явление 10

Швердова (*увидев бумаги, испуганно*). Где ты взял это?

Штрингис. Лежали на столе, я и... Разве нельзя?

Швердова. Это очень секретно, Отто. Я не имею права...

Штрингис (*ворчливо*). Так не разбрасывай их где попало. (*Обидчиво.*) Конспираторы! Мне ничего не говорят, и я ничего не знаю. Между тем (*тыкая в одну из бумаг*) это связано с моей работой... (*Тычет в другую.*) И это!.. Колоссальный поворот, а мне ни слова. Даже ты... Любовь и доверие!.. Ха!

Швердова (*серьезно*). Отто, я отвечаю за это головой. (*Берет бумаги, относит в кабинет, возвращается.*)

Явление 11

Штрингис (*потягиваясь*). А я поспал. (*Помолчав.*) А это, вероятно, приятно, — все решать и все знать, а?

Швердова (*поощрительно*). Ты честолюбив, Отто.

Штрингис. А что? Политический деятель без честолюбия — тряпка. Вперед, моя лошадка, в гору, туда, где коловращение страстей, где «я» значит куда больше, чем об этом принято говорить.

Швердова. Знаешь, Отто, а я хотела бы видеть тебя на самой высокой горе. Ох, и гордилась бы я тобой! Одну минуту, я принесу кофе. (*Уходит.*)

Штрингис поспешно идет в кабинет, приносит коньяк, жадно пьет рюмку за рюмкой. Входит Швердова с кофейником, разливает кофе.

Явление 12

Штрингис (*мечтательно*). Да, заманчивы эти вершины, от которых веет чем-то таким, что недоступно смертным. Они стоят у подошвы горы и с трепетом взирают на Синай, где повелитель их мыслей решает судьбы мира. В его руках — миллионы жизней, и он распоряжается ими... Он обладатель золота и сыплет его куда хочет.

Швердова (*смеется*). Мысли твои занятные, но не совсем, я бы сказала, марксистские.

Штрингис. Это только с тобой. Я тебе верю, не то что ты! А с остальными... Кто это сказал: «Для того и дан человеку язык, чтобы скрывать мысли»? А, Талейран! (*Пьянея.*)

Великий был мошенник! Все покупал и все продавал. Зато и пожил, ого-го! Без узды и вожжей! Ненавижу, Зита, узду и вожжи!

Швердова (*обеспокоенно*). Ты слишком много выпил, Отто.

Штрингис. Вздор! Вон Тито! Ловко устроился, прохвост!

Швердова (*с негодованием*). Уж не завидуешь ли ты этому мерзавцу, продавшему народ?

Штрингис. «Продал народ»! Плевал он на народ! Просто захотел как следует пожить. Без узды и вожжей.

Швердова (*так же*). А Уолл-стрит? Это называется: жить без вожжей? Ездить под охраной танков — это называется: пожить как следует? Молчи, Отто! Бог знает что ты несешь!

Штрингис. Ни черта ты не понимаешь в жизни, Зита. Ты женщина, твой удел — любовь. Он мелкота, этот Тито. Ему бы ездить в окружении корпусов. Был бы я на его месте! Ого-го!

Швердова. Ты вдребезги пьян. (*Стучит кулаком по столу.*) Замолчи! Завтра тебе будет стыдно, если ты только вспомнишь, какую гнусную ересь нес здесь. Замолчи, или я вышвырну тебя!

Штрингис (*тотчас протрезвев, — он понял, что даже с любовницей зашел слишком далеко*). Аха-ха! А ловко я притворился пьяным, Зита, а? Ловко изобразил пародию на Тито, а? Налей мне кофе. Нет, признайся, хорошо сыграно?

Швердова (*сердясь*). Даже слишком!

Штрингис. Вздор! Не хочу я никаких вершин. С горы падать — голову сломать. (*Помолчав.*) Но если говорить серьезно, ты думаешь, все у нас в порядке?

Швердова. Международная ситуация, что делать!

Штрингис. Только ли? (*Шопотом, с оглядкой.*) Слушай, почему мы должны верить, что все эти... наши... такие уж безгрешные? А вдруг они ведут партию не туда? Были такие примеры? Были! Тот же Тито...

Швердова. Ну, этот прохвост — не пример. Он просто продался американцам.

Штрингис. Да, конечно. (*Помолчав.*) Не знаю... Если итти и дальше таким напряженным курсом... Хотя бы эта история с кулаками. Попробуй, ликвидируй их! Сейчас основную массу хлеба дают высокотоварные фермы зажиточных. Не будет кулаков — не будет хлеба. А в ЦК спешат... Словно нарочно ведут дело к смуте.

Швердова. Признаться, я и сама частенько думаю... Я сдерживаю, как могу, слепые классовые инстинкты, но...

Штрингис. Ты правильно поступила, назначив этого... как его... начальником МТС. Это несколько успокоит зажиточных. (*Помолчав.*) Боюсь, не слишком ли круто мы отвернулись от Запада, не слишком ли поспешили, отказавшись от помощи.

Швердова. Но это тоже дорога в бездну.

Штрингис. Н-да... Кто знает, что лучше, что хуже... Ладно! Сегодня останусь ночевать в столице, и мы поедем за город.

Швердова (*просияв*). Нет, правда?

Штрингис (*подмигивая*). Я уже все обдумал. Поедем на Желтое озеро — там чудесные рыбачьи хижины.

Швердова. Это чудесно! Я так давно не была с тобой. Плевать на грипп! (*Наливая рюмки.*) За нашу любовь! Я так счастлива, Отто! (*Подходит к окну.*) Какой чудесный день! Как хорошо мы погуляем. (*Вдруг.*) Ганна — ко мне!

Штрингис. Вздор! Зачем ей?

Швердова. Она часто заходит сюда, чтя память отца... Иногда мы говорим о всякой всячине, иногда она помолчит, подумает и уйдет.

Звонок.

Она! Убери коньяк! (*Уходит.*)

Штрингис уносит в кабинет коньяк, возвращается, роется в портфеле, вынимает бумаги, бросает на стол. Входят Ганна Лихта и Швердова.

Явление 13

Ганна (*косо посмотрев на Штрингиса*). Добрый день.

Штрингис. Здравствуйте, товарищ Лихта. Простите, мы сейчас окончим наши дела.

Ганна. А я не тороплю вас. Я очень довольна, что застала вас здесь, Штрингис. (*Окидывает взглядом комнату.*) Да... Мы частенько сиживали с Иосифом Швердовым вот там у окна... Это он раскрыл передо мной великую книгу марксизма. Часами он рассказывал о встречах с Лениным и Сталиным. Он ввел меня в партию и научил бороться.

Штрингис (*не зная, что сказать*). Гм... Вот как?

Ганна. Этот дом священный для всех нас. Все мы должны поддерживать чистоту его.

Штрингис. М-мм!

Швердова (*смиренно*). Я стараюсь, Ганна.

Ганна (*жестко*). Неправда. Опасно, когда человек в

вашем положении становится на путь личной и политической лжи. Наша частная жизнь и жизнь политическая неотделимы.

Швердова (*сухо*). Я не понимаю вас.

Ганна (*сверля взглядом Штрингиса*). Быть может, и вы не понимаете меня, Штрингис?

Штрингис молчит.

Я скажу то, что мне поручено сказать вам обоим. Штрингис, вы ходите в этот дом не только по делам...

Штрингис (*гневно*). Товарищ Лихта!

Ганна (*в ее голосе звенящая медь*). Вы оскорбляете чистоту дома Иосифа Швердова своей неопрятной историей. Вы мараете себя, вы мараете партию, что самое главное в этом деле. Мы не для того пропагандируем коммунистическую мораль, чтобы коммунисты первыми нарушали ее. Моральная чистота партии — пример для народа. Мы не можем допустить грязи в партии. Кроме того, от вас несет, как из винного погреба...

Штрингис (*ежась под взглядом Ганны*). Устал с дороги... Нервы...

Ганна (*с той же непреклонностью*). Вы думаете, эта история — ваше личное дело и она никому и ничему не мешает? Неправда! Вы, Зита, стали плохо работать. Моя канцелярия, бюро генерального секретаря партии завалены жалобами на ваш департамент. Кулацкое засилье в кооперативах, особенно на Юге. Особенно на Юге, Штрингис! Нет, больше мы не можем это терпеть. Ваш доклад о положении в сельском хозяйстве, Зита, Политическое Бюро будет слушать в пятницу.

Швердова. Что ж! Я умею отвечать за свои дела... Но то, что вы сказали о Штрингисе...

Штрингис. Ложь, поклеп!

Ганна. А я не верю вам, Штрингис. Вы один из секретарей партийной организации Юга, но ваша раздвоенная личная жизнь раздваивает вас и на работе. Вы кидаетесь туда и сюда, кричите и администрируете, а не руководите. Главное — вне поля вашего зрения. Канал Вира-Куусорта — вот ваша главнейшая забота. Вы дали слово ЦК и народу окончить канал к годовщине республики. Между тем мы до сих пор не можем отделаться от впечатления: либо вас обманывают строители, либо вы обманываете партию и народ. За эти дни вы ничего не сделали, чтобы по-человечески устроить людей, которые, отозвавшись на призыв партии, со всех сторон идут на канал. В ночь на субботу я подписала наряд на

четыреста стандартных домов для рабочих. Наряд был получен вами утром в воскресенье. Ни одного дома за эти два дня на строительство не поступило. Почему?

Штрингис. Нехватка транспорта, товарищ Лихта.

Ганна. Неправда. Сто пятьдесят машин мобилизованы в воскресенье только в столице и посланы в ваше распоряжение. Почему машины стоят?

Штрингис. Нет бензина. Я сегодня приехал в столицу с начальником строительства специально по этому делу.

Ганна. Наряд на бензин подписан мной в воскресенье в час дня. Где он?

Штрингис молчит.

В течение пяти дней все дома должны быть вывезены на канал, понятно?

Штрингис (*холодно, с затаенным бешенством*). Я приму к сведению ваши указания, товарищ заместитель премьера.

Ганна. Да, прошу вас.

Штрингис (*строго официально*). Итак, товарищ Швердова, начну с того, на чем мы остановились. Сколько тракторов получит Юг во втором квартале?

Швердова. Две тысячи шестьсот.

Штрингис. А! Это другой разговор. Комбайны?

Швердова. Их только что отгрузили из СССР. Дадим пятьдесят-семьдесят, не больше.

Штрингис. Маловато, но... До свидания. В следующий раз, если заболеете, не приду сюда, хоть на аркане меня тащите. Я не желаю быть объектом сплетен. До свидания, товарищ Лихта.

Ганна. До свидания.

Штрингис уходит. Пауза.

Я звонила вам на работу, хотела вызвать к себе. Мне сказали, что вы больны. К сожалению, я не могла больше откладывать этот разговор.

Швердова. Ничего. У меня грипп, но весь день толкался народ. Варра был и тоже наговорил всякого.

Ганна (*с улыбкой*). Да уж он отрежет — недорого возьмет.

Швердова. У нас с ним будет большой разговор в ЦК. Пора обуздать его.

Ганна. Это Косту-то? И не вздумайте! Мы с ним тоже частенько ссоримся — тяжелый характер, упрям. Зато кристальной души человек, прямой, работяга. И любят его и уважают... Я его откопала и, не скрою, горжусь.

Швердова. Может быть. Но все, что вы сказали мне, в равной степени относится и к нему. Министр — он.

Ганна. Коста Варра беспартийный, а вы член партии. Стало быть, первый спрос с вас.

Швердова (*упрямо*). Тем более. Я заявляю официально: работать с Варрой больше не могу. Он фермер, а не политический деятель.

Ганна. Подите-ка! А он говорит, что вы не политический деятель, а что-то непонятное. (*Помолчав.*) Хорошо. На заседании Политического Бюро мы постараемся выяснить до конца суть ваших разногласий.

Швердова (*зло*). Давно бы пора. (*Помолчав.*) А вот о Штрингисе... Как члену Политбюро клянусь — ложь.

Ганна (*сухо*). Что ж, хорошо, если так. Только прошу... (*В голосе ее снова зазвенела медь.*) Не обманите меня. Я не прощаю обманов. Никогда,— вы знаете меня. Надеюсь, вы не забыли истории Христины Падера? Моя рука не дрогнула, когда я написала: «Расстрелять»... А мы дружили с ней.

Швердова (*тихо*). Я не обману вас.

Ганна (*помолчав*). Этот костюм вы шили у Бренча? Очень хорошо на вас сидит.

Швердова (*радуясь, что разговор принимает другой оборот*). Нет, правда?

Ганна. Надо к нему наведаться.

Швердова. Вы так переменились за эти годы, Ганна. Стали знать портных и портних...

Ганна. Люди, которые добились счастья, должны быть хорошо одеты. (*Улыбаясь.*) По одежке встречают, по уму провожают — кажется, так говорит старая русская пословица. Руководители страны не должны быть исключением из этого правила. Больше улыбок, больше цветов, больше красивых нарядов и вещей. Социализм — не монастырь. Социализм — это все радости жизни!

Швердова. Вот это верно. Именно — все радости!

Ганна. Я говорю о радостях морально чистых.

Швердова молчит, поняв намек.

К слову сказать, вам бы пора завести семью и детей.

Швердова. Мне поздно думать об этом.

Ганна. Однако вы находите время для своих встреч со Штрингисом. Уж лучше бы он ушел от жены. Разлюбил — уходи. Любая правда лучше любой лжи. (*Помолчав.*) Ну, какие новости?

Швердова. Просто не придумаю.

Звонок телефона.

Да-да, у меня... Хорошо, передам. (*Кладет трубку.*) Вента просит передать: он уезжает и вернется через три недели, к пленуму ЦК.

Ганна. Он едет на Юг. Нехорошие вести идут оттуда. Бедняга: ни дня покоя. Знаете, он до сих пор не может простить себе, что Симона Глурда утащила Вастиса из-под самого его носа. (*Помолчав.*) Странно он живет — одинокий, неприкаянный. Только у меня и отводит часом душу. (*Задумывается.*)

Швердова. Ганна!

Ганна встрепенулась.

А ведь Вента давно любит одну женщину.

Ганна (*весело смеется*). Куда ему! (*Посмотрев на часы.*) Вот так я засиделась! Нет-нет, не провожайте меня... (*Снова строго.*) Прошу вас, Зита, хорошенько подумайте обо всем, что вам сказано. До свидания. Макс Вента в роли влюбленного... Ну и выдумают! (*Уходит.*)

Швердова, прислонившись к стеклу, нагретому солнцем, смотрит в окно.

Швердова. И походка девичья, упругая, твердая, и чиста, как девушка! И я могла бы быть такой! (*Вздрогнув.*) Все знает! Нет, отказаться от него — выше сил! (*Отходит от окна и убирает со стола посуду.*)

Звонок.

Кого еще бог принес? (*Уходит. Слышен ее глухой крик, тотчас оборвавшийся, и она входит в гостиную с Симоной Глурда.*)

Явление 14

Симона (*на коленях*). Ради нашей молодости и дружбы!..

Швердова (*с гадливостью отнимает руки, которые целует Симона*). Вон, вон, убийца!

Симона. Не виновата, Зита! Не могла больше выносить!.. Эти проклятые янки, эти мерзостные швабы! По дочери, по Эмми... Только до ночи, Зита! Найду дочь, посмотрю на нее в щелку — и вон, вон! (*Рыдает.*) Умоляю!

Звонок.

Симона. Они!..

Швердова (*ее проняла дрожь*). Туда! (*Показывает на дверь кабинета и спешит выйти.*)

Симона, шатаясь, уходит в кабинет. Швердова возвращается с двумя молодыми людьми в шляпах и костюмах удивительно схожего покроя.

Явление 15

Швердова (*приветливо*). Садитесь, друзья. В чем дело?

Первый. Товарищ Швердова, мы напали на след подозрительной женщины, понимаете, но она ускользнула. Нам сказали, что она вошла сюда. Мы извиняемся, но вы должны понять...

Швердова (*пожимая плечами*). Я больна, весь день дома, у меня были люди по делам, были и женщины. Только что ушла Ганна Лихта... (*Секунда колебания.*) Может быть, она проникла через черный ход? Посмотрите.

Второй. Он заперт.

Швердова. Вот видите! (*Снова колебание.*) А! Окна кабинета! Они у меня сегодня открыты: на улице так тепло! Первый этаж, кто знает... Да вы загляните в кабинет.

Первый. Что вы, товарищ Швердова! Мы знаем, кто здесь жил и кто живет.

Второй. Вероятно, мы ошиблись. Простите.

Швердова. Полно! Служба есть служба. Все-таки на вашем месте я бы прошла в кабинет. И у вас и у меня была бы чище совесть.

Первый. Пожалуй...

Агенты идут в кабинет. Швердова напряженно ждет. Агенты выходят из кабинета.

Явление 16

Второй. Окна действительно открыты, но в кабинете никого нет. Простите... До свидания.

Швердова. До свидания.

Агенты уходят.

(*В глубоком раздумье смотрит им вслед, открывает дверь кабинета, заглядывает туда.*) Ушла...

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната на вилле Лейна. Диван, над ним на ковре — оружие, щиты, шлемы. Рядом с диваном — стол с кофейным прибором, слева — микротелефон двусторонней связи и радиоприемник, изображающий земной шар с медным меридианом на массивной медной подставке На диване возлежит Артур Лейн, молодой человек с приятной, располагающей улыбкой, слушает радио. Рядом с ним, небрежно покуривая,— Кристич.

Явление 1

Голос Ганны (*по радио*). ...Промышленное производство по сравнению с тысяча девятьсот сорок восьмым годом увеличилось на треть. В тяжелой индустрии повышение на двадцать процентов. Враги республики за границей...

Кристич (*подмигивая*). Это о вас, сэр!

Голос Ганны. ...и внутри республики...

Лейн (*в свою очередь подмигивая*). А это о вас.

Голос Ганны. ...злобно нападают на нас. Им, видите ли, не нравится, что мы стали на путь развития тяжелой промышленности. Одно это говорит, что мы на правильном пути. (*Аплодисменты.*)

Лейн. Да, ей не откажешь в остроумии.

Голос Ганны. ...Но это только начало прогресса.

Часы бьют десять раз.

Лейн (*выключает радио*). Только начало — вы слышали? (*Нажимает кнопку микротелефона.*)

Зажигается зеленый глазок.

Вы, там! Радио передает доклад Ганны Лихта на пленуме Центрального Комитета компартии. Вы записываете его?

Голос. Но, сэр, он напечатан в газетах.

Лейн. Важна интонация, понятно? Где-то неуверенность, где-то сомнение... Не рассуждать, Стрэнг!

Голос. Слушаюсь, сэр.

Глазок тухнет.

Лейн (*в бешенстве*). В посольстве полно бездельников! (*Помолчав.*) «Начало прогресса»! Каков же будет конец?

Кристич (*спокойно*). Он ясен, сэр.

Лейн. Просто не знаешь, куда спрятаться от этого коммунизма.

Кристич (*окидывая взглядом комнату*). Ну, сюда-то он не проникнет.

Лейн. Единственное место, где я могу после работы покейфовать и встретиться с... гм... друзьями, не будучи доступным... гм... охране мистера Венты. Ах, аббат, работать здесь почти невозможно. Тысячи глаз следят за нами. Это ужасно!

Кристич. Зато вам повезло у нас, сэр. (*Помолчав.*) Кстати, здесь я не аббат, а агроном.

Лейн. Пустое! Я знал и знаю вас как аббата.

Кристич (*елейно*). Папа и Тито — мои господа.

Лейн. Слушайте, когда Тито покончит с этим «национальным социализмом»? Скажите этой вашей свинье: у нас есть на примете человек почище его. Пусть поскорее кончает эту комедию, иначе...

Кристич (*сдерживая ярость*). Сэр, если только он кончит эту комедию, мы вылетим в трубу. (*Смиряясь.*) Но вам не стоит огорчаться! Сказав «а», он уже дошел до ижицы.

Лейн. Посмотрим. Нет, аббат, война, только война разрядит эту отравленную атмосферу! Пять-десять атомных ударов — и мы приобретем всю планету, не потеряв ни одного солдата.

Кристич. Как знать... Солдаты тоже нужны.

Лейн. Это забота Европы. Мы ей — доллары, она нам — солдат.

Кристич. Что ж, все идет так, как вы хотите.

Лейн. Далеко не все, аббат. Кроме того, для нового порядка, который будет установлен в этой сумасшедшей Европе, нужны надежные люди, а где они? В Италии и Франции — кипящий котел... Здесь почти безнадежно...

Кристич. Не следует унывать, сэр. Скажем, тот же Петр Мрачек. Я бился с ним целый месяц и уж думал, что все пропало. Фанатик, чистая жизнь — не подкопаешься. (*С торжеством в голосе.*) Но недавно я напал на одну его страстишку... Сэр, сейчас он будет здесь!

Лейн (*пораженный*). Петр Мрачек?

Кристич. В каждой жизни, сэр, можно найти кусочек грязи и сделать из нее гору. Я увидел этот кусочек... Он пошел на удочку. Теперь он наш. (*С готовностью.*) Я ваш друг, и я бескорыстен. Я уступаю вам этого Мрачека.

Лейн. О, спасибо, спасибо, аббат! Это большая находка! Но ведь и мы немало сделали для Тито! Благодарю вас!

Кристич (*подчеркнуто любезно*). Пожалуйста!

Лейн. Но достаточно ли крепок крючок, на котором вы держите своего друга? Достаточно ли надежен, чтобы он мог... ну, скажем, не слишком удивиться, увидев нас здесь вдвоем? Как никак я американский атташе, а вы мученик режима Тито, принятый в объятия народом этой страны.

Кристич. Крючок крепче стали. Он называется честолюбием, сэр.

Лейн. Вы молодчина! У вас можно кое-чему поучиться. Ну, а каковы ваши успехи на агрономическом поприще? (*Смеется.*)

Кристич (*со вздохом*). Ужасно! Я должен стараться изо всех сил. И как иначе? Я ругаюсь с трактористами, забочусь о хорошем урожае... (*Озабоченно.*) У нас в окружном комитете партии — женщина. Чистая ведьма, сэр! Она не спускает с меня глаз. Это очень неприятно.

Лейн. Пустое! Мы сделаем из нее фарш или ростбиф — по вашему вкусу. Кто она?

Кристич. Некая Магда Форсгольм.

Лейн. А, жена этого молодого заносчивого генерала. Виноват. (*Включает микротелефон.*)

Загорается желтый глазок.

Гарри, а ну-ка, мальчик, разыщите номер «12-А».

Глазок тухнет.

Значит, вам приходится лезть из кожи? Ах-ха-ха!

Кристич. Что делать!

Входит отец Петр.

Явление 2

Кристич (*с кривой ухмылкой*). Друг мой, наконец-то! Знакомься: мой старинный приятель — Артур Лейн.

Отец Петр. О! Я так счастлив, сэр! О вас много говорят в нашей стране!

Лейн. Польщен, святой отец. Хорошо говорят или...

Отец Петр. Всяко. Если не ошибаюсь, вы тот самый Артур Лейн, который приехал к нам из Венгрии?

Лейн (*сквозь зубы*). Да.

Отец Петр. У вас там случилась, мы слышали, неприятность. Вас, говорят, попросили оттуда.

Лейн. Невозможные люди, святой отец. Чистые троглодиты. Никакого уважения к международным законам и обычаям.

Отец Петр. Увы! И у нас, знаете... Одним словом, сэр, вы здесь тоже не слишком популярны.

Лейн. Я не ищу популярности.

Отец Петр. Разумеется. И зачем? Ваши дела такие секретные, что лучше уж быть в тени, не правда ли?

Лейн. Гм!

Кристич. Я очень рад, милый друг мой, что ты не удивился, увидев меня в обществе мистера Лейна.

Отец Петр. Бог с тобой, Мичо! Я уже давным давно перестал удивляться чему-либо.

Кристич. Видишь ли, Петр, я не мог сказать тебе всего там... Не мог, понимаешь, объяснить до конца цель своей миссии в этой стране. Не та обстановка, да и ты упорно уклонялся от разговоров на политические темы... Я должен сообщить приятную весть: святейший папа прислал благословение тебе. Видишь, он еще любит тебя!

Отец Петр. О, такая милость!

Кристич. Да-да! Он полагает, что, пожалуй, пора положить конец распрям в церкви твоей страны и... и склонить колена перед святым престолом.

Лейн (*воодушевляясь*). Именно! Святой отец, единение всех сил мира против сил зла сейчас просто необходимо. Нам трудно, и нам нужна ваша помощь. Как может мировая цивилизация в ее борьбе с коммунизмом обойтись без католической церкви, судите сами!

Отец Петр. Да, это невозможно.

Лейн. Вот видите!

Кристич (*воркует*). Ну, разумеется, папа простит тебе твои заблуждения, друг мой. Более того, он готов поставить тебя во главе объединившейся церкви этой страны.

Отец Петр. Папа так добр ко мне.

Кристич. Я же говорил тебе!

Лейн. Кардинальская шапка обеспечена, святой отец. Положитесь на меня, папа — наш добрый друг!

Отец Петр. Достоин ли я такой чести?

Кристич. Полно, полно!

Лейн. Разумеется, мы не требуем, чтобы святой отец

немедленно сделал сальтомортале. Мы понимаем ваши трудности. Ведь это политика, а не цирк.

О т е ц П е т р. Политика дальнего прицела,— кажется, это так называется? (*Помолчав.*) Кардинальская шапка! Гм! Заманчиво.

К р и с т и ч. На меньшее и не думай соглашаться. Торгуйся с сэром Артуром до седьмого пота! Он скряга и обманет — недорого возьмет. (*Смеется.*)

О т е ц П е т р. Вероятно, я получу от сэра Артура письменные гарантии, не так ли?

Л е й н. За нами дело не станет, святой отец! Начинайте свой поворот к Риму — и бумага будет составлена по всей форме.

О т е ц П е т р. Отлично, мы сговорились.

К р и с т и ч. Ты настоящий католик, друг мой! Я горжусь тобой!

Л е й н. Кстати. Не можете ли вы, святой отец, помочь нам... Этот канал... Он мешает нам... Нельзя ли с помощью преданных святому престолу людей... гм... Одним словом, вы понимаете меня...

О т е ц П е т р. Нет, я не понимаю вас. Прощайте, сэр. До свидания, милый друг мой. (*Уходит, низко опустив голову, полный раздумья.*)

Молчание.

Л е й н. А вдруг он отсюда... (*Вздохнув.*) Попы-коммунисты! Кошмар!

К р и с т и ч. Петр — не коммунист. Он просто любит власть и почет. И все это впереди у него.

Л е й н. Он мой, аббат? Вы же обещали...

К р и с т и ч. Я сказал — забирайте!

Лейн нажимает кнопку микротелефона. Загорается желтый глазок.

Л е й н. Гарри, где номер «1-А»? Почему его нет до сих пор?

Г о л о с. Сэр, я не могу разыскать его.

Л е й н. Может быть, он у номера «27-Б»? Позвоните к ней.

Г о л о с. Слушаюсь. Номер «18-А» здесь, сэр.

Л е й н. Прошу.

К р и с т и ч. У вас все люди под номерами, сэр?

Л е й н. Те, которые уже наши, идут под литерой «А». Те, которые сотрудничают, но еще, гм, не оформлены...

К р и с т и ч. То-есть не получают долларов?

Л е й н. Да, эти идут под литерой «Б».

Входит мрачная С и м о н а Г л у р д а.

Явление 3

Лейн. Салют! Поглядите, аббат, что делается с людьми после возвращения в любимое отечество... Наша уважаемая мадам расцвела на родной земле!

Симона (*грубо*). Ладно, смейтесь. Кейфуете?

Лейн. Уик-энд, мадам, уик-энд. Прошу разделить со мной мой кейф. Но на вас нет лица! В чем дело?

Симона (*у нее повадки голодной волчицы*). Сэр, мне и моим людям перед отъездом из американской зоны обещали приличные условия.

Лейн (*с издевкой*). Ах, простите, я и забыл заказать вам номер-люкс в самой роскошной гостинице столицы. (*Нагло*.) Поговорите у меня! Кажется, вы хотите получить назад свою таверну и поместья? Не думаете ли вы, что мы принесем все это на золотом блюде? Да, я кейфую, а вы должны работать.

Симона. Сигарету, сэр. Спасибо. (*Глубоко затягивается.*) Что прикажете, сэр?

Лейн. Люблю мужской разговор. Но, мадам, я не занимаюсь мелочами. Я пригласил вас сюда, чтобы познакомить вас с вашим шефом. Аббат, мадам — номер «18-А». Она и все, кто с ней,— ваши люди. Заставьте их хорошенько поработать. Они обленились!

Симона. Я ищу кадры, сэр. Линия на зажим богатых фермеров — неисчерпаемый источник для нас.

Лейн (*подхватывая*). О, хорошая идея! Слушайте, мадам, а если потуже завернуть гайку? Я говорю о нажиме на кулаков. Если, скажем, правительство даст понять, что пришла пора готовиться к ликвидации этого класса?

Симона. Мы обеспечим десяток восстаний.

Лейн. Эт-то надо обдумать.

Симона. Сэр, я с радостью буду работать под руководством аббата. (*Короткий поклон Кристичу.*) Но я полагаю, что и у него нет оружия.

Лейн. Вы молодчина! Укажите пункты приема оружия — нам этого добра не занимать. И не хныкать!

Симона. Побывали бы в моей шкуре. Меня чуть не сцапали в таверне, за мной гоняются люди Венты, мне пришлось выпрыгнуть в окно из квартиры этой канальи Швердовой. У меня все тело в синяках.

Кристич. Поставьте примочки. А вообще, должен заметить, мадам, вы лодырничаете. Сегодня двадцать третье июня. Что вы сделали за этот месяц?

Симона. Мы убили коммуниста Янека Свидло. Мы со-

жгли скотные дворы в кооперативе Мины Варра. Сегодня мой человек сжег ферму Косты Варра.

Кристич. Знаю я этого человека. Он такой же ваш, как и мой.

Симона (*не сдаваясь*). Нет, он мой, вы связались с ним позже и через меня. Он обещал взорвать силосную башню...

Кристич. А, пустое!

Лейн (*рассудительно*). Позвольте не согласиться с вами, аббат. Поверьте практику, дело не в ничтожности объекта. К сожалению, более крупные объекты... Например, плотина на канале...

Кристич (*мечтательно*). Взорвать бы ее накануне открытия! Подарочек к их национальному празднику!

Лейн (*вздохнув*). Да, это был бы славный бизнес!

Кристич. К сожалению, сэр, охраняется, как казначейство...

Лейн. Ничего, и там есть наши друзья. Но суть не в том, чтобы заниматься только крупными объектами. Суть в том, чтобы они каждую минуту чувствовали, мадам, что вы существуете и работаете. Они строят — мы разрушаем, не важно что. Это необходимо для поддержания духа в наших друзьях.

Симона. Откровенно сказать, друзей у нас маловато, сэр. А те, кто есть... В лучшем случае — без вершка уголовники.

Лейн (*сурово*). Мы не моралисты, мадам! Еще одно дело. Мадам, вы знаете Магду Форсгольм?

Симона (*хрипло*). Еще бы!

Лейн (*мягко*). Она не нравится вашему шефу и мешает мне. Мешает присоединить к числу наших... гм... друзей очень нужного человека. Этот объект надо уничтожить... Такого дела они не смогут замолчать. Надо бить на воображение. Или сжечь сельский кинотеатр, разумеется, когда там будут люди. Правда, у них останется для сборищ ваша бывшая таверна, и если рассуждать строго логически, надо бы взорвать и ее...

Симона (*угрожающе*). Ну-ну!

Кристич (*ласково*). Мадам, а жертвы во имя счастья любимой родины?

Симона (*грубо*). Взорвите сотню любых таверн во имя счастья любимой родины, но не эту.

Загорается желтый глазок.

Голос. Номер «1-А» здесь, сэр.

Лейн. Сию минуту, Гарри. (*Торопливо.*) Господа, я занят. Аббат, наметьте операции на ближайшее время, учтите кадры мадам Симоны, назначьте места свиданий и пункты приема оружия.

Часы на камине бьют одиннадцать раз.

Кристич. Ого, уже одиннадцать! Мне пора домой, сэр.

Симона (*уныло*). А у меня нет дома.

Лейн (*холодно*). Сегодня можете переночевать здесь. Будьте здоровы. И работать, работать! Плотина на канале, мадам,— это первая очередь.

Симона и Кристич уходят. Лейн нажимает кнопку микротелефона. Загорается желтый глазок.

Гарри, не выпускайте из виду этих попов. Следите за ними в оба...

Глазок тухнет. Входит Штрингис.

Явление 4

Лейн (*чрезвычайно радушно*). Салют, друг! Благополучно добрались до моего... гм... блиндажа?

Штрингис (*сердито*). Сэр, впредь никаких звонков к номеру «27-Б». Этот канал должен быть вне подозрений.

Лейн (*поспешно*). Простите! Не учел.

Штрингис. И скажите мадам, чтобы она больше носа не показывала к номеру «27-Б». Вы что, хотите завалить ее?

Лейн. Мадам будет предупреждена. (*Участливо.*) Вы расстроены? Кофе?

Штрингис. Налейте. (*Озлобленно.*) Вента копается в архиве концлагерей гестапо. Моего дела там нет. Вы понимаете, чем это пахнет?

Лейн. Бессилен. Вы знаете, где эти дела.

Штрингис. Все еще не верите? Уж не думаете ли вы, что я работаю на вас потому, что вы приставили к моему горлу нож?

Лейн (*ласково*). Как можно, Штрингис! Мы друзья...

Штрингис. Признаться, мне плевать на то, почему и как я из Сюрте-Женераль, которая завербовала меня в том проклятом концлагере, попал в вашу разведку... Наплевать! Да, я тогда смалодушничал...

Лейн (*участливо*). Ну, зачем эти тяжелые воспоминания?

Штрингис. Я сегодня настроен на откровенность. Да,

смалодушничал. В юности я искал остроты переживаний... Пошел в компартию, потому что она была в подполье... Потом понесло меня в Испанию... Боялся там до обмирания и был рад-радешенек, когда нас спровадили во Францию. А режима концлагеря не выдержал. Пообещали денег, волю — в общем, попался! Да, так оно было. (*Неожиданно твердо.*) Но теперь меня ведет идея. Понятно? Идея, Лейн!

Лейн (*ласково*). Мы уважаем и ценим вас, друг мой, как раз за вашу идейность. Головорезов, вроде мадам Симоны, мы держим в черном теле.

Штрингис (*с отчаянием*). Нет, вам не понять меня, Лейн! Судите сами: я противник этого строя, а должен работать на него за десятерых. И что прикажете делать? На мне скрещены десятки тысяч глаз, я должен быть, ха-ха, примером для строителей социализма! Ни одного промаха, Лейн, ни одного скользкого слова! А этот Вента, чорт бы его побрал! Я дрожу под его взглядом, как паршивая собачонка.

Лейн (*с тяжким вздохом*). Понимаю, дружище, но что делать? Собственно говоря, хоть вы и строите как будто бы для их социализма, но в конечном-то счете строите для себя.

Штрингис (*мрачно*). Когда это еще будет? Да и будет ли вообще?.. Этот строй, Лейн,— твердыня, страшная твердыня. «Стройте, для себя»! До этого еще надо дожить. А дожить — это, знаете... Сам народ разоблачает нас и хватает за шиворот. Скажу откровенно: никакой базы в народе у нас нет и быть не может.

Лейн (*зло*). Мне не нравятся ваши слова, Штрингис.

Штрингис. Удивительно, до чего вы тупые люди, Лейн. Под вашими ногами горит земля, Лейн, поймите это! Только война... Да и то бабушка надвое сказала...

Лейн (*с крайним раздражением*). Я не понимаю, чего вы от нас хотите? Мы не трогали вас десять лет. Мы прилагаем все усилия, чтобы вознести вас на гору. Мы не посылаем вас на диверсии. Ваша задача остается прежней: подрывать боеспособность партии и ее притягательную силу. Вызывать сомнение в правильности курса. Создать, хотя бы в подполье, второй руководящий центр партии. Стараться оторвать страну от Советов. Сеять неверие в дело Сталина. Все ясно, друг мой.

Штрингис. Не так-то все просто. У партии тысячи глаз.

Лейн (*властно*). Довольно хныкать, Штрингис! И вот что: я стал сомневаться в вас. Мне нужны реальные доказательства, что вы попрежнему с нами. Что я получу от вас сегодня?

Штрингис (*швыряет на диван бумаги*). Сверхсекретные документы. Копии с подлинников.

Лейн (*размякнув*). Благодарю. Друг мой, нельзя ли пустить в воздух плотину на канале?

Штрингис. Нет... Только саботаж. Но и это удается с трудом. Еще одна задержка в темпах — и меня погонят с канала. И меня и начальника строительства.

Лейн нажимает кнопку микротелефона. Зажигается желтый глазок.

Лейн. Гарри, где же, чорт побери, номер «12-А»?

Голос. У аппарата, сэр. Только сейчас связались с управлением строительства.

Лейн. Здравствуйте, дружок. Ну, когда же наконец вы познакомите нас с вашим шефом?

Голос. Сэр, я веду с ним работу, но — сильные влияния. Им занялась сама Ганна Лихта. Очевидно, почувствовала что-то неладное. Он и сейчас у нее.

Лейн. Не надо позволять ему бывать там. Не жалейте ничего, дружок, больше развлечений.

Голос. Я вызвал его от Ганны Лихта. Я тороплюсь, сэр.

Лейн. Не надо. Это слишком крупная ставка, чтобы, не раздумывая, ставить ва-банк.

Голос. Понимаю, сэр. До свидания, сэр.

Желтый глазок гаснет.

Лейн. Речь идет о министре обороны в вашем кабинете...

Штрингис. Кабинет министров! Медведь еще бегает, а вы... (*Пренебрежительно.*) Значит, зацапали и этого мальчишку?

Лейн. Почти. Молод, чертовски честолюбив, но в ваших руках будет паинькой. Как видите, я озабочен вашим будущим.

Штрингис (*насмешливо*). Бросьте! Вы заинтересованы только в одном — взорвать плотину... Марк Пино? Гм... Не уверен.

Лейн. Ох, у вас совсем дурное настроение.

Штрингис. У вас есть еще дела ко мне?

Лейн (*поспешно*). Да-да! Если не ошибаюсь, номер «27-Б» после пленума ЦК несколько изменила свою политику? Я говорю о проблеме зажиточных фермеров.

Штрингис. Ее заставили быть круче с ними.

Лейн. И хорошо!

Штрингис. Вздор! Вы ничего не понимаете! Зажиточные фермеры — все-таки какая-то наша опора.

Лейн. Да, но эта опора будет несравненно крепче, если

номер «27-Б» возьмет более жесткий курс на ликвидацию кулаков. Пустите малюсенький слушок — и они взбесятся. Они пойдут за любым, кто поманит их и пообещает возврат к прошлому влиянию.

Штрингис (*помолчав*). Серьезное предложение.

Лейн. В особенности в свете международных событий. Война, восстания мужиков...

Штрингис (*зло смеется*). Вы с ума сошли! Народ раздавит кулаков в три счета, подними они только голову.

Лейн. Нет, положительно, вы сегодня не в духе. Вам не нужны?.. (*Побренчал в кармане монетами.*)

Штрингис. Вы должны мне слишком много, чтобы считаться на ходу. Всего хорошего. (*Уходит.*)

Лейн с жадностью читает бумаги, принесенные Штрингисом. Нажимает кнопку. Загорается желтый глазок.

Лейн. Гарри, следите в оба глаза за этим типом. Я перестаю ему верить... Позвоните Стрэнгу, пусть держит наготове шифровальщика, я сейчас пришлю первосортный товар. И попросите сюда мадам.

Желтый глазок гаснет. Лейн читает бумаги. Входит Симона.

Явление 5

Лейн (*томно*). Мадам, мне скучно!

Симона. А вы женитесь, сэр.

Лейн. О нет, это еще скучнее. Сигарету, мадам? Женщины вашей страны бегают от нас, словно мы чумные.

Симона. Может быть, оно так и есть?

Лейн. Не надо острить, мадам.

Загорается желтый глазок.

Голос (*полный паники*). Сэр, мы потеряли из виду этих попов. Агенты Венты на территории виллы, сэр.

Лейн (*в ярости*). Бездельники! Откройте все двери, пусть входят. О чорт! Мадам, как вы думаете, который же из этих попов продал меня?

Симона. Что мне до ваших попов? Вы подумали, что же будет со мной?

Лейн (*хладнокровно*). Мадам, вам все-таки придется пострадать за счастье любимой родины.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Служебный кабинет Ганны Лихта, очень светлый, с большими окнами. На стенах — картины, портреты президента республики и Иосифа Швердова — копия того, который мы видели в доме Швердовой. Справа на стене — карта канала Вира-Куусорта. Много книг, цветы. На письменном столе — идеальный порядок. В углу — диван, обтянутый бархатом теплого, приятного цвета. Около дивана — круглый стол, на нем стоит что-то накрытое белоснежной салфеткой. У стола — два удобных кресла, обитых таким же бархатом. Красивый радиоприемник — справа от стола. Сумерки. Через открытые настежь окна веет ветерок и слышны шумы города.

Га́нна Лихта просматривает бумаги, сидя за письменным столом. Макс Вента возится у радиоприемника.

Явление 1

Голос Ганны (*по радио*). ...Промышленное производство по сравнению с тысяча девятьсот сорок восьмым годом увеличилось на треть. В тяжелой индустрии повышение на двадцать процентов. Враги республики за границей и внутри республики злобно нападают на нас. Им, видите ли, не нравится, что мы стали на путь развития тяжелой промышленности. Одно это говорит, что мы на правильном пути. (*Аплодисменты.*) Но это только начало прогресса...

Ганна (*хмуро*). Выключи, Макс. Может быть, мой доклад на пленуме ЦК был не так уж и плох, но я не собираюсь учить его наизусть. Найди музыку.

Вента (*ищет волну. Музыка*). Москва.

Ганна. Хорошо. Только сделай чуть тише. Вот так.

Часы бьют десять раз.

О, уже десять! (*Подписывает бумаги и передает их Венте.*) Я согласна с твоими выводами. На Юге явно неблагополучно.

(*Встает, потягивается.*) Я смертельно устала, а дел еще... Ты хочешь чаю?

Вента. С удовольствием.

Ганна (*подходит к круглому столу, снимает салфетку, которая прикрывала электрический чайник, чайный прибор, тарелки с холодной закуской, вазу с вареньем. Включает чайник*). Садись сюда и расскажи мне о своей поездке на Юг.

Вента (*пожимая плечами и посапывая трубкой*). Все написано в этих бумагах.

Звонок телефона.

Ганна (*в трубку*). Слушаю... Да, товарищ президент... А-а, этот документ? Да, я с нетерпением буду ждать вашего решения... Даже сегодня? Очень хорошо... До свидания. (*Кладет трубку.*) Стало быть, Макс, тебе нечем порадовать меня? Пока все во мраке?.. И это убийство в клубе и испорченные тракторы?..

Вента. ...и сожженная ферма Косты Варра.

Ганна (*с ужасом*). Как? Когда?

Вента (*мрачно*). Этой ночью.

Ганна. Мерзавцы! А я словно что-то почувствовала и попросила Косту навестить меня сегодня. Негодяи! Действительно, банда уголовников.

Вента. И никаких улик. Что до этого случая в клубе с убийством кельнера... Есть в наших руках шелковинка.

Ганна. Шелковинка?

Вента. Сказка такая: шел человек по берегу моря, увидел паутинку, потянул ее. К паутинке, оказалось, привязана шелковинка, к шелковинке — нитка, к нитке — бечевка, к ней — веревка, к веревке — цепь, а на цепи — чудовище... Паутинка есть и шелковинка есть, но как ни тяну, нитки не видно.

Ганна. Шелковинка — это секрет?

Вента молчит.

Ох, Макс, как у тебя много секретов!

Вента пожимает плечами.

И не только служебных, которыми ты до поры до времени со мной не делишься, за что я могу только хвалить тебя... У тебя завелись от меня и личные тайны.

Вента (*горячо*). Вот уж неправда!

Ганна (*качая головой*). Это ты говоришь неправду. (*Не спуская с Венты глаз.*) Говорят, ты влюблен?

Вента (*хладнокровно*). Скажете!

Ганна. Да, и давно. Так говорят... Не знаю...

Вента (*стараясь сохранять хладнокровие, хотя трубка его дрогнула*). Ну и что из того?

Ганна (*просто*). А ничего. Она что ж, не любит тебя?

Вента молчит.

Да она просто чудовище!

Вента (*с жаром*). Неправда! Она...

Ганна (*смеется*). Макс, ты проговорился. (*Серьезно.*) Я давно хочу тебя спросить. Ты молод, красив, голова твоя просто набита умом... Почему ты живешь так одиноко?

Вента молчит.

Ты не сердись. Ведь я с тобой по-матерински. Ты же мой четвертый сын.

Вента (*глухо*). Да, знаю. (*Горько.*) Эта женщина... Она и любит и не любит меня. И я никогда не смогу сказать ей, как она безмерно дорога мне.

Ганна (*помолчав*). Что ж! Бывает и так. Полюбишь другую.

Вента. Вы же не полюбили никого после мужа?

Ганна. Во-первых, я уже стара. Во-вторых, я так любила Романа, что никакой мужчина не смог бы заменить мне его.

Вента. То-то и оно. Вот такой и я.

Ганна. Пустое! Ты так еще молод, Макс. Тридцать девять лет — да ты просто мальчик! И такое одиночество. А ведь ты мог бы быть счастливым.

Вента (*хмурясь*). Мое счастье — моя работа.

Ганна. Нет, это не так. Мы хотим для людей полнокровного, сверкающего, блистающего всеми красками счастья. Не скажу, чтобы вся моя жизнь была только в работе. Встречи с людьми, веселый отдых, красивые наряды — я все это очень люблю.

Вента. Гм!

Ганна. Не хмыкай! Мы работаем и боремся ради людской радости. Но мы должны быть счастливы и сами. Жизнь так коротка, Макс, и почему бы не сделать ее красивой, радостной? И мы сделаем ее такой для всех людей. Я не могу вообще видеть печали и тоски. Прочь их, Макс! Нам ли унывать, если впереди у нас такое, что не снилось человечеству!

Вента (*с невеселым смехом*). Я постараюсь, Ганна.

Ганна (*серьезно*). Постарайся, милый. Ты сказал, что видел на канале Марка. О чем говорили? Что у него?

В е н т а. Он совсем зазнался. Плохо о нем говорят.

Г а н н а. Да, с ним нехорошо, и в этом наша вина, Макс. Так много вокруг людей, которые требуют внимания, наблюдения, доброго слова, совета... Я вызвала Марка к себе. Мы должны сурово поговорить с ним. (*Помолчав.*) Чудесная музыка.

В е н т а. Лебединое озеро.

Г а н н а (*после паузы*). Хорошо и дружно прошел этот пленум ЦК, ты не находишь?

В е н т а. Он еще раз показал нашу силу и единство. Здорово сказала одна румынская поэтесса: «Наш фронт отличается чудесным свойством: когда к нему прикасается грязный коготь врага, он становится еще более крепким!»

Г а н н а. Хорошо! А Зита... Ну и попало ей! Кстати... (*Набирает номер телефона.*) Товарища Швердову... Добрый вечер! Кто это подходил к телефону? (*Закрыв трубку.*) Врет, это был Штрингис... Прошу немедленно вернуть документы, посланные вам на подпись. Вы систематически задерживаете их. Чтобы больше этого не повторялось! (*Кладет трубку.*) Она все-таки обманула меня. Я о Штрингисе... Клялась, рыдала. Мерзко все это, Макс!

В е н т а. Между прочим, я недавно просматривал архив концлагеря номер два, где сидел Штрингис. Дела Штрингиса в нем нет, хотя в алфавите оно значится. Впрочем, там нехватает десятков двух дел. Непонятно, почему.

Г а н н а (*встревоженная*). Это очень подозрительно. Ты должен разыскать это дело или нити его. Оно должно быть найдено, Макс. Хотя бы на дне моря, понятно?

В е н т а. Слушаюсь. Я уже принял меры. Не могу понять, как Штрингис сразу, из глухой провинции оказался в комитете партии Юга.

Г а н н а. Это решали без меня, я была в Советском Союзе. Не люблю его, сама не знаю, почему. Хотя... Интуиция — вещь опасная.

В е н т а. Не ваша.

Г а н н а (*сурово*). Макс, я не люблю, когда меня...

В е н т а. Простите! (*Помолчав.*) Кстати, о Швердовой. Недели три назад после убийства в клубе мои люди напали на след Симоны Глурда. Женщина, похожая на Симону, зашла в дом Швердовой. Они сделали обыск у Зиты, но никого не нашли... Я, конечно, далек от подозрений...

Г а н н а. Ох, Макс, человек, став однажды на путь лжи... Тебе ли не знать? Нет, я больше не верю ей.

В е н т а. Суровый вы человек, Ганна, беспощадный.

Г а н н а. Приходится быть такой. Суровое и беспощадное

время. (*Помолчав.*) Может быть, Симона разжалобила Зиту, они ведь дружили в молодости. Кто знает!

Звонок телефона.

(*Берет трубку.*) Да-да, разумеется. (*Кладет трубку.*) Магда Форсгольм.

Пауза. Слушают музыку. Стук в дверь.

Прошу.

Входит Магда.

Явление 2

Ганна. А мы с Вентой десять минут назад говорили о Марке. Здравствуй, девочка!

Магда. Здравствуйте.

Ганна. Хочешь чаю?

Магда делает отрицательный жест.

Ты расстроена?

Магда. Да.

Вента. Должен сказать откровенно, Магда: последняя наша встреча с Марком произвела на меня плохое впечатление.

Магда. Если бы дело было только в нем! Очень плохо с Марком, того хуже со строительством. Окружной комитет поручил мне переговорить с вами, Ганна. Темные дела творятся на канале. Сотни тревожных сигналов от строителей, десятки постановлений окрестных кооперативов, не понимающих, почему так медленно идут работы, решения партийных организаций на канале... Вот, прошу. (*Вынимает из портфеля и кладет перед Ганной кипу бумаг.*) Люди, которые пришли на канал по призыву партии, не устроены. Нехватает инструментов, полная неразбериха в организации труда. Специалисты из управления и сам Марк не желают считаться ни с партийной организацией, ни с профсоюзами. Мне тяжело говорить это, Ганна, но Марк ведет себя... ведет себя преступно. Ганна, он гибнет. Три года назад вы поставили его на честный путь. Помогите ему теперь.

Ганна. А ты сама говорила с ним?

Магда. И на заседаниях окружного комитета и один на один. В последний раз он пригрозил мне разводом, и вот уже почти месяц он не был дома... Я пыталась увидеть его, но он запретил пускать меня на территорию строительства.

В е н т а (*с возмущением*). Хорош гусь! А со Штрингисом ты не говорила?

М а г д а. Он бывает раз в неделю. Накричит и уедет. Ганна, я послана к вам, чтобы передать решение окружного комитета. Мы требуем, чтобы Марк Пино... (*с усилием*) был снят.

Г а н н а (*холодно*). Ты все сказала?

Магда кивает головой.

Почему ты не пришла ко мне с этим три месяца назад?

М а г д а (*тихо*). Мы еще надеялись.

Г а н н а (*помолчав*). ЦК и правительству известно все сказанное тобой. Но за это (*жест в сторону бумаг*) спасибо. Народ подтверждает наши выводы, и это очень важно. Марк будет у меня сейчас. Ты хочешь, чтобы я говорила с ним при тебе?

М а г д а. Нет-нет! Он замкнется, и вы ничего не добьетесь.

Г а н н а. Хорошо. Ты будешь мне нужна. Куда ты отсюда?

М а г д а. В управление кадрами ЦК.

Г а н н а. До свидания.

В е н т а. Не горюй, Магда.

М а г д а уходит

Г а н н а (*перебирая письма*). Не так-то просто отнять у нашего народа то, что он завоевал. Этот наш первый колосс социализма стал его кровным делом.

Звонок телефона

(*В трубку.*) Да, Баст... Да, я жду их. (*Кладет трубку.*) Коста Варра и Марк Пино.

В е н т а. Легок на помине.

Пауза. Входит К о с т а В а р р а

Явление 3

Г а н н а. Ох, Коста, милый, как хорошо, что вы пришли! Я только что узнала...

К о с т а (*бодрясь*). А куда мне итти с горем, Ганна, как не к вам?

Г а н н а. Бедная Мина! Мне просто до слез жаль ее.

К о с т а. Ничего. Мы едим — нас едят.

Входит М а р к П и н о.

М а р к (*щелкнув шпорами*). Здравия желаю.

Г а н н а (*холодно*). Здравствуй, Марк. Почему шпоры? Ты командуешь кавалерией или строительством?

М а р к (*смущенно*). Простите! Забыл снять.

Г а н н а. Что осталось от фермы, Коста?

К о с т а. Десять метров хороших сухих дров.

М а р к. Э, да тебя сожгли, Коста?

К о с т а. Добрались... А ты говоришь: «мифические враги»!

Г а н н а. Мы построим вам новую ферму, Коста.

К о с т а. А, не в том дело!

Г а н н а (*любовно*). Коста, ну как же мне утешить вас?

К о с т а. Э, Ганна, что слова! Я знаю, ваше сердце кипит, как и мое, и это все.

Г а н н а. Садитесь сюда. Хотите чаю? Попробуйте клубничного варенья. Сама варила.

М а р к. И когда вы успеваете?

Г а н н а (*сурово*). Видишь ли, блудный сын мой, я не пью, не якшаюсь с разными проходимцами, не ухаживаю направо и налево.

М а р к (*вспыхнув*). Опять донос!

Г а н н а (*сдерживая гнев*). Помолчи, Марк! Я еще с тобой... Ну, Коста, как работает Швердова после пленума ЦК?

К о с т а (*с сердцем*). А что ей пленум? Как с гуся вода! Уберите вы ее! Или ее, или меня! Не могу я, Ганна, отвечать за эту политику подкулачников. Эт-та женщина, чорт бы ее... Кто водит ее за руку, вы не знаете?

Молчание.

И я не знаю. Одно знаю — гнать!

Г а н н а (*сурово*). Но-но, Коста! Партия не может рубить с плеча.

М а р к (*пьет чай*). У тебя, Коста, тоже от страха глаза велики.

К о с т а (*найдя предлог излить гнев*). Ты еще мне! (*Со звоном ставит стакан на стол.*) Такое слышу о тебе — уши вянут! Болтаешься чорт знает с кем, понасажал вокруг себя людей, которых поганой бы метлой из республики, будь на то моя воля.

М а р к (*в бешенстве*). Варра, ты забываешься!

К о с т а (*с остервенением*). Нет, это ты, мальчишка, забыл, кто ты есть и кому обязан своими погонами.

М а р к (*спесиво*). Я обязан своим званием только себе.

Коста. Эк его разобрало! Героя из себя корчит, спасителя демократии! Молчи, все знаем! Кнута бы тебе, ха-арошего кнута! Жалко, что ты не мой сын, я бы из тебя эту дурь...

Марк (*успокоившись*). Ты просто в плохом настроении.

Коста. Верно! Может быть, в хорошем настроении я бы всего этого не сказал! И был бы дураком. С Магдой, говорят, разводишься... Э, да что там!..

Марк. Ну, знаешь, это уж наше личное дело. Диктатура пролетариата хороша в государственных делах, но не в доме.

Ганна. Ох, Марк, ты еще пожалеешь, что в твоем доме нет диктатуры пролетариата. Спасибо, Коста... Все это, может быть несколько спокойнее, я и хотела тебе сказать, Марк. Для того и вызвала. Здесь собрались твои друзья... Вспомни, как дружно мы бились с реакцией. Ты на плохой дороге, Марк. Мы предупредили тебя месяц назад. Мы потребовали коренного перелома в ходе строительства. На сколько процентов выполнен план к сегодняшнему дню?

Марк (*уныло*). На шестьдесят пять.

Ганна. За целый месяц два процента?

Марк. Трудности... Дело новое...

Вента. Брось отговорки! Вот посмотри эту кипу писем, их только что привезла Магда. Тут что ни строка, то правда. Страшная правда — для тебя.

Марк (*с усмешкой*). Магда! Ходит, жалуется... Где ее самолюбие, не понимаю.

Ганна. Это крик сердца и совести коммунистки.

Марк (*рассеянно*). Я принял меры. В июле мы нагоним темпы.

Ганна. Ты обещал нам то же самое в мае.

Марк молчит.

Ну, Марк, пеняй на себя. Слушай, Магда сказала, что ты целый месяц не был дома и грозишь ей разводом. (*Гневно.*) Это Магде-то? Да ты волоса ее не стоишь! Уйти от такого отважного и доброго сердца! А сын?

Марк молчит.

Этого я не прощу тебе. Никогда, Марк, запомни.

Марк (*жалобно*). Она изводит меня нравоучениями.

Вента (*очнувшись от задумчивости*). Надо полагать, ты не нуждаешься в них? Вот что, Марк, тут тебе говорили по-дружески, а я скажу покрепче. Ты играешь с огнем, и дело может кончиться скверно. Я слышал на канале очень много плохого о тебе и твоих друзьях.

Марк. Это твоя должность — слушать только плохое.

Вента. Врешь. Я с гораздо большим удовольствием слушаю хорошее. Впрочем, понимай, как хочешь. Я сказал.

Ганна. Ладно. Я думаю, что Марк все понял. А не понял (*жестко*), тем хуже для него. (*Помолчав, и весело.*) Чай стынет, и никто не попробовал моего варенья. Коста, не надо вешать голову!

Коста (*встряхнувшись*). И то, хватит! А варенье-то хорошее.

Ганна (*просияв*). Это особенно приятно слышать от вас, Коста!.. Мина — такая мастерица на эти вещи. Что у нее?

Коста. Понемногу оправляются. Ссуду получили, строятся.

Ганна. А что с тем делом? Я о МТС?

Коста. Шандор оказался прав: трактористы испортили машины, испугались и решили свалить на врагов. Так что приказ Швердовой я разорвал с чистой совестью. Для острастки Шандору закатили выговор, Эмми посадили на трактор, а в МТС назначили политического комиссара.

Ганна. Вот это хорошо! Политический комиссар... А знаете, пожалуй, комиссары партии в МТС нам нужны сейчас не меньше, чем тракторы. Об этом стоит подумать! (*Записывает что-то в календаре.*) Ну, а что Миловар?

Коста. Выгнали из кооператива.

Вента. Он тебя и сжег, Коста.

Коста. Ну, непойманный — не вор. Ты поймай его.

Вента. Поймаю.

Ганна. Еще чаю, Коста? (*Наливает чай.*) Ладит Мина с невесткой?

Коста. Ничего. Эмми — смирная, хорошая девочка. И работает сейчас за троих.

Звонок телефона.

Ганна (*берет трубку*). Да. Лихта... Тебя, Марк, из управления строительства инженер Жакобо. (*Передает трубку Марку.*)

Марк (*в трубку*). Да, Берт.

Вента (*зло*). Этот Жакобо! Отъявленный прохвост, а он с ним фамильярничает.

Марк. Хорошо, еду. (*Кладет трубку.*) Ты что-то сказал, Макс?

Вента. Я сказал, что Берт Жакобо — мерзавец. Ему место не на канале, а в одиночке.

Марк (*смеется*). Так ты и посади его!

Вента. Дай срок. Не знаю, кому от этого будет плохо.

Марк (*поспешно глотая чай*). Все вы сегодня не в духе. В стране, как я прочел в вашем докладе, Ганна, победа за победой, а вы...

Коста. А мы не прыгаем от успехов. Нам еще шагать да шагать...

Марк. До свидания, Ганна.

Ганна. Нет, Марк, тебе придется задержаться. Важное дело большой срочности.

Марк. Слушаюсь.

Часы бьют одиннадцать раз.

Коста. Ого! Уже одиннадцать! А мои вечно отстают. Что задумался, Вента? Э, полно! Три года назад было пострашней и посложней, а ничего, обломал народ рога бешеному быку, остались гнилые корешки. Выдернем!

Вента. Тогда они шли в открытую, Коста. А теперь... Мы все выше в гору, а эти кроты все глубже в землю...

Ганна. Советы воевали с кротами и крысами, вспомни, сколько лет. Ничего. Дуб стоит могучий, с широкой кроной, и под его ласковой сенью — все мы. Не всё тотчас. Им было труднее: они начинали строить коммунизм, полагаясь только на свою волю и революционный опыт. Нам легче: перед нами такой великий пример.

Звонок телефона.

(*В трубку.*) Да... Добрый вечер... О! Хорошо!.. Да, они как раз у меня... Будьте здоровы. (*Кладет трубку.*) Вента, я предложила Центральному Комитету выслать тебя из столицы на пять месяцев. ЦК дал согласие.

Вента (*шутливо*). Если за дело... Или ради дела...

Ганна. Неделю назад я представила Центральному Комитету и правительству соображения, касающиеся строительства канала. Эти соображения только что утверждены в виде декрета президента. По этому поводу и звонил сейчас генеральный секретарь партии. Генерал Пино, ты освобожден от обязанностей начальника строительства. Ты остаешься заместителем начальника. Мы даем тебе последнюю возможность снова стать на добрый путь. Поезжай к себе и готовь дела к сдаче новому начальнику.

Марк (*потрясенный*). Слушаюсь. До свидания! (*Уходит.*)

Ганна (*звонит по телефону*). Баст, известите комитет партии Юга: решением ЦК Штрингис освобожден от обязанностей уполномоченного комитета на строительстве канала.

Вместо него назначена Магда Форсгольм. Сообщите ей, она в управлении кадрами ЦК. (*Кладет трубку.*)

К о с т а. Хорошо! Хорошо, Ганна! Резать — так уж наотвал.

Г а н н а. Вента, три года назад мы посылали тебя чрезвычайным комиссаром на Юг с поручением подавить силы реакции, которая восстала против демократии. Ты хорошо выполнил волю народа. Теперь, три года спустя, мы снова возлагаем на тебя дело первостепенного значения. Мы посылаем тебя чрезвычайным комиссаром Юга и начальником строительства канала. Само собой разумеется, ты остаешься министром государственной безопасности. Декретом президента ты облечен неограниченными полномочиями. Двадцать восьмого октября, в день годовщины республики, ты сдашь канал и всю ирригационную сеть народу, чего бы это тебе ни стоило, Вента, чего бы ни стоило!

В е н т а. Слушаюсь, товарищ заместитель премьер-министра.

Молчание. Каждый погружен в свои думы.
Звонок телефона.

Г а н н а (*рассеянно берет трубку*). Коста, вас... Кто-то с рыданиями и слезами.

К о с т а (*берет трубку*). Да... Варра... Кто?.. А-а, пан Кочек. Чем могу служить?.. Одну минуту! (*Ганне, прикрыв трубку.*) Просит принять его, какое-то несчастье. Это наш сельский учитель, он еще меня...

Ганна кивает головой.

Хорошо. Улица Сталина, дом пять. (*Кладет трубку.*) Пожалуйста, распорядитесь, Ганна. Что-то нехорошее...

Г а н н а (*набирает номер телефона*). Баст, пропустите ко мне пана Кочека. (*Кладет трубку.*) Итак, Макс, прощай, дорогой. Я верю: ты исправишь все, что там натворили враги.

К о с т а. Да, беды поправимы, а уж наших радостей у нас не отнять. Не дай бог, случись беда — Коста Варра снова каску на голову, автомат на спину... Ого, мы хлебнули этого варева! Оно не то что это (*показывая на варенье*), клубничное. Но и на этот раз его будут расхлебывать те, кто заварит.

Г а н н а. Ох, и много же в вас молодости, Коста! Смешной и хороший вы мой человек!

Входит очень расстроенный п а н К о ч е к. Увидев Ганну и Венту, он пятится назад.

Явление 5

К о ч е к (*с отчаянием*). Простите... Я...

Г а н н а. Ничего-ничего!

К о ч е к. О, такая честь, но... Ох, Коста!

К о с т а. Что у вас стряслось?

К о ч е к (*с рыданием*). Этот отравитель и террорист... Мой любимый друг... Если бы не Ева... Я помчался на службу к вам, выпросил этот телефон, но если бы я знал, чей он... Товарищ Лихта, да разве бы я...

Г а н н а. Что вы так разволновались, бог с вами!

К о ч е к. Такая доброта! Коста, он обожжен чуть не до смерти. Спасая вашу ферму! Мы оба тотчас побежали на пожар, я кинулся в дом, и сразу меня охватило пламя. А он за мной... Разве я просил его? Кое-как привез сюда, а наш врач лежит — он тоже был на пожаре, его ушибло балкой. Они в машине, здесь... И врач и Бочек. Павло Бочек, Коста! Нужно срочно в больницу, а я не знаю, куда... Я схожу с ума! О злодеи, крысы, убийцы!

К о с т а. Ганна, до свидания. Поехали, пан Кочек.

К о ч е к. Нет, я не переживу его смерти. Шестьдесят лет вместе, подумайте. Каждый день рядом, поймите! Спасите его!

Г а н н а. Вента, помогите ему, он еле стоит.

В е н т а и К о с т а подхватывают с т а р и к а и ведут к двери. В е н т а возвращается. Сигнал машины — и снова тишина.

Явление 6

В е н т а (*усмехаясь*). Что называется, тихий, мирный трудовой вечер! Вы устали, Ганна. Я пойду, хотя, признаться, мне никогда не хочется уходить от вас.

Г а н н а (*сурово*). Макс, тебе нужна жена, дети и свой дом, откуда тебе действительно трудно будет уходить.

Звонок телефона.

В е н т а (*берет трубку*). Вас, Ганна, Ян Баст.

Г а н н а (*в трубку*). Да, Баст... Да, конечно. (*Кладет трубку.*) Знаешь, кто? Отец Петр! Срочное дело.

В е н т а. Час от часу не легче!

Входит о т е ц П е т р.

Явление 7

Ганна. Здравствуйте, аббат. Садитесь.

Отец Петр. Здравствуйте. Я так рад, что нашел вас, Вента. Мой рассказ займет не более десяти минут, а вам надо спешить. Вызовите своих людей, и пусть они будут поблизости.

Вента (*не отрывая глаз от отца Петра, набирает номер телефона*). Вента. Оперативную группу на машинах, немедленно на площадь Августина. (*Кладет трубку.*) Итак, потянем нитку, а?

Отец Петр (*недоуменно*). Нитку? Не понимаю.

Вента. Если не ошибаюсь, речь пойдет об этом югославе Мичо Кристиче и о его связях с американской разведкой.

Отец Петр (*с еще большим недоумением*). Так вы знаете все?

Вента, Да.

Ганна. Стало быть в твоих руках, Вента, не нитка, а целая веревка?

Вента (*усмехаясь*). Может быть. Для нас вопрос заключался в том, чтобы накрыть Кристича и его банду с поличным. Любой человек, который поможет нам в этом, выполнит свой долг патриота, только и всего. Остальное нам известно.

Ганна (*с восхищением*). Ну, Вента!..

Отец Петр. Я помогу вам. Час назад я был на вилле американского атташе Лейна...

Вента. Это в районе Ржицы... Знаем. (*Снова усмехнувшись.*) Вилла! У нас это зовут конспиративной квартирой.

Отец Петр. Там был и этот бандит Кристич, он и привел меня к Лейну. Я пошел с ним, потому что давно начал подозревать Кристича в предательстве. Торопитесь, Вента, вы еще успеете схватить его...

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет начальника строительства канала Вира-Куусорта. Задняя стена кабинета представляет сплошное, от пола до потолка раздвижное окно больших размеров. Сейчас окно закрыто легкой шелковой шторой, смягчающей солнечный свет. Магда работает за столом. Рядом еще стол с телефонами и аппаратом двусторонней связи.

Явление 1

Магда (*по телефону*). Не надо нервничать, Ян. Вы просто не сумели поднять коммунистов участка на преодоление трудностей. Скажем так: соревнование — как в СССР. Я знаю, что вы начали соревноваться, но почему в него включились только коммунисты, а не все рабочие? (*Слушает.*) Вот поэтому-то и снизились темпы укладки бетона. Кто задерживает арматуру?.. А вы обращались к партийной организации арматурщиков?.. Попробуйте! (*Кладет трубку.*)

С пачкой бумаг входит начальник финансового управления Марта Дорош в чёрном глухом платье и в очках.
Опять звонит телефон.

Явление 2

Магда (*берет трубку и жестом предлагает Дорош сесть*). Кабинет начальника строительства товарища Венты... Нет, это уполномоченная комитета партии Юга Магда Форсгольм... Ага... Хорошо. (*Кладет трубку, включает микрофон.*) Участок ЛД-6. На третью ветку прибыл состав с цементом. Немедленно разгрузить.

Голос. У меня нет рабочих.

Магда. Обратитесь к коммунистам, пусть пожертвуют обеденным часом. (*Выключает микрофон.*) Я слушаю вас, товарищ Дорош.

Дорош. Странные вещи, товарищ Форсгольм. Я просто глазам своим не верю. (*Протягивая ей бумагу.*) Это — смета отдела инженера Жакобо. Он отличался примерным отношением к денежным документам. Финансовое управление строительства никогда не имело неприятностей с товарищем Жакобо. Пунктуальность, точность, щепетильность. И вот я нахожу эту смету на два миллиона карлов, от которой у меня закружилась голова. Под эту смету инженер Жакобо получил триста тысяч карлов. Отчета нет вторую неделю. Но не в том дело. Деньги он не украдет, разумеется, но смета, смета... Тут что ни строчка, то ужасающее нарушение финансовых порядков. Вот подпись генерала, вот гриф Жакобо... Да что же это такое?

Сигнал включенного микрофона.

Голос. Из Гелево пришло восемьсот юношей и девушек. Пятьдесят шесть человек удрали обратно.

Магда (*в микрофон*). Не жалейте о трусах. Сколько среди молодежи коммунистов?

Голос. Двадцать семь.

Магда. Направьте их на участок ЛД-6, там тяжело. (*Выключает микрофон.*) Итак, Марта?

Дорош. Я должна, я вынуждена обратиться к прокурору. Это не просто халатность, это заведомое преступление...

Магда. Нет, не надо передавать прокурору.

Дорош (*вне себя*). Да вы что?.. Вы понимаете?.. Я не могу терпеть это... Я сию же миниту...

Магда (*твердо*). Товарищ Дорош, вы оставите этот документ и будете молчать... Понятно? Молчать, пока вас не позовут.

Дорош (*пожимая плечами*). Не понимаю... Пожалуйста... Вам виднее... (*Уходит с оскорбленным видом.*)

Входит кум Стебан.

Явление 3

Стебан. Здравствуй, Магда. Снова обнаружен ящик нитроглицерина. На этот раз среди турбинного оборудования.

Магда. Кто принимал оборудование?

Стебан. Инженер Жакобо и я в качестве контролера управления. Он торопил меня поскорее сдать оборудование монтажникам. Но у меня на эти вещи есть какой-то инстинкт.

Магда. Стебан, никому об этом ни слова.

Стебан. Но...

Магда. Ни слова!

Стебан уходит. Магда в тяжелом раздумье ходит по кабинету. Звонок телефона.

(*Берет трубку, обрадованная.*) Здравствуйте, товарищ Лихта... Он устраивает на работу советских инженеров. На сегодня восемьдесят девять процентов, но на участок ЛД-5 — это наше самое узкое место — сегодня приходит советский шагающий экскаватор. (*Слушает.*) Трубы, по которым вода из хранилища поступит на поля, освобождаются от опалубки. (*Слушает.*) На том участке форсируем намыв левобережной пазухи... Что?.. Нет, я ничем не расстроена... Марк? К сожалению, так же плохо. Мы ждем вас. (*Кладет трубку, открывает дверь.*) Попросите ко мне генерала Пино и инженера Жакобо.

Сигнал микрофона.

Да.

Голос. Участок ЛД-6. Где начальник? Катастрофическое положение с цементом.

Магда. Но ведь только что прибыл состав, я же вам звонила.

Голос. Две минуты назад получен приказ генерала перебросить цемент на участок ЛД-12, где он не нужен.

Магда. Хорошо, я разберусь. Как дела, Петрас?

Голос. На участке ЛД-6 бис начинаем класть облицовочные плиты.

Магда (*в восторге*). Хорошо, молодцы! Значит, мы перевалили за девяносто процентов! (*Выключает микрофон.*)

Входит вялый, осунувшийся Марк Пино.

Явление 4

Марк (*недружелюбно*). Здравствуй. Вызывала?

Магда. Да. Снова обнаружена взрывчатка. На этот раз среди турбинного оборудования. Его принимал Жакобо.

Марк (*пренебрежительно*). Дался вам Жакобо!

Магда. Он торопил контролера как можно скорее сдать оборудование главному инженеру монтажников Ковачу. Ковач — человек Жакобо. Вот кому адресовался этот ящик. Что скажешь?

Марк (*вяло*). Я не следователь. (*Взорвался.*) Что ты от меня, в конце концов, хочешь?

Магда (*сурово*). Чтобы ты понял, на кого ты опирался

и продолжаешь опираться. Скажи, почему так случилось, что с приходом сюда Венты и пяти коммунистов из ЦК дело сразу ожило? Мы за один месяц нагнали все, что было упущено тобой.

Марк (*насмешливо*). Известно: где появляешься ты, там начинаются чудеса.

Магда. Ты не ответил на вопрос.

Марк (*зло*). Еще бы вам не преуспевать, когда по одному звонку Венты вам дают все что угодно.

Магда. Да, мы звоним, добиваемся... Разве тебе это запрещалось? Ты не хотел. Или не хотели те, кем ты окружил себя. Нет, Марк, дело в том, что мы сумели поднять и воодушевить народ. Мы поставили коммунистов на самые тяжелые участки, и там все пошло на лад.

Марк (*ядовито*). Что ж! Ждите наград.

Магда (*печально*). Ты неисправим. Ты начинал свой путь с народом, ты кончишь его, оторвавшись от народа.

Марк (*в бешенстве*). Ты хочешь от меня энтузиазма? Нет его у меня! Меня унизили, обесславили, предали осмеянию, выставили перед народом на посмешище.

Магда. Зачем же ты здесь?

Марк. Я подчиняюсь приказу.

Магда. Ханс скучает по тебе. Почему ты так редко бываешь дома?

Марк. Чтобы не слушать твоих нотаций.

Магда. ...и пить в компании Жакобо? (*Пауза.*) Марк, милый, опомнись... (*Обнимает Марка.*)

Стук в дверь.

(*Отшатывается от Марка.*) Да!

Входит Шандор Варра.

Явление 5

Шандор. Здравствуйте. Я к вам, товарищ генерал. Тракторные отряды трех участков стоят. Нет горючего.

Марк (*устало*). Обратитесь к товарищу Жакобо.

Шандор (*с возмущением*). Он послал меня к вам!

Входит Берт Жакобо, жизнерадостный, очень полный, с сияющей здоровьем физиономией.

Явление 6

Жакобо. По вашему приказанию, товарищ уполномоченный. А! Варра!

Магда (*сухо*). Почему тракторные отряды Варры не обеспечены горючим?

Жакобо (*весело*). Я же вам сказал, милейший... Завтра, завтра.

Магда. Почему завтра, если склад полон горючим?

Жакобо. Там идет переучет. Ушел начальник склада.

Магда (*недоуменно*). Как? Ушел товарищ Гришке?

Жакобо. М-м-м... Собственно, я освободил его. Он манкирует обязанностями. У него слишком много партийной работы.

Магда. Не понимаю... Марк, ты санкционировал приказ о снятии Гришке?

Марк (*лениво*). Да. Берт мне докладывал. Действительно, эти коммунисты очень уж много митингуют и плохо работают.

Магда (*гневно*). Вот как? Может быть, коммунисты вообще мешают вам? Шандор, иди к товарищу Гришке. Скажи, что я отменила приказ, пусть приостановит переучет и посылает бензин для тракторных отрядов.

Шандор. Слушаюсь, товарищ Форсгольм! (*Уходит.*)

Жакобо (*вспылив*). Позвольте, товарищ Форсгольм! Какое вы имеете право вмешиваться в дела администрации? Я только что хотел просить генерала выгнать с работы контролера Стебана Ярошенко, но, может быть, теперь вы заменяете генерала? Пусть мне скажут, кто кому подчиняется — генерал вам или вы генералу?

Магда. Почему вы хотите прогнать Стебана Ярошенко?

Жакобо. Потому что он сегодня на два часа задержал отправку монтажникам турбинного оборудования.

Входит Макс Вента.

Явление 7

Жакобо. О! Товарищ начальник! У вас цветущий вид, товарищ начальник! Вас не беспокоит моя сигара? Ну, как себя чувствуют советские инженеры? Боюсь, не слишком ли смелые люди.

Вента (*коротко*). Советские люди — этим все сказано. Опыт, знания, энергия, бдительность. Продолжайте.

Магда (*волнуясь*). Товарищ начальник, сегодня утром контролер Стебан Ярошенко снова обнаружил ящик с нитроглицерином. Это уже четвертый случай.

Вента (*благодушно*). Ну и что? Вероятно, нитроглицерин выписан для нужд строительства. Ничего особенного.

Ж а к о б о. Везде и всюду она видит злой умысел! Охо-хо!

М а г д а. Но ящик был погружен с прочим оборудованием. Один толчок — и вы понимаете, что могло бы быть?

В е н т а (*тем же тоном*). Полно! Не горячись, Магда.

М а г д а. Инженер Жакобо, финансовое управление снова жалуется на вас.

Ж а к о б о (*попыхивая сигарой*). Марта Дорош просто помешалась на своих цифрах. Она тоже во всем видит обман и обсчет.

М а г д а. Вам знакома эта смета? Вы получили под нее триста тысяч карлов. Зачем?

Ж а к о б о. Обычное дело — подотчет. Что касается сметы — ее подписывал генерал. Он же подписал чек.

М а г д а. Генерал, вы внимательно смотрели эту смету?

М а р к. Кажется.

М а г д а. Кажется? Так вот я сейчас же отправляю этот документ прокурору. А вы, Жакобо, немедленно сдайте отчет об израсходовании этих трехсот тысяч.

Ж а к о б о. Почему вдруг? Вы что, не верите мне? Что я, первый раз беру под отчет деньги? Чорт знает что!

В е н т а. Ну-ну, опять начали! Отчет, конечно, надо сдать. Вы ведь знаете, Жакобо: Марта Дорош — сумасшедшая женщина. А насчет сметы ты снова погорячилась, Магда. Какой там прокурор! Я, знаете ли, не люблю выносить сор из дома. Не обижайтесь на нее, Жакобо. Молодость, что делать!

Ж а к о б о. Молодость — молодостью, товарищ начальник, но и молодости надо знать предел. Позвольте спросить вас, почему товарищ Форсгольм вмешивается в дела администрации? Она здесь комиссар партии и пусть занимается партийными делами.

В е н т а. Не кипятитесь, Жакобо. Сегодня она комиссар, завтра будет начальником какого-нибудь строительства. Она проходит университет. Смотрите на нее, как на студентку.

М а г д а (*язвительно*). У студентки есть еще вопрос к Жакобо. Почему состав цемента, отправленный на участок ЛД-6, был переадресован на участок, где в нем никакой нужды нет?

Ж а к о б о. Приказ генерала. Я исполнитель.

М а р к (*с возмущением*). Но, Берт, вы же доказывали мне...

Ж а к о б о (*ласково*). Я лишь излагал вам свою точку зрения. Вам вольно было не соглашаться с нею.

В е н т а (*мягко*). Ничего, разберемся. Идите, Жакобо,

дело не ждет. Прошу вас и генерала вечером на совещание с русскими инженерами.

Марк и Жакобо уходят.

Магда. Я не понимаю вас! Вы что, оправдываете Жакобо и всю эту мразь?

Вента (*посмеиваясь*). Уж не думаешь ли ты, что я покрываю их?

Магда. Люди могут так подумать.

Вента. Пусть думают, что хотят. Я не только начальник строительства и уполномоченный ЦК на Юге. Я еще и министр государственной безопасности. Жакобо и все его люди — куклы. Опасные, злые, но только куклы. Надо добраться до тех, кто дергает их за веревочку. Поэтому они и гуляли на воле. Надо было усыпить их бдительность. Но теперь пришла пора рассчитаться разом со всеми.

Магда. Слава богу!

Вента. Что у нас сегодня?

Магда (*торжествующе*). Мы перевалили за девяносто!

Вента. Вот это самое главное. Мне звонили?

Магда. Да, много. И Ганна Лихта.

Вента. А! (*Лицо его просветлело.*) Ты порадовала ее?

Магда. Еще бы! Она сказала, что выезжает к нам.

Вента. Очень хорошо. Сейчас мы разделаемся с этой бандой, а потом снова примемся за дела. Вечером поговорим с советскими инженерами. У них есть какие-то кардинальные предложения. Вот люди, Магда! Почта была?

Магда. Пакет из министерства. (*Передает пакет.*)

Вента (*разрывает конверт*). Ага! Это то, что я ждал. Магда, час назад сюда приехал Штрингис, позови его. Швердова у себя?

Магда. Она тоже здесь. Утром я была в народном совете округа и видела ее. Она только что приступила к исполнению обязанностей председателя совета. У нее невеселый вид.

Вента. Еще бы! Найди ее и попроси ко мне.

Магда. Слушаюсь. (*Уходит.*)

Вента (*некоторое время читает содержимое пакета, затем звонит по телефону*). Попросите ко мне заместителя начальника строительства Марка Пино и инженера Жакобо. Куда уехал? Как только вернется — ко мне.

Входит Ганна.

Явление 8

Вента. О! Вы неутомимы, Ганна!

Ганна. Я хотела порадоваться с вами. Говорят, вы перевалили за девяносто?

Вента. Представьте! Сам не верю, ей-богу!

Ганна. Поздравляю. Чудесный день.

Вента. К сожалению, я должен испортить его вам.

Ганна (*озабоченно*). В чем дело, Макс?

Вента. Помните, я рассказывал вам сказку о паутинке. Теперь в моих руках цепь, и мы вытащим на белый свет чудовище. Мне страшно сказать вам, но... Впрочем, почитайте вот это. (*Передает Ганне бумаги.*)

Ганна (*прочитав документы*). Какая мерзость! Что делать?

Вента. Действовать и немедленно. Ничего, мы просто очистим воздух от этой дряни. Тем радостней будет этот день.

Входят Магда и Швердова.

Явление 9

Швердова (*она сильно сдала за эти месяцы*). Здравствуйте.

Вента. Прошу садиться. Поговорим о делах. О делах государственной важности.

Швердова (*зло*). Опять?

Вента (*холодно*). Ничего не поделаешь. Несколько вопросов.

Швердова. За последние три месяца я только и знаю, что отвечаю на вопросы.

Вента. Вчера пан Кочек поймал Павласа Миловара при попытке взорвать тракторы в поле. Павлас хотел убить его, но тут прибежали люди и схватили Павласа.

Швердова (*высокомерно*). Какое это отношение имеет ко мне?

Ганна. А не вы ли опирались на таких, как Миловар?

Швердова молчит. Входит Марк Пино. За ним — Штрингис; вид его, как всегда, самоуверенный.

Явление 10

Штрингис. Я не помешал? Здравствуйте.

Вента (*предупредительно*). Нисколько. Прошу, садитесь. Швердова, Симона Глурда, арестованная около виллы американского атташе Лейна, созналась, что вы прятали ее от моих агентов.

Швердова. Ложь.

Вента (*бесстрастно*). Она в точности описала ваш дом, в котором никогда до того не была.

Швердова молчит.

Магда (*с возмущением*). Прятать у себя убийцу!

Швердова. Я не знала, что она убийца.

Вента (*брезгливо*). Когда вы перестанете лгать?

Швердова молчит.

Дальше. У Лейна были обнаружены копии секретных документов, которые посылались вам...

Швердова. Не только мне.

Ганна. Да, но именно вы систематически задерживали их. Слушайте, скажите нам честно: Штрингис имел доступ к этим документам?

Штрингис. Товарищ Лихта, я не понимаю, почему вы впутываете меня в дела этой женщины?

Швердова (*ошеломленная его тоном*). Отто!

Штрингис (*озлобленно*). Я вам не муж и не брат. Вы не имеете права называть меня так!

Вента. Потише, Штрингис.

Ганна. Швердова, вы распространили секретную директиву, суть которой сводилась к подготовке ликвидации кулачества как класса. Одновременно вы распорядились нажать на среднезажиточных фермеров, не желающих вступать в сельскохозяйственные кооперативы. По вашей вине в ряде пунктов возникли волнения, спровоцированные кулаками. По вашей вине в некоторых округах крестьяне начали истребление скота и продовольствия. Я вас снова спрашиваю: значит, вы берете только на себя ответственность за эти преступные директивы? Или вам посоветовали их дать? Кто вам советовал?

Швердова (*поняв, что эта минута самая важная в ее жизни*). Я советовалась со Штрингисом.

Штрингис (*ласково*). Зита, ну зачем вам впутывать меня?

Швердова. Затем, что я не хочу больше отвечать одна за дела, которые мы делали с вами, Штрингис. (*Решительно.*) Вента, я лгала все эти месяцы!

Магда (*с отвращением*). Вся ваша жизнь — сплошная ложь.

Швердова. Верно! Но сейчас я скажу все. Я выгораживала Штрингиса... Хватит! Пусть он разделит со мной эту чашу!

Штрингис. Зита!

Швердова. Он имел доступ к секретным документам, которые я брала домой, и мог снимать с них копии...

Штрингис. Гадина!

Швердова. О-о, Штрингис, ты так заговорил? Да, это он посоветовал мне дать эти директивы. Он говорил, что надо повернуть курс политики на Запад. Он хотел этого! Он мечтал стать вторым Тито, только еще более подлым. Я была его любовницей, и он предал меня. Я жертва его честолюбия и измены.

Ганна. Ну, насчет жертв, Швердова, это вы скажите кому-нибудь еще. Мы не младенцы.

Штрингис. Правильно! А то, что она тут наговорила, это еще надо подтвердить.

Вента. ...что мы и сделаем, как говорится, не сходя с места. Мы преступно долго верили вам. Мы долго искали нити вашего дела, исчезнувшего из архива гестапо, и наконец нашли их. Вот уже который год, Штрингис, вы шпион наших врагов. Вас завербовала французская разведка. Потом разведка Виши передала вас гестапо. Вы сидели в концлагере гестапо не как политический преступник, а как провокатор. Потом вас передали американцам. Штрингис, в списках агентов Лейна вы числитесь под номером «1-А».

Штрингис. Глупая, детективная история! Где доказательства?

Вента. Здесь. (*Показывает Штрингису бумагу.*) Ваши расписки в получении франков, марок и долларов.

Штрингис. Вам повезло, Вента.

Ганна. Вот оно как оборачивается, Штрингис. Ну, Швердова? Ведь вы не все сказали нам.

Швердова. Все, клянусь, все.

Вента. Штрингис, Зита Швердова была агентом Лейна?

Штрингис. Отвечать, так уж вместе. Да. Номер «27-Б».

Швердова. Мерзавец!

Вента. Вы не перешли в категорию агентов, обозначаемых литерой «А», просто потому, что Лейн не успел заняться вами и заплатить долларами за вашу работу на него. Так это?

Швердова молчит.

Еще один вопрос к Штрингису. Дело в том, что арестованный нами титовский и папский шпион Кристич показал, что несколько раз он с вами и с инженером Жакобо на конспиративной квартире Лейна обсуждал вопрос о вредительстве на канале...

Марк (*кричит*). Жакобо?!

Вента. Да, Жакобо, генерал. Ну, Штрингис?

Штрингис. Видите ли, Вента, с одной стороны, мне бы хотелось молчать. С другой стороны, мне бы хотелось видеть в тюрьме всю эту компанию. Почему, чорт побери, должен страдать только я? Пусть отвечают все. Да, и Берт Жакобо был агентом Лейна. Я связан с ним восемь лет.

Марк. Боже мой, боже мой!

Телефонный звонок.

Вента (*в трубку*). Вента... Да... Где он?.. (*Кладет трубку.*) Этот негодяй сам выдал себя. (*Ганне.*) Жакобо попытался удрать, захватив деньги, доверенные ему генералом Пино. Это ты его спугнула, Магда. Ну, ладно. Итак, Жакобо был агентом Лейна и действовал...

Штрингис. ...по моим поручениям. Между прочим, ему было приказано обработать этого надутого генерала-сопляка, но, к сожалению, у нас нехватило времени. Ему прочили пост министра обороны в моем правительстве.

Вента. С повышением тебя, Марк!

Магда. Ты слышишь, Марк?

Марк. Слышу! (*Глухо.*) Я прошу об одном: дайте мне начать все сначала.

Ганна. Твои дела, Пино, мы будем решать особо. Уведи его, Магда.

Марк и Магда уходят.

Товарищ министр (*указывая на Штрингиса и Швердову*), арестуйте этих бандитов.

Вента. Слушаюсь. (*Нажимает кнопку звонка.*)

Входят два агента.

Явление 11

Вента. Именем республики: Штрингис и Швердова арестованы. (*Передает агентам бумагу.*) Арестуйте начальника монтажников Ковача и инженера Мейснера. Этих увести.

Агент. Слушаюсь, товарищ министр.

Агенты уводят Швердову и Штрингиса.

Ганна (*со вздохом облегчения*). Открой окно, Макс.

Вента открывает окно, в него врывается грохот стройки.

Я говорила, не так-то легко отобрать у нашего народа то, что он завоевал. Спасибо, Макс, ты хорошо поработал. (*Торжествующе.*) Теперь-то уж канал будет!

Вента. Через двадцать дней, Ганна, через двадцать дней!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Снова кабинет Венты. За окном, на площади, слышится гул, звуки музыки, слышны песни. В кабинете тоже оживление — Мина Варра, Эмми, пан Бочек и пан Кочек, кум Стебан и Фимус украшают стены кабинета цветами, гирляндами зелени. Шандор Варра и двое рабочих устанавливают пульт с рубильниками и микрофон. Все они в праздничных костюмах.
Магда работает за столом Венты.

Явление 1

Бочек (*помогая Кочеку вешать гирлянду*). Вот и мы дожили до этого дня, дорогой Павло. Боли уже прошли?

Кочек. Почти, дорогой Яныш. Этот мерзавец здорово хватил меня разводным ключом.

Шандор. Ничего, он за все ответит.

Бочек. Да уж, Вента постарался! Его куда ни поставь, все перевернет вверх дном, а на своем настоит.

Стебан. Вытащил негодяев за ушко да на солнышко!

Фимус (*покаянно*). А я, люди, за Павласа голову клал!..

Магда. Тебе же было сказано, Фимус: глупую голову и топор не сечет.

Кочек. А этот проклятый проходимец Кристич... Я-то с ним! «Ваше здоровье, почтеннейший!», «Вашу руку, почтеннейший!» Тьфу! Ничего, теперь я с удовольствием выпью за то, чтобы их души как можно скорее попали к сатане.

Бочек. Так, милый друг!

Мина. Как приятно видеть вас в добром согласии и мире.

Кочек. Если все человечество мечтает о мире и согласии, как можем враждовать мы, соседка?

Эмми. Да они и не враждовали.

Бочек. Правильно, девочка! Глупая принципиальность!

Шандор (*окончив работу*). Все, Магда.

Магда. Спасибо, друзья!

Мина. Спасибо тебе, что ты оказала нам такую честь — позвала помочь тебе.

Магда (*посмотрев на часы*). Сейчас приедут. Я вам дам знать.

Все, кроме Магды, уходят. Магда прислушивается к рокоту на площади. Там возникают мощные возгласы: «Мир и честь Ганне Лихта!», «Мир и честь Ганне Лихта!» Входят Ганна Лихта, Коста Варра, Марк Пино, Макс Вента.

Явление 2

Вента. Все готово?

Магда. Так точно, товарищ начальник.

Ганна. Здравствуй, Магда! Ох, как хорошо! Десятки тысяч людей пришли со всех концов нашей земли. Праздник, каких не бывало. Я никогда не была так счастлива!

За окном снова возникает мощный всплеск голосов. Слышатся крики: «Мир и честь президенту!» Вента поднимает штору, закрывающую окно. В кабинет врывается яркое октябрьское солнце, и перед всеми, кто в кабинете, открывается панорама завершенного строительства: плотина при слиянии двух рек, освобожденное от лесов здание гидростанции, русло канала, уходящее в глубь полей. Нажатием кнопки Вента раздвигает стеклянную стену. И теперь уже ничто не разделяет тех, кто в кабинете, и народ на площади. Входит седой, весь в черном президент. Из двери налево входит делегация народа — Мина Варра, пан Бочек и пан Кочек, Шандор Варра, Эмми, рабочие.

Явление 3

Мина (*передавая президенту блюдо с хлебом, солью и гроздьями винограда*). От народа — вам, товарищ президент, плоды нашей земли. Они будут еще обильнее, и день этот недалек.

Президент (*принимая блюдо*). Спасибо, народ.

Вента. Товарищ президент, рапортую вам: строительство канала Вира-Куусорта завершено.

Президент (*у микрофона, народу*). Товарищи, друзья! От имени Центрального Комитета компартии и правительства благодарю строителей канала. Благодарю и поздравляю.

Оркестр на площади играет туш.

Вента (*Ганне*). Пора.

Ганна (*подходит к пульту; она так взволнована, что рука ее, лежащая на рубильнике, дрожит*). Народ! В эту торжественную минуту снова и снова вспомним имя человека, который ведет нас к миру и счастью, и этим именем, именем Сталина назовем наш канал.

В ответ раздается могучий возглас: «Мир и честь Сталину!» Ганна включает рубильники. Над куполом гидростанции взвиваются флаги республики. Ганна включает еще один рубильник. Над всей территорией канала зажигаются огни, и воды двух рек устремляются через створы плотины.

Мина (*восторженно*). Смотрите, люди! Наша Вира вошла в новое русло!

Шандор. Как и наша жизнь!

Президент. И уж никогда ей не вернуться в старое русло.

Магда. Как и нашей жизни!

Ганна включает еще один рубильник, и в здании гидростанции и на плотине загораются огни.

Ганна. Вот они, первые огни социализма! Никто, о нет, никто не остановит нас на пути к нему!

Оркестр на площади играет Гимн демократической молодежи. И все, кто в кабинете — Ганна, положившая, как три года назад, руки на плечи Косты и Мины, Эмми, прильнувшая к Шандору, пан Бочек и пан Кочек, стоящие плечом к плечу, старый Стебан и Фимус, Магда,— и весь народ на площади поют эту песню. Усиленная репродукторами, она звучит могуче, как сама жизнь, как то молодое и новое, что с титанической силой, преодолевая все преграды, стремится к вершинам человеческой радости.

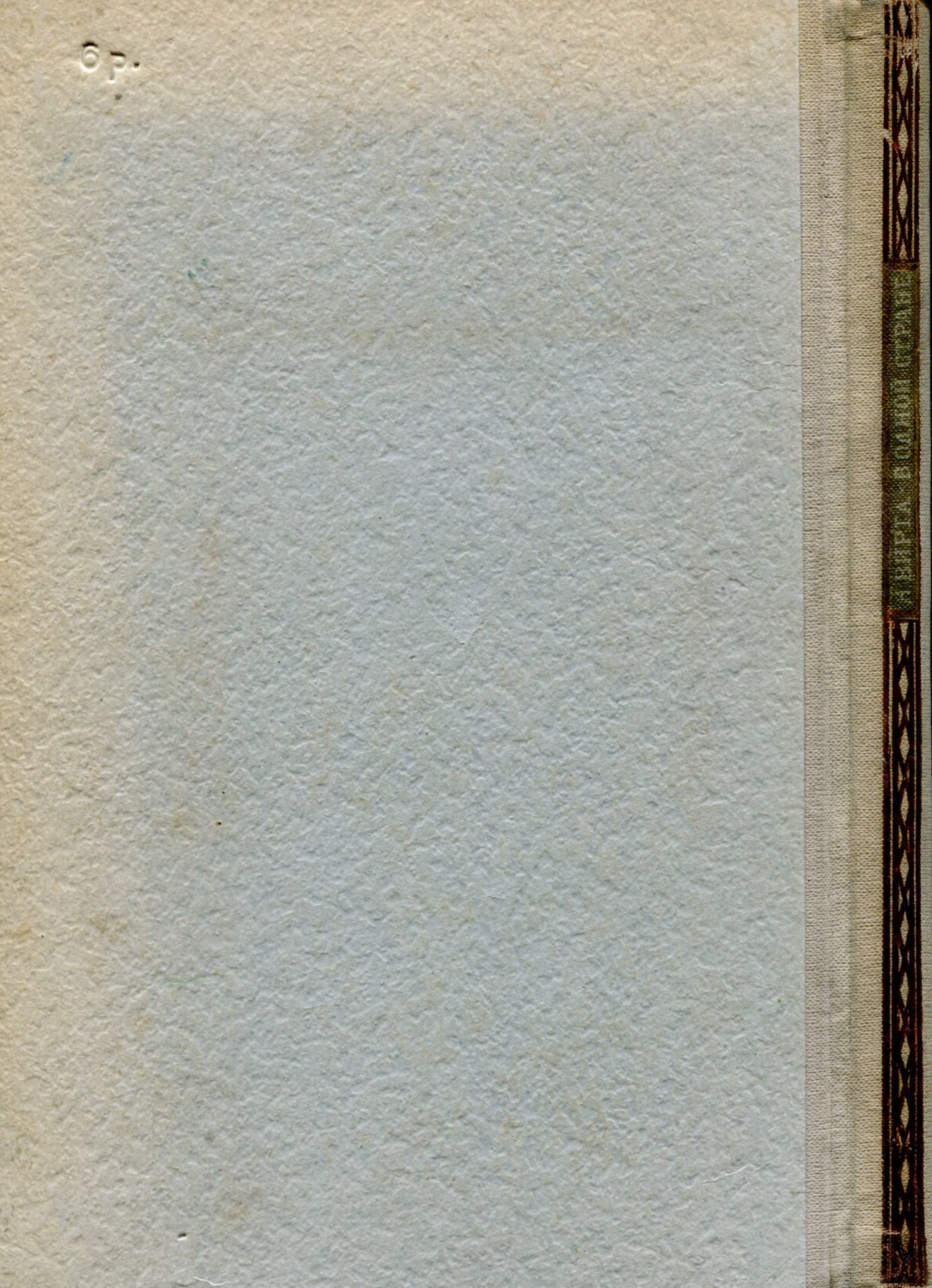
ЗАНАВЕС

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор А. Гулиев
Художник Б. Шварц
Технический редактор
Г. Александров

А00569 «Искусство» № 3838
Подп. в печ. 2/X 1952 г. Форм. бум. 60 × 92 1/16
Кол. б. л. 5 1/4 Кол. п. л. 10 1/2 Уч-изд. л. 8,96
Тираж 15 000. Заказ 558.
Цена 4 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.
(Номинал по прейскуранту 1952 г.)

20-я типография Союзполиграфпрома. Москва,
Ново-Алексеевская, 52.

6 р.